ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

6 1989

...Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село...

Александр ПУШКИН

Фотография П. МОКРОУСОВА.

...**О**н победил и время и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное,— они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный...

«Слово о Пушкине»

* * *

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать.
Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей как будто место есть.
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

Анна АХМАТОВА

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В ИЮНЕ

Это была Екатерина Романовна Дашкова. С. 20.

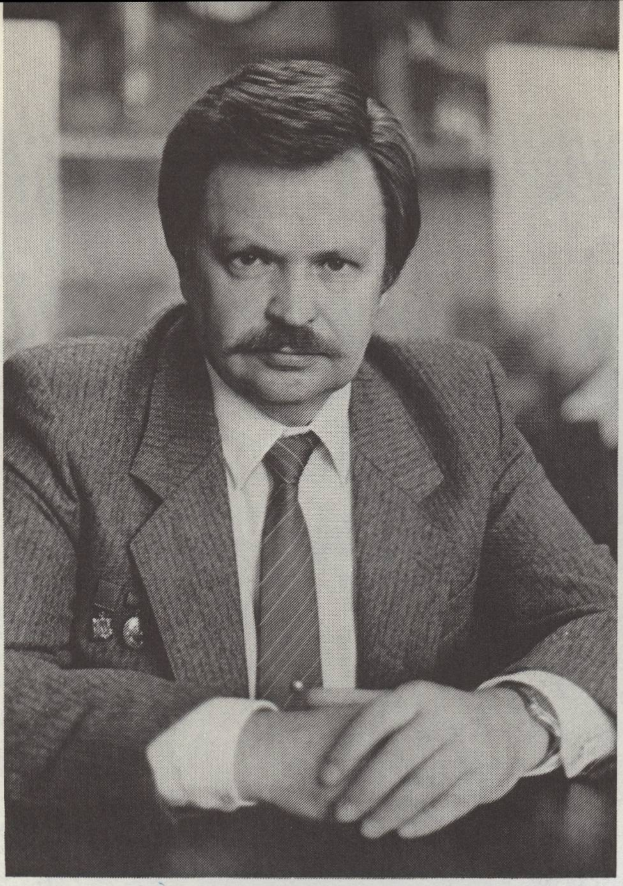

Гжель — город мастеровой. С. 42.

С. 62.

ФОНД НАШЕЙ ДОБРОТЫ

Во многих ваших письмах звучат вопросы о Детском фонде. Зачем он нужен? Кому будет помогать? И почему вдруг на семьдесят третьем году Советской власти понадобилось создавать такой фонд, если мы всегда говорили, что уж с чем-чем, а с детством у нас все в порядке?

Конечно, лучше всего сможет ответить вам Председатель Детского фонда имени В. И. Ленина Альберт Анатольевич ЛИХАНОВ.

В 1987 году в нашей стране во второй раз родился Детский фонд. Первое рождение состоялось в 1924 году. Что же произошло за время, разделяющее эти годы? Почему в 1938 году первая жизнь фонда оборвалась? И почему в наше время понадобилось создавать его заново?

Наверное, полвека назад закрытие Детского фонда имени В. И. Ленина прошло незаметно. Тогда говорили: «С беспризорностью покончено раз и навсегда! Фонд больше не нужен». Времена были суровые. Доброта и забота о людях не пользовались большой популярностью. Такой духовный климат был в стране, что люди часто повторяли: «Жалость унижает человека». Но вот прошло почти 50 лет, и выяснилось, что униженным делает человека не жалость, а ее нехватка. Что тот, кто много отдает, много получает. Изменились общественные настроения, и... снова понадобился Детский фонд.

Приступая к нелегкому, скажем честно, делу устройства фонда, мы знали много тревожного и даже страшного. Мы знали, что в стране больше миллиона сирот, хотя у большинства есть родители. Мы знали, что каждый год 700 тысяч детей остаются только с отцом или матерью, потому что родители разводятся. Мы знали, что очень много детей умирают, не дожив до года. Сегодня мы знаем еще больше печальных фактов, но сегодня мы знаем и другое. То, что нас утешает и дает нам надежду.

Тысячи людей с радостью откликнулись на создание Советского детского фонда. И сегодня номер счета 707 известен всем. Миллионы рублей пожертвовали советские люди на помощь детям, попавшим в беду. Среди этих людей и взрослые, и школьники. Делятся они часто своими совсем небольшими доходами, но делают это от чистого сердца. И, пользуясь случаем, хочу всем сказать большое спасибо!

На что же тратятся народные деньги? Если сказать коротко, то на детей! Но за этой краткостью множество реальных дел во всех концах страны. Обо всех не расскажешь.

Я уже говорил, что наибольшее наше беспокойство вызывала и вызывает высокая детская смертность. Особенно тревожно с ней обстоят дела в республиках Средней Азии. У этого несчастья много причин. Одни причины — общие для всей страны: слишком мало внимания уделяли мы социальным вопросам, а среди них — медицине. Есть и свои, местные сложности. Высокая рождаемость, нехватка

Фотография В. КОМЫШКО.

хорошей питьевой воды, нелегкая работа детей и их матерей на хлопковых полях. Ясно, такой клубок сразу не распутаешь. И все же делать что-то надо.

Так, одной из первых акций Детского фонда стали медицинские десанты. Конечно, в самом названии сказалась острота ситуации. Но десанты медиков в наиболее горячие точки Средней Азии — это не случайный короткий наезд — кропотливая, нужная и долгая работа. Тысячи детей осмотрели доктора́ (лучшие доктора!), собранные со всех концов страны. Тысячам была оказана неотложная помощь. Но это не все. Опытные медики поделились своими знаниями с коллегами. А весь опыт наблюдений обобщили и передали тем людям, от которых зависит принятие решений.

Взгляд детского врача на жизнь нашего общества — взгляд Детского фонда. То, что часто заслонено от взора начальства производственными, хозяйственными заботами, видят врачи, а вместе с ними мы.

Разумеется, проведение десантов потребовало немало средств и сил. Разумеется, не все проблемы можно решить с помощью только таких десантов. Но мы уяснили положение, установили, как преодолеть проблему. И не собираемся останавливаться на достигнутом, опускать руки. Мы организуем институт детства — учреждение совершенно новое, невиданного прежде типа. В стенах этого института соберутся лучшие специалисты, чтобы вместе работать над комплексным изучением детской жизни в нашей стране. Есть и другие проекты, рассчитанные на будущее, но подчас случаются и такие события, которые сразу отодвигают в сторону все планы, все дела.

Так было во время ликвидации последствий землетрясения в Армении.

Наш самолет, до предела загруженный медикаментами, одеждой, палатками, одеялами, приземлился в аэропорте столицы Армении на следующий день после трагедии. Даже сегодня, когда с того момента прошел не один месяц, страшно вспоминать зрелище чудовищных разрушений, увиденных нами в Ленинакане. Стихия слепа. Когда произошло землетрясение, школьники сидели за партами, их младшие братья и сестры находились в детских садах. Многие школы, многие детские сады рухнули, погребли тысячи ребятишек. Тем, кто спасся, нужна была срочная помощь.

Вот тут-то мы поняли: как хорошо, что есть у нас Детский фонд. В газетах писали: «Не хватает мощных кранов!» Правильно писали. Но самое главное: нужна была четкая организация, четкая координация поступающей со всего мира помощи. Часть этого труда взял на себя Детский фонд.

Армянское отделение фонда, его штаб расположились в здании Ереванской консерватории. Нужно было видеть, что творилось в стенах уважаемого учебного заведения в эти горячие дни! Студенты, преподаватели, добровольцы не покладая рук составляли списки нуждающихся в одежде и крове. Сюда шли люди, готовые принять, приютить сирот. Здесь выдавали вещи и продукты первой необходимости. Делали работу исключительной важности: помогали людям найти друг друга.

Тысячи погибли в те дни в Армении. Тысячи остались без крыши над головой. Множество потеряли друг друга из виду. В вестибюле консерватории установили специальные стенды, возле которых всегда стояли в напряженном внимании матери, отцы, дедушки и бабушки. С помощью спецкоров еженедельника «Семья» была организована специальная газета «Надежда», на ее страницах печатаются портреты пропавших без вести детей. Надежда остается всегда...

Советский детский фонд организовал приезд в Армению бригады специалистов-психологов. Ужас, пережитый детьми, тяжело сказался на их духовном здоровье. С какой же лаской, с каким тактом старались врачи вывести ребят из стресса!

Сейчас я называю главное. Просто невозможно перечислить все дела, которые взял на себя Детский фонд и его помощники в тяжелые для армянского народа дни.

Для фонда нет важных и неважных дел. Важно все! Дай бог, чтобы такие несчастья, как землетрясение в Армении, больше никогда не повторились. Но и без них у нас есть над чем работать изо дня в день.

Чем могут помочь Детскому фонду обыкновенные ребята, вы, читатели «Пионера»? Хочу сказать, ваши маленькие, но честно заработанные на субботниках, на макулатуре, на металлоломе деньги пришли в Детский фонд одними из первых.

Уверен, что вы сможете помочь нам и в преумножении капиталов Народного книжного банка. Подумайте, есть ли у вас книжки, которыми бы вы хотели поделиться со своими сверстниками, живущими в детдомах и школах-интернатах. Подумайте, какую радость им доставят ваши подарки.

Скажу и другое: разве только материальными делами может быть измерено наше участие? Нет, конечно! Вы, ребята, можете и должны прийти в детские дома, в школы-интернаты и... принести туда, нет, не только книжки, конфеты. Принести туда ваши добрые чувства, разве этого мало?

Записал Алексей МАРЬИН.

Генрих САПГИР

* * *

в белом небе
взмахи крыльев
образовали коридор

заглянул в коридор
слушаю
чей-то разговор

кто оставил
разговор
в белом небе?

* * *

улыбнись воздух и свет
улыбнись тополиный пух
улыбнись чувство свободы
улыбнись праздность

на узкой морде собаки
блеснули белые зубы
на пруду вода шевельнулась
оглянулось стекло окна

улыбнулся фарфор-безделушка
книга между строк улыбнулась
и даже серьезные мысли
усмехаются про себя

Сказка о Машине

Жила-была Машина,
Великая Машина,
Такой большой Машины
Еще не видел свет.

Когда сияло солнце,
Зубчатые колеса
Отбрасывали тень
На дальние поля.

Когда наступала ночь,
Машина сверкала огнями,
Как странная стройка,

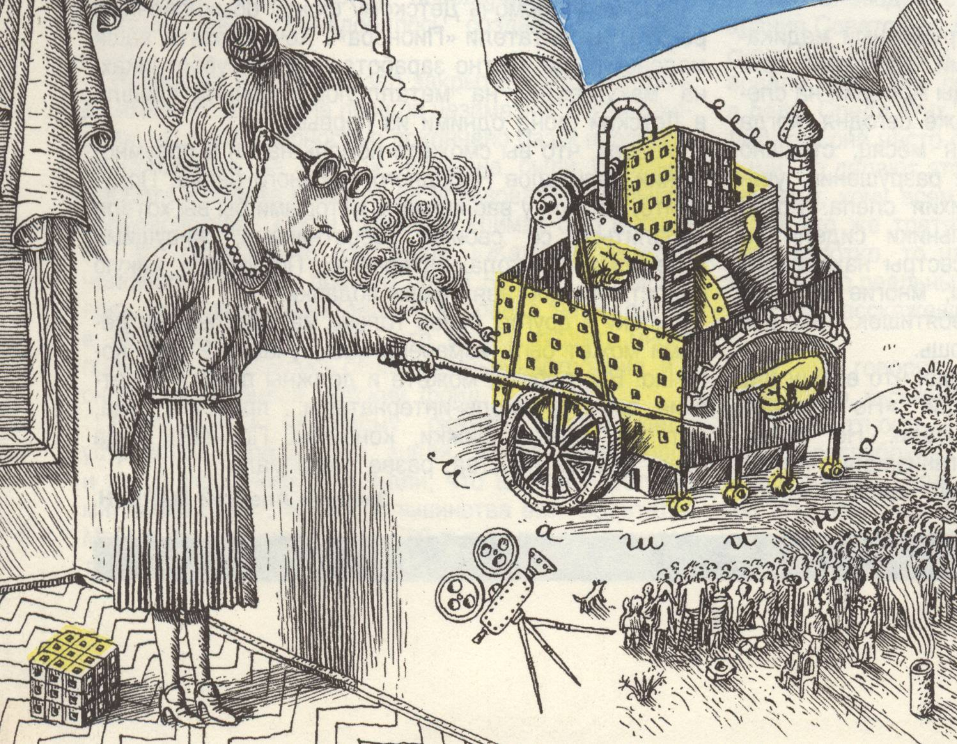
И день, и ночь она вздыхала,
Окутанная облаками,
Как древний сказочный Дракон.

Все Машину уважали.
Отовсюду приезжали
Разные специалисты,
Делегации,
Туристы
Поглядеть издалека,
Как гордо высится Машина -
Куб, уходящий в облака.

Маленьким детям
Говорили родители:
— Не плачь,
Не то тебя заберет Машина.

Местные жители
Говорили приезжим:
— Вы видели
Нашу гордость — нашу Машину?

А поэты сочиняли
песни — оды — огороды:
«О, прекрасная картина!
О, Машина,
О, Вершина!»

— Моя Машина,— говорил
Правитель той страны.
— Клянемся нашею Машиной,—
все подданные повторяли.

И новобранцев приводили
на верность присягать Машине.
А самый главный генерал
Ей саблею салютовал.

Но чего не знал никто?
Да, чего не знал никто?
На земле не знал никто,
Что же делает Машина.

Может быть, простые вещи:
Мясорубки, вилки, клещи?
Или сложные предметы:
Телевизоры, ракеты?

За стеной железной глухо.
Залетела как-то муха,
И пропала там бедняжка,
Как бескрылая букашка.

И ворота из гранита
На замок всегда закрыты:
Ни фургона,
Ни вагона,
Ни посылки — никого.

Что же делала такая
Непонятная махина?
Мы вам скажем по секрету:
Ровным счетом
Ничего.

* * *

мы вместе но не знаю где
мгла наступает от залива
и высветляется лениво
луна — и отблеск на воде

если эти стихи повторять про себя
человек далеко за холмами
идущий полынной дорогой
не услышит их — так увидит

Рисунок А. БАЛДИНА

БОЙ С ТЕНЬЮ

Светлана ВИНОКУРОВА

ПОЛУСКАЗКА

Сергею Шацу, вместе с которым мы придумали эту историю.

Физичка Нина Николаевна входила в класс боком: сначала появлялась большая белая рука с торчащим из рукава носовым платком, потом все остальное.

— Здра-авствуйте, сади-итесь,— зависал над нашими головами ее голос и против всех законов физики плавал по классу с полминуты. «А-асс... ессь...» — глухо осыпалось на задние парты. Короткие растопыренные пальцы медленно ползали по журналу, отмечая отсутствующих, и к концу проверки, когда они добирались до нижнего края страницы, становилась видна вся огромная, уложенная кольцами, коса Нины Николаевны, похожая на спящую змею.

И как раз на физике-то, на которой, казалось, ничего не может произойти, все и началось.

В приоткрытую дверь заглянул наш физрук Май Васильевич:

— Извините, Нина Николаевна! Маленькое объявление. Шестой «Б», кто из девочек забыл в раздевалке трусы?

Мы так и прыснули...

— Я,— испуганно сказала Китаева.

— Зайдешь после урока, заберешь.

Класс чуть не помирал со смеху, а Китаева расплакалась.

Урок, как всегда, был ужасно длинным. Жалко, что Нина Николаевна ошиблась и вместо того, чтобы стать, к примеру, врачом-гипнотизером и внушать людям во сне разные полезные вещи, взяла и пришла в школу, где нужно не усыплять, а совсем наоборот.

Передо мной сидел Костин. Он мял в кулаке резиновое кольцо (он его вечно мнет, силу качает) и одновременно толкал под партой Китаеву.

— Трусики надела? — громким шепотом спрашивал он.

Смотреть, как дергается его затылок, было противно, и я подумал, что вот было бы здорово, если б змея, спящая на голове Нины Николаевны, проснулась. Она бы вырвала гребень, который придавливал ее безглазую головку, и распрямилась над физичкой, грозно и слепо покачиваясь. Все бы заорали, стали прятаться под парты, а Нина Николаевна, ничего не понимая, растерянно махала бы на нас своими большими руками...

— Твой дневник! И выйди из кла-асса! — услышал я и вздрогнул. Но тут же понял, что физичка кричит не на меня.

Китаева опять плакала.

— А чего я сделал? — уставившись на Нину Николаевну, спросил Костин.

— Я говорю, дай дневник и вы-йди из класса!..

«Ы-ы... а-асс...» — колыхалось в воздухе.

— Я его дома забыл.

— Как фамилия? — Физичка придвинула к себе журнал. Не успела она еще запомнить его фамилию. Хотя за месяц могла бы.

Костин глядел в окно и невозмутимо жал свою резинку. Нина Николаевна озадаченно пошарила глазами по списку, посмотрела на нас и спросила, почему-то остановившись на мне:

— Как его фамилия?

— Костин,— машинально ответил я. Сзади зашептались... А Костин оглянулся, задрав рыжие брови, и усмехнулся.

Этот урок был последним. После звонка я вместе со всеми побежал в гардероб. И все думал: надо

или нет извиниться перед Костиным? С одной стороны, не лез бы к Китаевой, не прятал дневник — никакой записки нашей классной Нина Николаевна писать бы не стала, так что сам виноват, любому ясно. И фамилию она так и так бы узнала... А с другой, Костин из таких, с которыми лучше не связываться, к тому же подставил-то его, правда, именно я... Но решить так ничего и не успел. В гардеробе он подошел ко мне и что-то пробурчал со своей обычной усмешкой.

— Что? — не понял я. И тут он меня ударил... Наверно, сильно, потому что дышать стало нечем, и я словно провалился в какую-то ватную пропасть,— в глазах светло, а ничего не видно.

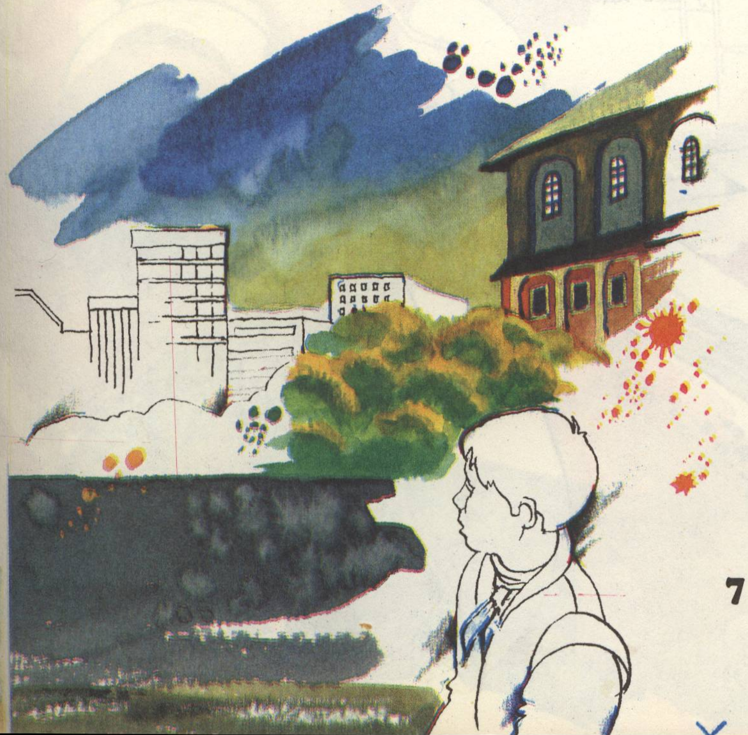
«Ну и черт с ним,— подумал я, когда разогнулся и снова задышал нормально.— Врезал разок и все... И в расчете».

Но на следующий день, в четверг, он на всех переменах внезапно, по-подлому, толкался, футболил с Волосюком мой портфель, и некоторые сразу к этому подключились. Прямо с удовольствием... А после уроков остановил за школьным забором с двумя пацанами из параллельного. И в пятницу тоже... Он бил, я, как мог, прикрывался, а они смотрели.

И тогда я стал незаметно отставать от всех и прятаться после уроков в туалете. Садился на подоконник, сцарапывал ключом белую краску со стекла и разглядывал сквозь эти кривые глазки школьный двор. Костин сидел на скамейке, похлопывал тех двоих по плечам, и они дружно ржали и плевались. Но терпения у них хватало ненадолго, самое большее на полчаса...

«Гады, вот гады!» — шептал я по дороге домой и пинал мешок со сменной обувью... Уменьшить бы Костина раз в десять и запихнуть в этот мешок, ух, как пожалел бы он обо всем! Как противно и жалобно орал бы и просил прощения! А я бы ему говорил: «Не-ет, рано тебя еще выпускать. Посиди, повспоминай все свои подлости!»

Да, Костин — гад. И те, которые смотрят — нашли бесплатное кино! — тоже гады. А я трус... Никого не могу всерьез ударить. Не умею драться, боюсь и не умею. И Димка боится, даже начал сторониться меня, чтоб заодно не перепало. Хотя не первый день за одной партой сидим, вроде приятелями считались... Так что же, только царапать стекла в уборной да пинать свой собственный мешок теперь и остается?

Физкультуру я любил еще меньше, чем физику, и мечтал об одном: чтоб Май Васильевич не обращал на меня внимания. Совсем никакого. Но он обращал. И не только обычное, а даже излишнее...

Так вышло, что я опять забыл дома эту чертову футболку, и он хмыкнул:

— Значит, в рубашке занимаемся? Так-так! Ты бы еще шляпу одел.

Все засмеялись.

— Вообще-то,— отчаянно сказал я,— их надевают. А не одевают...

— Что? — удивился Май Васильевич.

— Шляпы.

Он с интересом оглядел меня:

— Ну-ну. Умничать не здесь будем. Иди-ка к турнику и покажи подъем переворотом.

Знает, что я даже подтянуться толком не могу, а тут — «подъем переворотом»...

Я подошел к турнику и остановился.

— Может, стул принести, с него залезешь?

Все снова рассмеялись. Я подпрыгнул и повис.

Перекладина была так же неприступна, как серый потолок! Я висел, становясь все длинней и неживее, и руки все резиновей цеплялись за железо, а к оставшимся далеко-далеко внизу ногам тошно присосалась огромная пустота: казалось, падать в нее можно было, как в космосе, хоть всю жизнь... Я дернулся, изо всех сил потащил себя к перекладине и, когда она очутилась перед глазами, почувствовал — больше не могу.

— Вот такие у нас результаты,— удовлетворенно сказал Май Васильевич.— А то мать ему то и дело справки пишет.

— Ничего она мне не пишет,— буркнул я.

— Ты давай не рассуждай. Неси дневник.

Записав туда все, что он про меня думает, Май Васильевич повернулся к ребятам.

— Костин, покажи подъем переворотом.

Костин сделал все, как надо...

В коридоре он взял меня за плечо:

— Сёдня после школы сумку мне донесешь. Не вздумай смыться! Усек?

— Д-да...— ответил я и вдруг понял: на физику ни за что не останусь! И вообще не могу я больше так! Снова торчать в туалете, любоваться на их мастерские плевки и привычно бормотать «гады», чуть не плача от ненависти к ним и к себе... Уйду, и будь что будет.

Листья густо бултыхались в воздухе и ныряли в лужи, а один, пестрый и жесткий, как обрезок жестянки, шлепнулся мне прямо на голову. Кроссовки стали намокать, но домой не хотелось, и я брел и брел, пиная мешок, чужими дворами и какими-то облупленными переулками. И вдруг увидел дощатый забор. На нем висели щиты с изображениями спортивных снарядов: рапир, боксерских перчаток, штанги... Стадион!

Я отыскал проход внутрь и пошел к желтому двухэтажному дому. Шел и все время оглядывался: что если кто-нибудь заметит меня и спросит, что я тут делаю?.. Но никого на дорожке не было, и никто меня не остановил.

Зал, где занимались боксеры, был похож на большой каменный сарай. Там оказалось гулко и полутемно, несмотря на лампочки, горевшие под потолком. Я остановился в дверях, увидев тренера в синем костюме. Нос у него был настоящий, боксерский, я это сразу заметил: кривой и решительный.

— Тебе чего? — спросил он.

— Можно к вам...— Я сглотнул...— записаться?

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

— На будущий год. В этом прием закончен.

— А посмотреть? Я недолго!

— Ну посмотри.

Я присел на лавку. Рядом высокий парень отрабатывал «бой с тенью».

— Левой, левой работай, двигайся легче,— говорил ему тренер.

Парень без передышки молотил воздух, но было видно, что это занятие ему уже поднадоело.

— Пробегись и заканчивай,— тренер отошел от него.

Парень вытер полотенцем лицо и побежал...

— Ты что это, елки, на мое место уселся? — раздался над моим ухом недовольный голос.

Я вскочил, огляделся — вокруг никого не было. Только лавка скрипнула, словно на нее кто-то сел.

— Что, в первый раз сегодня к нам? — спросил тот же голос.

Я кивнул, попятился и ткнулся спиной в холодную стену... Тренировка заканчивалась, боксеры уходили.

— Не спешишь? Тогда присаживайся, место есть! — предложил голос. Он уже не был таким ворчливым. Было похоже, что он не прочь поговорить.

— Нет... Не спешу. А вы кто? — осторожно спросил я.

— Бой с тенью видел? Ну вот я и есть эта тень.

— Вы, значит, вроде призрака?

— Какого призрака! Обычная тень, раньше работал в «Трудовых резервах», теперь сюда перешел. Думал остаться, да зря надеялся... До Нового года дотяну и все, хватит с меня. Уйду на пенсию.

— Надоело работать, да?

— Если бы,— грустно хмыкнула тень.— Просто толковую работу люблю, без халтуры... Ну, да это мои личные причины, тебя не касаются.

— Так, выходит,— удивился я,— вас всю жизнь бьют? Любой бьет, кто с вами тренируется? Как же вы терпите, сами не ударите?

— Ну, елки. Таких простых вещей не понимаешь. Всякий занят своим: боксеры места, медали берут, мы им форму держать помогаем... А если тень сама начинает кулаками махать — все, больше она не тень.

— А кто же?

— Да никто! Раз собой быть перестает — исчезает.

Мы помолчали.

— А меня вы могли бы научить драться? — решился спросить я.— Хоть немного!

— Не драться, а боксировать. Почему нет? Приходи в мою смену, и начнем.

— Вы понимаете, мне прямо сегодня надо... Честное слово, надо. Может, ко мне пойдем, если тут нельзя?

Тень задумалась:

— Тренировки-то кончились, здесь нельзя, конечно. А надолго выходить нам не положено, режим... Ну, да ладно, все равно у меня завтра выходной! Пошли.

Облака сдвинуло к горизонту, и солнце светило вовсю! Мы с тенью шагали рядом, я слышал, как она шлепает по еще не просохшим лужам.

Впереди суетливая тетка продавала с лотка пирожки с мясом.

— Пирожки! Горячие пирожки! — сипло орала она, как заевшая пластинка.

— Хотите? — спросил я тень.

— Да на что мне, я вообще не ем. Но пахнет неплохо! Такие запахи люблю, честно говоря...

Я купил две штуки — себе и тени. Они оказались горячими, тетка не наврала! Свой я слопал быстро, хоть не очень люблю покупные — мама печет в сто раз вкуснее. А тень несла пирожок долго, до самого кинотеатра, за которым стоит мой дом. Но тут к нам пристроились две собаки, ничейная малявка без уха и здоровенная догиня с ошейником, и тень разломила пирожок на две части: ту, что побольше, бросила догине, а маленькую — безухой. Собаки метко клацнули челюстями...

— Линда! А ну иди ко мне! — сердито завопил пузатый мужик у подъезда, и догиня, виновато прижав уши, затрусила к нему.

— Большой собаке зря вы дали, ей от чужих брать нельзя — породистая...— как можно необиднее сказал я тени.— И вообще ее дома кормят. Лучше бы маленькой, сразу видно — бездомная.

— Елки,— вздохнула тень.— Хочешь по-справедливости, а получается...

— А знаете что? — сказал я ей.— Приходите к нам в воскресенье. У мамы день рождения, а она так печет! И сами... попробуете и дадите потом, кому захотите.

— Хм. Давно в гостях не был... Постараюсь выбраться, спасибо! Кстати, что за фильм тут у вас идет?

— Да вот же, на афише: «Тайна черного чемодана».

— Детектив? Последний раз, дай бог памяти, год назад в кино ходил... Со своим прошлым боксером. Славный был мальчик, очень славный... Слушай,— смущенно кашлянула тень,— а может, сходим?

Я замялся:

— Мне еще уроки делать. И потом, вы меня боксу поучить обещали.

— Да-да,— заизвинялась она.— У тебя же завтра какая-то местная ответственная встреча?

— Ага. Сразу после школы. Давайте лучше завтра! У вас же все равно выходной.

— Верно. Эх, скоро вся жизнь будет — одни выходные... Вот переберусь в спецдом, там, говорят, в общем, неплохо, и за мемуары от скуки сяду... Жизнь вышла не особо выдающаяся, но уж какая есть. Рассказать найдется что, глядишь, кому и пригодится...

Мамы дома не было — у нее опять суточное держурство в больнице.

— Хотите чаю? — спросил я.— Индийского?

— Индийского налей,— ответила тень.

Сам я запихнул в рот котлету, отлил в раковину суп из кастрюли, чтоб мама видела, что я его ел, и сжевал еще одну котлету. А тень все это время сидела над чашкой чая, и ложка смешно, будто сама собой, кружилась и звякала о стенки.

Для тренировки мы выбрали мою комнату.

— Что делать, если бьют поддых? — первым делом спросил я.

— Быстро отступи назад, а не успеешь, закрывайся локтями. Ну-ка, вставай в стойку. Так, руки выше! Закрывайся.

Я несколько раз поднял и опустил руки.

— Ничего для начала. Только резче надо. Теперь давай удары попробуем,— сказала тень.— Представь меня. Представил? Бей!

Я напрягся — и опустил руки.

— Вас я как-то не могу. Я лучше Костина представлю.

— Какого Костина?

— С которым завтра...

— Хорошо, пусть Костина. Начинай!

Костина я представил. Даже слишком хорошо представил! И опять не смог ударить.

— В чем дело? — рассердилась тень.— Он же твой противник. Не ты его, так он тебя!

— Я... боюсь. Вот... И его, и вообще бить.

— Бывает. Со многими бывает,— неожиданно мирно сказала тень.— Научиться плевать надо! На страх. Толковой тени без этого не получается. Человека тоже...

Она взяла с дивана подушку:

— Попробуем так!

Ну, по подушке — дело другое. По ней я здорово начал лупить! Правда, здорово. И в какой-то момент вдруг почувствовал, что по Костину может выйти не хуже!

— Прямыми!.. Теперь снизу! Апперкотом! — хриплым азартным голосом кричала тень, и я старался вовсю.

Но тут по телефону позвонила мама с работы.

Спрашивает она всегда об одном и том же. «Да, прополоскал... поел... делаю уроки...» — отвечал я.

Когда я вернулся, подушка лежала на месте.

— Теперь без нее,— сказала тень.— Давай!

Я зажмурился и ударил.

— Ну чего ты глаза закрываешь?

— Так... Думаю, вдруг в лицо вам попаду...

— Тьфу ты! Ладно. На сегодня хватит. Делай свои уроки, а я, пожалуй, прилягу. Тяжелый был день, партнер опять подхалтуривал.

— Так вам же легче должно быть, что он вас не так сильно бил...

— Я за чистую работу. А нечестную терпеть не могу, вот и устаю... Вот с прошлым партнером мы славно работали.

— С которым в кино ходили? А где он теперь?

— В другом спортобществе. Перетянули... Ладно, что об этом говорить. Дело прошлое...

— Я вам на раскладушке постелю, хорошо?

— Э, нет, я на жестком привык. Да и прилягу-то на часок, мы ведь не спим. Ковер чистый?

— Наверно. Мама в те выходные пылесосила. А вы не замерзнете так — без матраса, одеяла?

— Я? — удивилась тень.— Ну и вопросы у тебя! Кстати: по утрам бегаешь? М-да... И гантелей нет? Запущенный ты случай...

И вот тут у меня появилась потрясающая мысль! Я спросил тень:

— А когда вы собираетесь на пенсию?

— Через три месяца, к Новому году. А что?

— Я вот что подумал... На кой вам тот спецдом? Переезжайте к нам! И в кино, и везде бы вместе ходили, боксу меня как следует научили бы... И мой стол полдня свободен, пока я в школе: пиши — не хочу! Знаете, как заживем... А мама, ей-богу, против не будет!

Тень долго прокашливалась.

— Будущее — всегда дело темное, наперед загадывать не люблю... Но спасибо. Благодарен. Поглядим...

Разбудила меня мама, усталая и рассеянная, как всегда после суточного дежурства. Словно она не вся пришла домой, каким-то кусочком осталась там, в своей больнице...

В это утро я вскочил сразу. Вместе с тенью мы сделали разминку, и я снова поколотил немного по подушке. А металлическую пластинку от старого разобранного приемника засунул в портфель еще с вечера: решил пристроить ее под курткой после уроков, туда, где солнечное сплетение. Так, на всякий случай.

— Придешь из школы, прополощи горло! — крикнула вслед мама из форточки.

У школы тень остановилась:

— Я тебя здесь, на солнышке, подожду, погреюсь. Сыровато у нас в зале...

С каждым уроком я все сильнее не знал, как же теперь быть. И начала куда-то пропадать вчерашняя решимость... Решимость показать Костину, что я не тот, за кого он меня принял. Что не хочу больше от него прятаться. И подставляться не буду, как тень подставляется своим противникам... Конечно, чем лучше у нее это получается, тем она полезнее, нужней. Такое уж ее дело. Ее, но не мое!

Правда, на переменах в этот день Костин меня словно не замечал. Я даже подумал: а может, решил наконец отстать, самому надоело? В самом деле, сколько дней подряд можно приставать к человеку!

Но пластинку под куртку после последнего урока я все же засунул. И тихо спросил, выйдя во двор:

— Вы тут?

— Здесь. Сколько раундов будет? — деловито поинтересовалась тень.

Объяснить бы ей, что у нас за «раунды»! Да что толку? Ни к чему и некогда... Передо мной снова стоял Костин со своей вечной резинкой в кулаке. И все те же двое...

— Ну? — нетерпеливо прищурился он.— Что вчера было сказано, помнишь?

— Да... Но я не мог...— с трудом проговорил я.

— Нет уж, теперь кайся как следует, на коленочках! Тогда, может, прощу. Даже за вчера отработать дам. Ну?

— Слушай, Костин... Скажи, зачем тебе все это? — стиснутым от напряжения голосом спросил я.— Чего ты вообще ко мне привязался?

— Чего? — презрительно переспросил он, так презрительно, что даже перестал усмехаться.— Не перевариваю слюнтяев, вот чего... Понял ты?..

Я стоял перед ним и знал, что должен сейчас ударить Костина. Прямо сейчас! Первым. Но все стоял, словно в каком-то дурацком столбняке...

И достоялся. Те двое подскочили, больно завернули руки за спину и стали пинать ногами под коленки, чтоб я согнул их, а Костин коротко ткнул мне поддых...

— Уй! — охнул он и схватился за руку. Из-под куртки у меня вывалилась пластинка и звонко брякнулась на асфальт.

— Что придумал! Ну...— выругался Костин. Быстро опустив пальцы в карман, он вытащил цепочку — на таких собак водят... Вытащил, но обмотать вокруг ладони не успел. Потому что вдруг полетел в сторону! И грохнулся на кучу мокрых листьев на обочине тротуара... А пацан, державший мою правую руку, согнулся и сел на асфальт.

— Подонки... Да вырывайся ты, беги! — услышал я знакомый голос, но такой хриплый и глухой, будто он шел издалека или сквозь зубы.

— Не надо, вам же нельзя! — закричал я и свободной рукой ударил висящего на моей левой. Он не отпустил, и я изо всех сил ударил его снова. Он отпрыгнул и бросился бежать... Костин, упавший на листья, неловко поднимался, а третий все еще сидел на асфальте, отодвигаясь в сторону... И я, не обращая на него внимания, шагнул к Костину, держа руки так, как учила вчера тень.

Он тоже шагнул вперед, на меня, потом назад, потом — быстро — еще назад... И побежал. Я смотрел на него, пока он не свернул за угол. А потом посмотрел на свои сжатые кулаки с белыми-белыми костяшками и медленно опустил руки...

— Где вы, тень? — шепотом позвал я.— Где вы?

Вокруг было тихо и пусто. Совсем пусто. Я стоял один.

— Хулиганье.— Меня обогнул проходивший мимо дядька в шляпе.— Вконец распустились...

Мой портфель валялся посреди тротуара. Я бросил его на листья под липой, сел сверху, повернулся лицом к школьному забору и заплакал...

Потому что так и не успел посчитаться с Костиным.

Потому что не пойду на фильм о тайне черного чемодана один.

Потому что теперь я вообще навсегда один! Такого друга у меня уже никогда, никогда в жизни не будет! И я сам виноват в этом...

И некому теперь говорить мне «не бойся».

Некому, кроме меня самого...

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

6/89

ЭТОТ НОМЕР ГАЗЕТЫ МЫ ПОСВЯЩАЕМ МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ИНФОРМАЦИЯ К ДЕЙСТВИЮ

ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Со всех концов страны продолжает поступать помощь жителям Армении, пострадавшим от землетрясения. Вот несколько сообщений, полученных нами в разное время.

СМОЛЕНСК. По инициативе пионерской дружины средней школы № 20 был проведен сбор одежды, обуви, электронагревательных приборов, посуды для пострадавших.

РЯЗАНЬ. Пионеры и школьники — учащиеся учебно-производственного комбината Московского района безвозмездно получили сырье от работников местной промышленности. Из этого сырья они сшили детское белье и теплые рубашки для армянских ребят, потерявших кров после землетрясения.

МОСКВА. В школе № 1258 школьный театр показал литературную композицию «А ты можешь выйти на площадь?». Все средства от спектакля перечислены в фонд помощи Армении.

ХАРЬКОВ. Городской пионерский штаб и кружковцы Дворца пионеров предложили провести Всесоюзную пионерскую акцию «Дружба» — всем пионерам страны собрать деньги на строительство Дворцов и Домов пионеров в районах, разрушенных землетрясениями: в Ленинакане, Степанаване, Спитаке и Ахуряне АрмССР и в Гиссарском районе Таджикистана. Деньги можно переводить на счет № 749 в операционном управлении при правлении Жилсоцбанка СССР г. Москвы МФО № 299093.

А КАК ТЫ ПОМОГ АРМЯНСКИМ И ТАДЖИКСКИМ СВЕРСТНИКАМ?

МИНУТОЧКУ ВНИМАНИЯ!

ХОРЕН, АРУТЮН, ЛУСИНЭ, ГДЕ ВЫ?

Здравствуй, «Пионер»! Я пишу вам не в первый раз. Я Болдуев Алексей из Ленинакана. Я жив, цел и невредим. Но все мои друзья поразъехались из-за землетрясения временно, а может быть, и навсегда. И я теперь живу в другом месте. Здесь я нашел новых друзей, но, конечно, новые совсем не те, что старые. Вот я и прошу вас мне помочь. Я разыскиваю своих одноклассников, кто учился в 7 «Г» ленинаканской средней школы № 14 имени С. Орджоникидзе. Хорен Арутюнян, Арутюн Саркисян, Лусинэ Петросян — откликнитесь! Я живу теперь по адресу: **352552, Краснодарский край, Мостовский р-н, станица Губская, ул. Фрунзе, д. 35, Алексею Болдуеву.**

ВМЕСТЕ. Фотография Г. Цагарели.

«ВПЕРЕД», СПРОСИ МИНИСТРОВ...

Прочитала в № 8 вашей газеты «Вперед» интервью «С практикой все ясно?». Я живу в Орле. Каждую осень мы ездим в колхоз на морковь. И этой осенью было так: мы учились два-три урока, потом нас отпускали домой переодеться, а к часу дня мы собирались у школы. Но автобусы всегда опаздывали, приходили только к двум-трем часам. Мало того, в них впихивали по два класса, и половине ребят приходилось стоять.

Возвращались мы из колхоза поздно вечером, а дома гора уроков. Конечно, никаких денег нам никто не платил, а что касается овощей-фруктов в магазине — что-то от нашей работы их не прибавилось.

«Вперед», спроси министров, когда же нас перестанут снимать с уроков ради бестолкового, плохо организованного труда?

Ирина Г., г. Орел.

ЗАСУХА

И ВСЕ НАМ УЛЫБАЛИСЬ

Прошлым летом мы с моим другом Сашей Орешниковым решили месяц поработать. Пошли мы в исполком нашего Бабушкинского района спрашивать, кому на временную работу школьники нужны. Там нам поулыбались и отправили в Бюро по трудоустройству.

Мы сели в автобус, поехали. В Бюро нас тоже приняли, как родных, поулыбались и снабдили кое-какими адресами.

Сели мы в автобус, поехали. На мебельной фабрике долго кого-то ждали, искали, наконец, ответственные дядечки нам поулыбались, похлопали нас по спинам и сказали, что здесь, на фабрике, лаки, вредные химические вещества, и хоть мы и орлы — хотим работать, но делать нам тут нечего.

Сели мы в автобус, поехали на ВДНХ. Там, в сельскохозяйственном павильоне тоже рабочие руки нужны.

Директор павильона был на заседании, мы ждали его два часа. Освободившись, он нам поулыбался и сказал, что сельскохозяйственных павильонов тут несколько, и он не понимает, почему мы обратились именно к нему.

Уже темнеть стало, сели мы в автобус, поехали домой.

Больше мы с Сашкой не искали работу. Он уехал к родственникам в деревню, устроился там в колхозе и за месяц получил 35 рублей. Кроссовки себе купил.

Вот новое лето пришло, надо бы хоть сколько-то денег заработать себе на путешествие, но, как вспомню стену из вежливых улыбок, руки опускаются. Неужели в Москве совсем нет работы для школьников?

Саша Кубаевский, 8-й класс, г. Москва.

КОММЕНТАРИЙ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Читатель, хочешь работать в свободное от учебы время и получать за свою работу деньги?

Если тебе 14 лет (но никак не меньше), если ты заручился поддержкой родителей и получил от врача справку, что ты здоров, тебе помогут найти работу в Бюро по трудоустройству населения, в райкоме комсомола или в комитете комсомола твоей школы. Знай, что твои права защищает «ПОЛОЖЕНИЕ О ПОРЯДКЕ И УСЛОВИЯХ ДОБРОВОЛЬНОГО ТРУДА УЧАЩИХСЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В СВОБОДНОЕ ОТ УЧЕБЫ ВРЕМЯ».

А что касается принудительных осенних работ за счет уроков, газета «Вперед» выполнит ваш наказ и в следующем выпуске вновь обратится за разъяснениями в Комитет по народному образованию, на этот раз СССР. Не пропустите следующий номер!

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ

КТО МНЕ ОБЪЯСНИТ?

Всем-всем-всем, наверное, приходится пользоваться услугами транспорта. Ну уж в автобусе-то каждый ездит. И вот задумался я однажды над таким вопросом: почему на железной дороге и на судах речного флота детский билет со скидкой 50 процентов продают детям от пяти до десяти лет, а на самолет и морское судно — от пяти до двенадцати? Странно, не правда ли?

А вот в автобусах и маршрутных такси мы становимся взрослыми в семь лет, потому что с семи лет полностью оплачиваем свой проезд.

Обо всей этой транспортной неразберихе я прочитал однажды в газете «Труд», прочитал и удивился: почему это так?

Леня Левин, 8-й класс, г. Москва.

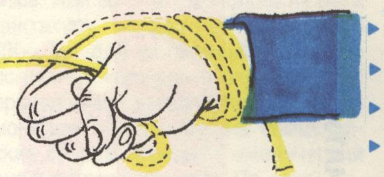
ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ

А КЛАССНАЯ ВСЕ СТРАЩАЕТ...

Я учусь в 8-м классе. В нашей школе всех заставляют вступать в комсомол. А все отчаянно не хотят. Я тоже. Не потому, что «не модно», нет. Просто наша комсомольская организация ничего не делает. У нас в классе два комсомольца. Они каждую неделю читают нудные заметки из «Комсомольца Кубани» — политически нас подковывают. А классная всем устраивает допросы: «Почему не хочешь вступать? Без комсомола после школы никуда не пройдешь, только в ПТУ или дворником работать». И стращает: «Вы знаете, что к некомсомольцам все относятся с подозрением: а вдруг у него антисоветские мысли?»

Все это мне здорово надоело. Какая разница, была я октябренком, пионером, потом стану комсомольцем. Внешние знаки разные, а что, внутренне я от этого изменюсь?

Лариса,
средняя школа №...
(и школу и домашний адрес автор письма привел полностью, но мы решили здесь их не указывать),
г. Краснодар.

РЕБЯТА, ЧТО ОТВЕТИТЬ ЛАРИСЕ? ПОДСКАЖИТЕ. На конверте поставьте девиз: **«Думаю про комсомол».**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

НЕ ЖАЛЕЯ ДАЖЕ МАЛЕНЬКИХ

...Удивительно, что есть еще в нашей стране люди, которые уважают Сталина. Однажды мы ехали с мамой в поезде и вместе с нами в купе оказался и пожилой кавказец. Взрослые разговорились. Выяснилось, что мужчина из Чечено-Ингушетии. А я достала магнитофон и стала слушать песни. Старик при этом оживился, вынул из чемодана кассету и попросил меня ее поставить. И мы услышали музыку, которая тронула всех нас. Говорилось в этой песне о том, что Сталин «высылал вайнахский народ в Сибирь». А я и не знала раньше, что Сталин выслал чеченцев из родных мест, даже малых детей, только за то, что они чеченцы.

Старик, видя мое удивление, рассказал, сколько горя и страдания принес «великий друг детей» его народу. Трудно передать мое состояние во время его рассказа... А другой сосед по купе, студент, говорит: «Вот ты почитай «Ночевала тучка золотая» повесть Приставкина».

Дома я разыскала эту повесть и прочитала. И три дня ходила сама не своя. Оказывается, ничегошеньки-то мы не знаем. Ребята, обязательно эту книгу прочтите.

Лена РОМАНОВА,
Волгоградская область.

Обязанности редколлегии исполняли Саша Кубаевский и Леня Левин из Москвы, а помогал им студент факультета журналистики МГУ Владислав ВАСЮХИН.

Оформление Ю. ПАКА.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОММУНАРСКИЙ СБОР

Валерий ХИЛТУНЕН

Этот человек, видимо, никогда раньше не бывал на коммунарских сборах, иначе бы он так сильно не суетился. Он руками махал, настаивал, чтобы я немедленно набрал телефон «02», связался с дежурным по городу, потребовал...

— А чего,— спросил я его,— требовать-то?

— Чтобы милиция поехала к родителям этих бандитов, и пусть родители заставят своих оболтусов восстановить разрушенное!

Я набрал «02» и услышал примерно то, что и предполагал услышать. Эту компанию боятся все (милиционер подчеркнул: все), в том числе и их собственные папы-мамы. И обращаться к родителям за помощью совершенно бесполезно.

Я посмотрел на растрепанного мужчину: какие будут дальше указания.

— А вы понимаете, чем это может кончиться? А если начнется драка? Оболтусы соберут свою кодлу, коммунары, которых на «Зимовке» полторы тысячи, в долгу не останутся... И полетят к чертовой матери все стекла в окнах.

Повторяю: этот человек приехал на коммунарский сбор впервые в жизни. Я-то знал, что все кончится благополучно...

Так оно и получилось. Разрушителей снежной крепости, которую коммунары построили для малышей, затащили в круг, бить не били, но что-то такое сказали, что с утра они как миленькие восстановили эту крепость, и потом еще раз пришли, и как-то даже запечалились, когда сбор закончился и коммунары начали разъезжаться...

Я уже много лет езжу на коммунарские сборы, и всякий раз возникают ситуации, похожие на эту, и практически всегда сбор демонстрирует спокойную свою мощь. В чем же дело?

Когда я впервые услышал это слово — «коммунары»? Пожалуй, в «Орленке» в середине шестидесятых, когда приехал туда пионером. Мне этот лагерь поначалу страшно не понравился — за год до того посчастливилось побывать в «Артеке», и я ходил задрав нос, и все мне было не так. И даже то, что орлятских вожатых мы называли по имени, а не по имени-отчеству, как тогда требовали артековские вожатые, меня не радовало, а скорее раздражало: какие-то несерьезные взрослые. В первые дни смены они вообще куда-то исчезли, оставив нас на произвол судьбы, а когда появились, то вместо того, чтобы, как и положено в пионерском отряде, выбрать совет, председателя, звеньевых (я уже примерялся к какой-нибудь ответственной должности), объявили, что в «Орленке» нет начальников и подчиненных, что тут каждый день все меняется: сегодня ты командуешь, а завтра подчиняешься. И еще сказали, что жить мы будем по плану, который сами же и сочиним все вместе.

«Ну-ну, — подумал я иронически,— представляю я этот план». Дискотек тогда еще не было, но танцы устраивались. Песни эстрадные по радио пелись — помню, в то время была очень популярна «Жил да был черный кот за углом и его ненавидел весь дом...» Вот, думаю, так и будем жить: танцевать и петь про черного кота. Надо сказать, что в свои четырнадцать лет я больше любил читать, чем петь дурацкие песни или отплясывать чарльстон. В общем, чуть было не начал я упаковывать чемоданы. Но потом наступил вечер, и вместо танцев мы всем отрядом, с вожатыми, ушли в горы, и там оборудовали костровую площадку, и сели тесным кругом, и начали говорить о том о сем, а потом как-то само собой получилось, что разговор перекинулся на предметы, сильно меня занимавшие в то время. О счастье. О дружбе. О любви. О смысле жизни... И вперемежку с разговором мы пели песни, многие из которых были мне тогда совсем неизвестны, я и авторов-то таких не слышал: Окуджава, Городницкий, Новелла Матвеева, Ким...

Сейчас страшно подумать: а вдруг бы я не попал туда, в «Орленок», вдруг бы вся жизнь прошла мимо меня? Что бы я имел?

Имел бы замечательную школу — девятую петрозаводскую... Потом уже, работая в школьном отделе «Комсомольской правды» и разъезжая по стране в поисках хороших школ, я все время ловил себя на мысли, что моя-то была все равно самой лучшей, уникальной... Спасибо директору — он приглашал к нам университетских профессоров, нам читали какие-то вузовские курсы матанализа и векторной алгебры. Сейчас я с ужасом смотрю на эти учебники, а тогда, в школе, читал ведь и зачеты сдавал, и вроде успешно даже.

И все-таки с каждым годом я все больше убеждаюсь, что воспитала меня не столько школа, сколько сборы. Вот ведь странное дело, правда? Школа (причем, подчеркиваю, очень хорошая, мы там всерьез учились, и преподаватели у нас были отменные!) — каждый день, да по шесть уроков, да с домашними заданиями. А сборы — ну, раз в месяц — это самое частое, ну, трое суток подряд.

Говорят, что воспитание — процесс загадочный. Иногда для того, чтобы воспитать человека, достаточно всего лишь одной книги, которая вовремя окажется у него под подушкой. Знать бы только, какая именно книжка кому нужна и в какое именно мгновение! Пожалуй, сборы и играли роль той самой Книжки-Вовремя-Оказавшейся...

Чем привлекают человека сборы? Поначалу, наверное, внешним. Четко сформулированными законами: «В коммуне нет начальства, хозяин — коллектив, а кто начальство корчит, тот жалкий, подлый тип». Это называется «закон бани» (то есть никаких мундиров, регалий, ты — человек и я — человек). Было еще, помню: «Давай бой дряни лю-

бой своими руками, своими зубами, своей головой!» Немножко кровожадно, но нам, мальчишкам, нравилось. Или вот: «Утверждаем на века диктатуру «огонька», демократию ДК». Тут для непосвященных нужно пояснить: «огонек»— это вовсе не праздничный вечер с танцами и лимонадом. «Огоньком» на коммунарских сборах называют ежевечерний анализ прожитого дня. По кругу, человек за человеком, каждый отвечает на три немудреных вопроса: «Что было хорошего? Что получилось плохо? Что бы я сделал поиному, если бы заново прожил этот кусок своей жизни?» Так вроде просто, но в первый день большинство ребят жмутся, маются, лепечут: «Присоединяюсь к мнению предыдущего... Мне нечего добавить». Но уже на следующий день робость пропадает, человек начинает понимать — никто тут над ним смеяться не будет, некого, в общем, стесняться. Ну скажешь глупость какую-нибудь, так ведь не один ты учишься говорить, мыслить, все в таком же положении.

На сборах очень многие начинают на самих себя смотреть с удивлением: надо же, кто бы мог подумать, что я умею и это, и то, и на сцену вдруг вылез без страха, и в кругу пою... И режиссером, и командиром, и художником дал мне побыть сбор. Роли мои сменялись с такой калейдоскопической быстротой, я так много успел за эти 72 часа (как-то получилось, что в среднем 3—4 дня продолжается это необычное действо), что показалось, будто недели, а то и месяцы прошли!

На сборах очень любят театральные представления, причем такие, в которых участвуют практически все. То «переселяются» в Древнюю Грецию, то вдруг решают побывать в будущем: что там, за горизонтом 2000 года? И вдруг оказывается, что самые ироничные из ребят, которым, кажется, наплевать на все, тоже что-то там размышляли о завтрашнем дне человечества и с удовольствием спорят о коммунизме — будет он или нет, реально ли всем людям жить по законам братства, или это так, всего лишь красивая сказка? И знаете, что является едва ли не главным козырем у оптимистов в этом споре? Сам сбор! «Ведь если мы, вчера еще не знакомые друг другу, живем так, что нам уже трудно расстаться, если я тут делаю, что хочу, но свобода моя вовсе не ранит других, значит, все-таки можно так устроить жизнь человеческую, чтобы «Человек человеку брат», а не «Человек человеку волк». «Ну,— тянут пессимисты,— это тут, на сборе, так жить можно, а в обычной-то жизни все по-

другому. Там поди скажи учителю, что не возрастом измеряется авторитет, он тебе такое ответит!»

Да, действительно проблема из проблем — как сохранить то ощущение братства, что возникает на сборе — не только на три дня, но и на всю оставшуюся жизнь?

Я помню, как пытался перекроить жизнь своей школы, когда вернулся из «Орленка» в шестьдесят пятом году.

Мне казалось, что моих сбивчивых рассказов об «Орленке» будет вполне достаточно, чтобы в школе произошла революция. Что будем мы вот так же, как в «Орленке», собираться ежедневно и в теплом кругу друзей анализировать, что было хорошего, что плохого... Что командовать друг другом мы станем по очереди, что песни будем петь в огромном кругу... И постигло меня такое же разочарование, какое постигает каждого, кто пытается словами передать те удивительные ощущения, какие испытал он на сборе или в каком-нибудь лагере актива, живущем по коммунарским законам. Ни-че-го-шеньки не выходит. Смотрят на тебя окружающие, как на идиота. Вроде ничего парень был, а тут, видать, свихнулся, хочет чего-то непонятного, и обижается — до слез! — что никто за ним не идет. Очень это, кстати, болезненное чувство: ты ведь уже обнаружил в себе талант агитатора, философа, и вдруг такое фиаско!

На сборе все, что ты говорил, было понятно окружающим, и ты их отлично понимал, и тебе не казалось нелепостью ночью переться к каким-то одиноким старушкам в заброшенную деревню, чтобы наколоть им дров. И вовсе не потому ты шел, что воображал себя Тимуром. Бог с ним, с Тимуром, ты вдруг действительно близко к сердцу принял тот факт, что старушкам *некому* нарубить дров, и это тебя взволновало. Потому что если ты живешь по законам братства, то ведь и этим старушкам ты как бы родной, ты — человек, они — люди, и если им холодно, то зябко становится и тебе. Но все это там, на сборе, было понятно, а когда ты в школе рассказывал про ту звездную ночь, визг пилы, про то, как снег хрустел под ногами, когда вы пробирались к бабкиным сараям, ай-яй-яй, какие странные взгляды были у одноклассников... Раз расскажешь, два расскажешь, а потом и примолкнешь, будешь хранить то коммунарское ощущение глубоко в душе — как сказку, сон, который то ли был, то ли не был...

Но если ты из породы сильных людей, ты говоришь себе: нет, подожди, что-то тут не так, какая-то загадка, которую я должен разгадать. И снова ты едешь на сбор и не только впитываешь эту странную жизнь, но и учишься нести ее людям. В общем, превращаешься в комиссара, способного организовать свой собственный сбор. А почувствовав вкус к этому делу, вдруг круто меняешь жизнь, забываешь, что когда-то мечтал стать электронщиком или юристом, и поступаешь в педагогический. И приходишь в школу учителем или вожатым и теперь уже во всеоружии полученных знаний пытаешься ответить на тот же проклятый вопрос: ну почему, почему никак не внедряется в школу его величество коммунарский сбор?

Что-то, видимо, в самом механизме школы заложено, что отторгает она жизнь, устроенную по законам братства. В школе ведь каждый сам за себя: **я** должен хорошо учиться, **я** поступлю в вуз, **я** стану специалистом... И если я в школе проявлю чувство солидарности и помогу, например, товарищу написать контрольную или шпаргалку ему передам, то ведь я поступаю *вопреки* школьным правилам.

Да, школьная жизнь устроена по иным законам, чем коммуна. Но если вы мне скажете, что вряд ли возможно чему-нибудь научиться без поощрений, наказаний, соперничества (а ничего этого у коммунаров нет), я лишь усмехнусь в ответ, потому как своими глазами видел иную школу. Мудрую школу сбора, где каких-нибудь три часа «погружения в историю» давали больше, чем целая учебная четверть, когда историк пытался заинтересовать тебя жизнью средневекового крестьянина, на которого тебе ну абсолютнейшим образом наплевать! Ни оценок не нужно, ни записей в дневниках, и те же мальчишки, которые с тоской листали учебники, вдруг начинали с веселым блеском в глазах копаться в книгах, вовсе не предусмотренных школьной программой, и спорить, и отстаивать *свою* точку зрения. Может быть, потому что эти средневековые крестьяне превращались для них в живых людей?

Эх, наступит ли время, когда вся

школьная программа будет осваиваться не в классах, не под строгим взглядом педагога, а вот так же, как на сборах, где и не поймешь порой, кто тут учитель, а кто ученик?! «Человек человеку — учитель» — один из любимых девизов сбора.

Понятно, что перестраивать школу будут те твои сверстники, которые захотят связать свою судьбу с педагогикой, несмотря на ее не очень-то аппетитный вид: да, замученные перегрузками учителя, да, маленькая зарплата, да, почти не осталось в школах мужчин... Кстати, кому труднее всего бывает на сборах, так это именно школьным учителям. Они все никак не могут выйти из привычной роли, им все кажется, что раз ты взрослый, то ты обязательно мудрее и должен страховать несмышленышей, чтобы они не дай бог не наделали ошибок. Должно вырасти другое, новое поколение учителей — тех, кто без ужаса воспринимает идеи педагогики сотрудничества... Надеюсь, лучшие ребята из твоего поколения все-таки поймут, что педагогика сегодня, а особенно завтра — это самое сложное, но и самое благородное дело.

Впрочем, зачем же ждать этого завтра? А что если попытаться уже сейчас хоть кусочки той жизни, что видели вокруг себя ребята из школ-коммун двадцатых, перенести в школу нынешнюю? Коммунарский сбор — это ведь, строго говоря, «эхо двадцатых», это как зеркало, где отразились и коммуна Макаренко, и опытная станция Шацкого, и другие эксперименты, о которых мы, увы, так мало сегодня знаем.

А что если мы вместе попытаемся проложить тропинки от той жизни в нынешнюю? Если ты поможешь, мы найдем свидетельства людей, которым довелось учиться в школах-коммунах, работать в коммунарских секциях шестидесятых годов, в «Орленке» той поры. Их опыт продолжать твоему поколению. Точнее, самым сильным людям из числа твоих ровесников. Тем, кто вопреки всему — и перегрузкам, и маленькой зарплате — будет выстраивать Новую Школу. Хотя про зарплату я так скажу: побеждает лишь то общество, которое понимает, что педагог должен быть не только самым уважаемым, но и самым высокооплачиваемым человеком в стране. Думаю, что рано или поздно и мы сумеем поднять учителя на должную высоту.

Желаю и тебе оказаться там — среди умных и гордых людей, ранее других догадавшихся, что не сдвинемся мы вперед, если не произойдет революции в школе...

Коллажи А. КРУПНИКОВА.

«ВИКТОРИНА С ОШИБКАМИ»

ИТОГИ

Из 1747 участников викторины (№№ 8—12 журнала «Пионер» за 1988 год) ответили на наши вопросы правильно многие. Победителями мы решили объявить пятерых ребят, которые прислали первыми наиболее подробные и правильные ответы.

ИТАК, ПОБЕДИТЕЛИ:

Светлана ЕРЕМИНА
(г. Амурск, Хабаровский край),
Андрей БУГРОВ
(г. Северодвинск),
Светлана ЛЕДОВСКИХ
(г. Джамбул),
Наталья и Татьяна САНДРЫКИНЫ
(г. Чкаловск, Таджикская ССР).

ИМ БУДУТ ВЫСЛАНЫ КНИГИ И ГРАМОТЫ ЖУРНАЛА.

А десять ошибок нашего аквариума вам перечислит одна из победителей, Светлана Ледовских:

«1. В вашем аквариуме растет тюльпан. Но это растение — не водяное, без воздуха жить не может.

2. Рядом с тюльпаном оказался кактус. Он тоже не растет ни в одном аквариуме.

3. Много ракушек, обломков камней. Они делают воду жесткой и ядовитой, негодной для жизни рыб.

4. Жук-плавунец очень опасен для молоди. Он может убить даже взрослую рыбку.

5. Нельзя содержать вместе двух петушков-самцов. Они будут постоянно драться, и один погибнет.

6. Рядом с золотой рыбкой мы видим цихлозому меeки. Она очень агрессивна, не рекомендуется ее содержать с другими рыбками.

7. Лялиус, который нарисован внизу аквариума, имеет наджаберный орган, позволяющий дышать атмосферным воздухом. Лялиус в основном плавает у поверхности аквариума.

8. Сомики, нарисованные вверху, наоборот, ведут придонный образ жизни. Плавая около дна, сомики поедают остатки корма, который не съели другие рыбы.

9. В левом нижнем и в правом верхнем углах аквариума мы видим двух рыбок данио рерио. Они обычно плавают стайкой. А в вашем аквариуме данио рерио в разных углах.

10. Около тюльпана мы видим необычную рыбку — плод фантазии художника. Хвост и верхний плавник — гуппи-самца. Тело — скалярии».

ВСЕМ ВСЕГО ДОБРОГО!
СЛЕДИТЕ ЗА НОВЫМИ КОНКУРСАМИ!

Леонид ЯХНИН

Тайна света

Ретушер-убийца

Сто лет тому назад по Петербургу ходила страшная история. Никому не известный ретушер, грек из Мариуполя, сапожников сын и в малолетстве пастух, убил своего друга художника и завладел его картинами. Мало того. Этот немыслимый преступник не постеснялся выдать эти картины за свои и выставить на обозрение публики под именем Архипа Куинджи. То ли это была собственная фамилия убийцы-ретушера, то ли фамилия его жертвы. Но факт остается фактом: вот они, картины, подписанные именно Архипом Куинджи.

Расширяя от ужаса глаза, обыватели вышептывали друг другу на ухо кровавые подробности. Самое странное, что почти все в этой неправдоподобной истории было правдой: и то, что Архип Куинджи, сын сапожника, пас коров, и то, что он из Мариуполя, и то, что работал в юности ретушером.

Только одно не сходилось — не ретушер убил художника, а совсем наоборот. Куинджи убил в себе ретушера и превратился в удивительного художника.

Ох как трудно признать гений в своем современнике! Скорее поверишь в то, что он преступник, злодей и кровожадный убийца. И все же эти глупые россказни сегодня говорят нам о воздействии картин Куинджи на публику больше, чем любые газетные и журнальные рецензии. Чем же так поразил своих зрителей художник?

Хитроумное устройство

В 1880 году открылась одна из выставок Товарищества передвижников. Выставленная среди многих картина Куинджи «Лунная ночь на Днепре» буквально ошеломила посетителей.

Иллюзия лунного света была настолько полной, что некая дама упорно пыталась заглянуть за раму. Она была уверена, что между стеной и холстом картины поставлена керосиновая лампа. Иначе чем же объяснить тот невероятный, почти осязаемый свет, льющийся с полотна? Дама подозревала хитрое техническое устройство. Некое жульничество. А устройство-то было вовсе не за холстом. Так устроен был глаз, так устроена была рука, так устроен был талант Куинджи. Он бесподобный мастер света в живописи.

Его пейзажи действительно излучают, как мы бы сегодня сказали, чуть ли не люминисцентный свет. И чудо это достигалось обычной кистью на обычном холсте обычными красками.

Скульптор-великан

Свет в живописи — это, можно сказать, ее первое условие. И даже больше — условие ее существования. Если нет света, хотя бы еле ощутимого контраста светлого и темного, то нет и живописного полотна (любой «черный квадрат» работает все равно на контрасте со стеной или с рамой). Мы его не увидим. Так тишина существует только на контрасте звуков, а ночь — это все-таки свет, прямой ли, рассеянный или отраженный.

Картины Куинджи сотканы из света. Это и льющийся из беспредельного космоса лунный свет, в котором на его полотнах мерцают то Исаакиевский собор, то татарская деревенька, то застывший ночной Днепр. Это и ясный, открытый солнечный свет. Он лепит пространство, деревья, землю, облака, будто скульптор-великан. Благодаря всепоглощающему и одновременно выявляющему малейшую деталь свету создается не просто пейзаж, не просто березовая роща, стволы деревьев, трава, а что-то похожее на модель мира — эпическое спокойствие и постоянное движение, ликующая неистребимость жизни и хрупкое, нежное, сиюминутное ее воплощение.

Смотришь на полотна Куинджи и словно слушаешь сказку, таинственную и немного страшную или веселую, сверкающую, жизнерадостную.

Птицы над крышами Петербурга

Он был похож на крепкое дерево, выросшее почему-то на крыше. Ветер трепал густую крону его головы. И к нему, как к дереву, слетались птицы. Они сидели на раскинутых руках, словно на ветвях, гнездились в спутанных ветром волосах, на плечах, прыгали и суетились у ног этого человека-дерева. Казалось, все птицы Петербурга слетелись сюда, на крышу дома Архипа Куинджи. А он стоял, облепленный птицами, и улыбался, бывший маленький грек-пастушонок, а сегодня известный художник, профессор, руководитель пейзажной мастерской Петербургской академии художеств, воспитатель будущих знаменитостей: Рериха, Богаевского, Крымова.

Дом Куинджи был всегда наполнен птицами. Они жили в комнатах, на чердаке, в мастерской. Он их кормил и лечил, спасал в холодные зимние дни. Дом был наполнен птицами и светом. Удивительным, неповторимым светом пронизаны и его картины.

А. Куинджи. «БЕРЕЗОВАЯ РОЩА».

О ЮЛИИ ДАНИЭЛЕ

В 1936 году посадили моего отчима писателя Як. Рыкачева. Мать, не имевшая ни высшего образования, ни профессии, стала выколачивать пропитание для нашей маленькой семьи из старого портативного «Ундервуда». Она надеялась, что многочисленные литературные друзья отчима обеспечат ее работой. Но они так боялись общения с семьей «врага народа» (через восемь месяцев отчима выпустили), что не решались перешагнуть порог нашего дома. Спасение к нам пришло от людей вовсе не знакомых: мать буквально засыпали работой поэт П. Маркиш, писатель и литературовед П. Губер и прозаик-драматург М. Даниэль. У меня было такое ощущение, что они перепечатывали даже то, что им вовсе было не нужно. Судьба двух первых благородных людей была трагична, М. Даниэль, насколько мне известно, умер своей смертью.

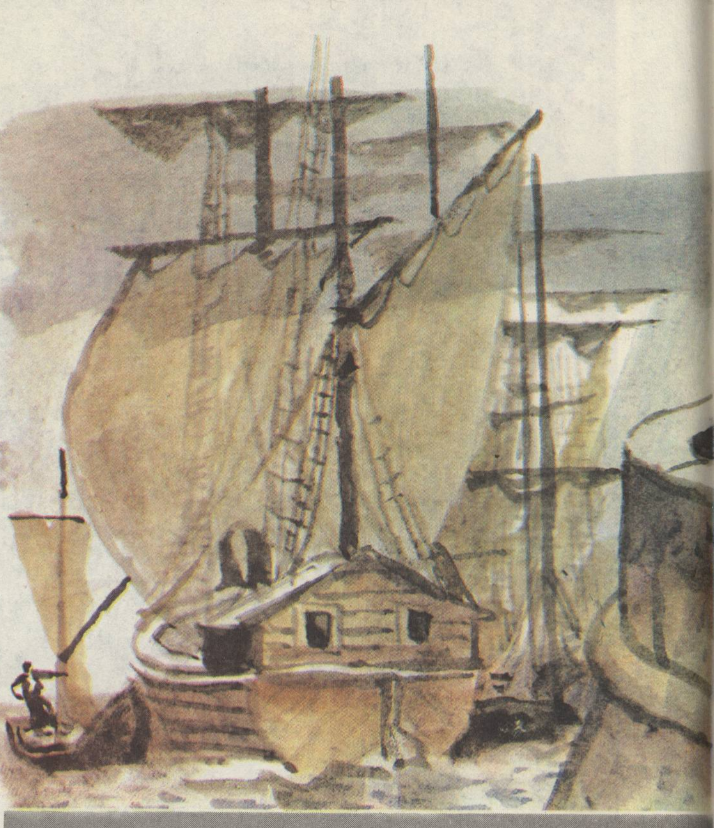
А через два года в сухом, жарком Коктебеле мне показали стройного подростка Юлика Даниэля, сына нашего благодетеля. Я был старше Юлика на четыре года, это ничего не значит под закат дней, но очень много значит «на заре туманной юности». Какой доверительный разговор может быть между студентом и школяром? У нас все же нашлась точка соприкосновения: мы оба были «чистопрудными» — учились в одной школе на Чистых прудах.

Могло ли мне прийти в голову, что через три — без малого — десятилетия я буду подписывать письмо протеста против осуждения писателей А. Синявского и Ю. Даниэля, осмелившихся говорить правду, когда все мы молчали или лукавили, или в лучшем случае обходили острые углы. Наш протест не имел последствий (разве что для подписавшихся): А. Синявского и Ю. Даниэля отправили в лагеря строгого режима. Ныне произведение, за которое Даниэль был осужден, повесть «Искупление», опубликовано журналом «Юность».

По окончании срока заключения пути писателей разошлись: Андрей Синявский уехал в Париж, где как-то устроил свою жизнь, Юлий Даниэль избрал более трудный путь — он остался на родине. В Москву его не пустили, год он прожил в Калуге, где когда-то учительствовал. Он и в лагере писал стихи, продолжая этим заниматься на воле, но стихи не печатали. Более повезло его переводам. Ему разрешили (!) печататься под псевдонимом Ю. Петров. Лишь перестройка «рассекретила» Ю. Даниэля. В «Огоньке», «Новом мире», «Дружбе народов» опубликованы его стихи, написанные еще в лагере. Увы, недолго светило ему солнце, прорезавшее наконец-то сумрак надломленной жизни: в 1988 году Юлия Даниэля, талантливого, смелого и благородного человека, не стало.

Повесть «Бегство» была написана Даниэлем для издательства «Детская литература». Пятидесятитысячный тираж был готов отправиться из типографии к читателям. И тут последовал арест писателя. Весь тираж пошел под нож. Сохранилась одна-единственная книга. Герой повести «Бегство» — реальное лицо. О нем есть у Пушкина, который называет его Ветошкиным, хотя настоящее имя таинственного «ученого мужика» — Свешников. Пушкин загадал загадку, Даниэль попытался ее разгадать. Его вдова, Ирина Павловна Уварова, говорит, что в поисках материала он перерыл не одну библиотеку. Почему-то мне кажется, что не так уж много он нашел. В повести отчетлив беллетристический налет. Это отнюдь не в укор. Горестная история Свешникова выглядит у Даниэля предельно достоверной, так несомненно могло быть, все в духе того времени, тех нравов и неизбывной русской беды. Будем благодарны писателю, подарившему нам еще один русский самоцвет.

Юрий НАГИБИН

Одни называли этого человека Свешниковым, другие презрительно называли Ветошкиным. Кто же он был, этот человек с двойным именем? Стихотворец, крепостной крестьянин, знаток латыни и греческого, обездоленный бродяга, историк, бывший в услужении у светлейшего князя Потемкина, Иван Свешников был диковиной для современников.

О нем и о событиях, которые происходили почти двести лет назад, рассказывает эта повесть.

Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что его никто не знает.

А. С. ПУШКИН

Санкт-Петербургский халиф

1

— Ну, Иван Иванович, прямой вы Харун-Аль-Рашид!

Шувалов промолчал, он и сам не однажды мысленно уподоблял себя герою Шахразады, но отражавшееся в зеркале улыбающееся лицо секретаря было слишком подобострастным. Льстец, льстец и, кажется, себе на уме, приватные разговоры с просителями имеет, но где достать другого, чтобы сведущ был в языках, расторопен и к делам ревностен? А этот бывший семинарист весьма боек, дела и переписку содержит в исправности; недаром университет с золотой медалью окончил, но придется, пожалуй, отпустить его — просит в Смоленске место исходатайствовать, в семинарии.

Шувалов вздохнул, поправил картуз, с комической серьезностью оглядел плащ, узковатый для

* Журнальный вариант.

Юлий ДАНИЭЛЬ

БЕГСТВО

ПОВЕСТЬ*

дородной его фигуры, обернулся к секретарю:

— Сие, сударь, есть единственный способ узнать мысли простого народа, ни страхом, ни лестью не измененные.

Швейцар торопливо распахнул массивные двери, пропустил барина и, лишь закрыв за ним, ухмыльнулся: опять барин пошел в немцевом плаще пешком ходить! Бывшему хозяину плаща, немцу Иоганну Штрумпу, наконец-то повезло в России. Уже несколько месяцев жил он здесь, проедая последние деньги, а легких заработков, обещанных земляками, все не было. Шувалов нашел его по объявлению в «Московских ведомостях», где отчаявшийся Штрумп публиковал себя учителем математики и пения, ботаники и фортификации, французского, немецкого, латинского языков и дюжины других наук. Вельможа поручил Штрумпу готовить фейерверки и клеить разбитый фарфор (об этих искусствах также сообщалось в объявлении). Штрумп получил превосходную ливрею, а плащ его Шувалов забрал себе.

И вот Шувалов в штрумповом плаще, жмурясь на солнце, идет по Большой Садовой. На улице людно. Чиновники, крестьяне, солдаты, уличные торговцы — все торопятся в одном направлении: к лавкам, на Щукин двор, навстречу челноками против течения движутся кончившие куплю-продажу,— растопырив локти, оберегают карманы и животы; проплывает бобровый картуз чиновника, вертится бесформенная крестьянская шапка, снуют высокие шляпы разносчиков. Иван Иванович загляделся на одного из них: ловко придерживая лоток у живота, статный парень пронзительным голосом расхваливал свой незамысловатый щепетильный товар:

— А вот, а вот гребни для господ! Товар без износу — гривна без запросу! Зеркала для дам — за двугривенный отдам!

Шувалова сильно толкнули, он резко обернулся; офицер, толкнувший его, равнодушно смотрел куда-то поверх его головы.

— Сударь!

Офицер удивленно оглядел его плащ, картуз и, наконец, лицо, гневностью своей явно не соответствующее одежде, многозначительно повертел в пальцах трость, не спеша повернулся к Шувалову широкой спиной. Шувалов машинально оглядел себя — понял, ему стало весело, значит, он и в самом деле хорошо переодет: любой офицер может безнаказанно оскорбить мелкую сошку — чиновника, учителя...

Шувалов прошел в лавку, в тесной комнате пахло свежевыделанной кожей; сквозняк шевелил выцветшие эстампы, книги стояли на полках, аккуратными стопами лежали на прилавках, кучами громоздились по углам, о чем-то говорил с хозяином покупатель-мужик, легонько поскрипывала притворенная дверь, со двора доносился приглушенный гул рынка. Шувалов грузно присел на корточки возле груды книжной завали; иногда удается найти что-нибудь интересное, выудил маленькую растрепанную книжонку. Брезгливо поморщившись, сдунул пыль и вдруг замер в неловкой и смешной позе.

— Стало быть, переводов не надо? А на латинском сейчас нет его, Тацита, а вот Ливия не угодно ли? Заодно с Юлием Цезарем, а?

Хозяин явно избегал обращения «ты» или «вы». Шувалов, кряхтя, выпрямился.

— Ливия и Цезаря я возьму, и Плутарха тоже. А вот Тацит, как будет, уж попрошу вас — поберегите для меня: я еще две недели проживу здесь, всякий день к вам заходить буду.

Мужик?! Или подобно ему, Шувалову, дворянин переодетый?! Да, но с чего бы другим дворянам машкерадом развлекаться? Нет, мужик! Руки, бережно увязывающие книги, темные, натруженные, ногти обрезаны коротко, одежонка старая, латаная, мужик мужиком! Шувалов даже затряс головой от волнения: ежели мужик, то откуда сие?! Да ведь Ломоносов другой, как знать?!

Странный покупатель между тем расплатился с хозяином, захватил книги под мышку, поклонившись хозяину (по-мужицки кланяется!), прошел мимо оторопевшего Шувалова и скрылся за

дверью. Иван Иванович только и сумел наконец вымолвить:

— Кто?

Хозяин недоуменно развел руками и хотел было что-то сказать, но Шувалов швырнул книгу, которую до сих пор держал в руках, и, спотыкаясь от торопливости, выскочил вон из лавки.

2

После сумрака темной лавчонки дневной свет ослепил Шувалова. Несколько мгновений он стоял у порога, растерянно моргая и пытаясь сообразить, где же этот ученый мужик. Ага, вот он! Худощавый, среднего роста человек в стоптанных сапогах, с пачкой книг под мышкой заворачивал за угол. Шувалов поспешил ему вслед. Мужик шагал скоро; и когда Иван Иванович, лавируя меж локтями, спинами и животами, добрался до Чернышева переулка, мужик ушел вперед сажен на двадцать. Запыхавшись и вспотев, догнал, пошел рядом, заглядывая в лицо. Мужик посмотрел удивленно, слегка посторонился, и тогда Шувалов, с трудом переводя дыхание, сказал первое, что в голову пришло:

— А ты, любезный, не продашь ли книг?

Сказал и остановился, взявшись рукой за сердце.

Мужик тоже остановился.

— Нет, барин, не продам, самому нужно.

— Что ж за книги — на французском, что ли?

— Это, сударь, на древних языках писано.

Мужик с недоразумением приглядывался к Шувалову. Шувалов коснулся белой, выхоленной рукой переплета:

— О чем же здесь сказано?

Мужик ответил кротко, тихим голосом, хотя на щеках задвигались желваки (его начинал тревожить этот не в меру любопытствующий барин — кто он таков, а вдруг фискал?):

— Это, сударь, жизнеописания людей, в древности знаменитых. Это — история государства латинского.

— Стало быть, ты читал эти книги? — с живостью подхватил Шувалов.

— Читал, сударь.

— Зачем же купил, ежели читал раньше?

— Затем, сударь, что те, что читал раньше, чужие были, а теперь свои приобрел и...

Крестьянин оборвал фразу и вопросительно поглядел на Шувалова, как бы говоря: «Ну, что тебе еще надо?»

Шувалов увлеченно разглядывал собеседника, ему было на вид лет двадцать пять. Окаймленное небольшой бородой узкое серое лицо с узкими серыми глазами было, пожалуй, красиво, но не мужицкой ядреной красотой и не томной красивостью аристократа; его резковатые черты напомнили Шувалову облик Ефремова, офицера, захваченного в плен и проданного в рабы бухарцам. Он бежал из плена и считай что полсвета объехал, добираясь до родины. Иван Иванович видел его полгода назад. В лице нового знакомца Шувалову почудились то же хмурое выражение решимости и упрямства, те же настороженность и вызов. Он был широкоплеч, но не кряжист и не производил впечатления человека сильного; при разговоре голову наклонял и смотрел слегка исподлобья. Цепкие худощавые пальцы цветом своим почти сливались с переплетами.

Загораживая дорогу прохожим, они стояли друг против друга: крестьянин в поношенной одежде, сердито переминавшийся с ноги на ногу, и вельможа в кургузом плаще, с виду похожий на мелкого чиновника, улыбающийся всем своим круглым, разгоряченным лицом. Их толкали, наступали им на ноги, бранились.

— Где ж ты выучился? — начал было Иван Иванович.

Какой-то подросток нахально заглянул ему в лицо, остановился и стал глазеть, лакей в ливрее, проходивший мимо, мельком взглянул на него, замедлил шаг и замер, как бы припоминая, где он видел это густобровое лицо с ямочкой на подбородке.

Шувалов покосился на него.

— Послушай, друг,— торопливо сказал он, взяв книгочея за локоть,— послушай, я вижу, ты охотник до книг; я могу тебе прислужиться, от отца моего — он был учитель — осталось изрядно книг на латинском, я тебе продам, пожалуй, дешево. Ты мне нравишься. А иные и задаром отдам — на что они мне? Я тут недалеко живу.

Сказал и, не отпуская локтя нового знакомца, повел его, сомневающегося, растерянного, слегка испуганного.

Дорогой книголюб отвечал скупо, настороженно. Иван Иванович только и узнал от него, что он государственный мужик из Тверской губернии. В город приехал с хлебными барками. А зовут его Свешников Иван.

— А по батюшке? — осведомился Шувалов.

— Иван Евстратьев,— выговорил мужик не сразу, с запинкой. И Шувалов понял, что человек этот, может быть, первый раз в жизни не мужику, своему брату, а барину называет имя свое с отчеством вместе.

Вышли на угол Невского и Садовой.

— Вот и пришли мы,— сказал Шувалов, указывая на свой дом, и взглянул искоса на Свешникова: какое впечатление произведет на него красивый особняк со сдвоенными колоннами, с внушительным подъездом.

— Вы в этом доме живете, сударь? При ком? — спросил Свешников, с любопытством оглядывая фасад.

— А при барине одном... не робей, входи,— проговорил Шувалов, подталкивая Свешникова на ступеньки.

Дверь распахнулась. Дородный швейцар, с трудом сгибаясь в поклоне, пропустил вошедших. Подскочили слуги — сняли плащ с барина. Облегченно вздохнув, Шувалов высвободился из плаща и повернулся к гостю, любуясь произведенным эффектом. А эффект, по видимости, был велик; Свешников переводил глаза с богатого шуваловского кафтана на суетящихся слуг, с застывшей в величии физиономии швейцара на огромные, в резное дерево оправленные зеркала.

— Ну, ну, друг мой, не смущайся, все хорошо, книги твои будут. Пойдем поговорим да закусим: я изрядно проголодался.

И Иван Иванович повел его по лестнице. Комната, еще комната и еще. Картины, гобелены, бюсты. В большой зале молча поднялись им навстречу два старика: маленький, щуплый, в большом парике и высокий, костистый. Они играли в карты за угловым столиком. Шувалов кивнул им, и они оба сели, взяли карты и продолжали играть. В угловой комнате Шувалов остановился:

— Здесь друзей моих принимаю, садись, Иван Евстратьевич.

Но Свешников не сел. Он жадно смотрел на полки с книгами. Подошел к ним и стал рассматри-

вать. Он уже овладел собой совершенно. Он знал, что совершает невежливость, но чувствовал, что такая невежливость придется по вкусу хозяину, и нарочито затягивал паузу.

— Да садись, друг мой, успеешь, не уйдет от тебя, садись!

Свешников повернулся к Шувалову:

— Осмелюсь спросить, сударь: кто вы? И чье все это? — Он движением головы указал на только что пройденные комнаты и снова покосился на книжные полки.

Шувалов откинулся на спинку кресла:

— Я — Шувалов, а для друзей — Иван Иванович. Дом этот мой, и книги тоже. Расскажи мне о себе. Я тебе удружу, чем смогу.

Шувалов! Свешников сел, вглядываясь в светлое лицо хозяина и сам невольно улыбаясь. Может быть, на этот раз ему по-настоящему повезло? Шувалов! Московского университета куратор, Ломоносова покровитель...

Свешников глядел на него во все глаза.

А действительный тайный советник, обер-камергер, генерал-лейтенант, генерал-адъютант императрицы, председатель капитула ордена святого Владимира, кавалер ордена святого Андрея Первозванного, куратор Московского университета, президент Академии художеств — Иван Иванович Шувалов сидел перед молодым крестьянином и, поднимая густые брови, говорил:

— Так расскажи, друг мой, как же ты выучился по-латыни и по-гречески?

— И по-французски и по-немецки,— дополнил Свешников.

— О-о,— восхитился Шувалов.— Ну-ну, рассказывай же.— И даже руки потер от нетерпения.

Ночь над деревней

1

Отец Николай был не столько стар, сколько дряхл, ему было всего лет 60, но бодрость ушла, церковная служба давалась ему с трудом, казалось, что облачение тяжело давит на плечи, а спертый воздух церкви вызвал у него сердцебиение и головную боль.

Отец Николай служил торопливо, неблаголепно. «Частит батюшка»,— неодобрительно говорили о нем зажиточные мужики и, перебирая все недостатки отца Николая, сходились на том, что поп нехорош. А недостатков было много: службу правит плохо, беден, курит табак (подглядели однажды), старообрядцам мирволит и в услужение к себе взял Ваньку Свешникова. Правда, когда помер старик Свешников, вдова бедствовала, а Ванька — лишний рот, но все же не пристало пастырю духовному держать в доме старообрядца. Добро бы в истинное православие парня обратил,— так нет, смеется: вырастет — сам, дескать, сообразит, что к чему. А отец Николай был в восторге от своего служителя. На старости лет — утешение, радость. Вскоре после того, как он взял к себе в дом Ваню, затеял от скуки деревенской обучить парня грамоте и был весьма удивлен, узнав, что мальчик читает и пишет очень хорошо. Оказывается, старый Евстратий выучил сына и приохотил к чтению старопечатных книг. Отец Николай учинил мальчику «экзаменацию» и остался доволен. С тех пор ежедневно, справившись с нехитрым хозяйством сельского батюшки, мальчик из служителя превращался в ученика. За полтора года Ваня выучился латыни и уже начал изрядно читать по-гречески.

2

Отец Николай умер весной.

Как-то сразу подкосила случайная простуда немощное тело священника. Не докончив обедни, он ушел с амвона, с помощью дьячка доплелся до дому, лег и не вставал больше. Вечером поманил к себе Ваню, сказал слабым голосом:

— Ну, вот, Ванюша, помираю... слушай, родной мой, что скажу, и запомни. Тебе учиться надобно, голова у тебя... Книги себе возьми, подрастешь — в Москву иди или в Петербург. Прощай, милый. Бог тебя благослови.

Старик приподнял руку — перекрестить, не смог, уронил высохшую кисть на постель, чуть качнул головой: «Иди...». Пятясь от постели, Ваня увидал полными слез глазами, как зашевелились губы отца Николая, и расслышал невнятный шепот:

— Время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать...

Отца Николая похоронили; отпевал его священник из соседнего прихода. После похорон, вернувшись в домик отца Николая и сняв с себя облачение, он потребовал у Вани ключи; по-хозяйски топая тяжелыми сапогами, прошелся по комнаткам (комья грязи отваливались от сапог и коричневыми следами ложились по выскобленному полу), заглянул в кладовую, хмыкнул неодобрительно. Рылся в сундуках, выбрасывая на пол ветхое бельишко, переложенные табаком — от моли — рыжеватые рясы. Комом запихнул все обратно, захлопнул крышку, запер, подошел к низенькому ящику, заглянул — книги, пожал широкими плечами — светские.

— Мне велел батюшка... книги взять мне... перед смертью сказал,— запинающимся голосом проговорил Ваня.

Поп молча покосился на него: подняв ящик, вывалил на пол десятка два книг. Мальчик торопливо принялся рассовывать их по карманам, за пазуху. Поп повернулся и пошел к выходу, прижимая подбородком кипу книжек. Ваня двинулся за ним. Вышли на улицу. Прислонившись к крыльцу, Ваня смотрел, как поп неторопливо подошел к тележке, открыл дорожный сундучок, достал замок, так же не спеша вернулся к крыльцу, замкнул двери на замок, спрятал связку ключей, сел в тележку, разобрал вожжи и, так и не сказав ни слова, уехал. Через неделю приехал новый священник — отец Андриан, зять соседского батюшки...

3

Когда жив был отец Николай, семья Свешниковых кое-как сводила концы с концами: священник то муки подбросит, то из солений чего-нибудь, теперь же помощи ждать было неоткуда, и Ваня впрягся в трудную крестьянскую работу. Село было большое: хозяев, господ в нем не было, все были государственные.

— Мы люди вольные, свободные, над нами хозяева — царица да господь Бог,— не однажды бахвалился спьяну Ермолай Ковшов, староста, местный богатей.

И точно, воля была: наживай деньгу, кто похитрее да поизворотливее, лезь в петлю, у кого на

аренду не хватает. Замучило малоземелье. Трудно жилось: отдай подушную, заплати налог, исправь повинности — дорожную, подводную, барочную... Да разве перечтешь! А горше всего была доля — неверная, непрочная, обманчивая. Сегодня — государственный, а завтра — барский раб, щедро платила императрица за дворянские услуги — того и гляди, охомутают, подарят вместе с землей Петербургскому барину. И чем ей, матушке, так дворяне угодили? Говорят, на престол помогли сесть? А кому про то ведомо...

Ваня работал: пахал, сеял, собирал, молотил; чинил рассыпающийся домишко; тянул вековечную мужицкую лямку изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Податей на них, старообрядцев, полагалось вдвое больше обычного... Жалость охватывала его, когда глядел он на худенькие лица братишек, когда вдруг замечал жилистые, натруженные руки матери. Вечером, поднимая тяжелую голову от книги, смотрел непонимающими глазами на убогую утварь, на черные стены. А в ушах все стоял лязг щитов и мечей, отрывистая команда центурионов, топот тысяч солдатских ног по пыльным дорогам — Ваня читал «Записки о Галльской войне».

Рим! Единственный и неповторимый, где он сейчас? Почему сгинули, историей, анекдотами стали и цепкая рука Цезаря на горле мира, и овации трагическим актерам за удачно сказанный монолог, и свирепый рев форума — огромной толпы, с веселой жестокостью решавшей судьбы людей и держав. Почему склонились золотые орлы перед грязным варваром, одетым в пропотевшую овчину? Или кровь сломленных народов, окрасившая пурпуром римские тоги, причина тому?

— Ваня!

— А!

— Пойди, тебя мужики кличут.

Ваня привычно пригнувшись у низкой притолоки, вышел за порог. У избы стояли двое.

— Слышь, Иван,— заговорил один из мужиков, хмурясь,— там указ пришел, повинность, слышь, надбавили нам, полтина лишку против прежнего выходит. Так ты, парень, прочел бы нам, грамотен ведь.

— А нешто вам его раньше не читали?

Указ действительно был; денежную земскую повинность для черносошных увеличить в этом трехлетии на пятьдесят копеек с души. И указ этот был зачитан старостой Ермолаем Ковшовым перед всем миром. Теперь же сосед просил его, Ваню, прочесть указ, да еще и объяснить ему, в чем там суть, будто Ваня сам и не знал.

— Читать-то читали, да кто читал — Ковшов! Может, там и не полтина, а гривенник указанный, а он прочел: полтина! Ты уж прочти, а, Иван!

— А где ж он, указ-то?

— У меня, парень, у меня, дома лежит.

— Мы Ермолаеву сыну, Гришке, поднесли малость, так он у отца-то взял на часок,— таинственным хриплым голосом пояснил второй крестьянин, оборванный тощий старик.

— Ну, ладно, идемте, что ли,— Ваня медленно зашагал к соседской избе.

На другой день Ваня встретился на улице с Ковшовым. Увидев Ваню, староста снял шапку, низко поклонился, коснувшись рукой ноздреватого снега.

— А, ваше благородие! Не прикажи казнить, прикажи миловать. Проверочку, стало быть, сотворили? — Он выпрямился.— Щенок! Гаденыш сопливый! Ты что? Проверять? Меня? Да ты...—

Он скверно выругался.— Ну, погоди! Ты у меня попомнишь проверку! Я тебе покажу, грамотею...

Кто-то проболтался, ясно. Ваня повернулся и пошел домой.

Вечером неожиданно и властно застучали в дверь. Мать открыла и, растерявшись, попятилась. Не обтерев ног, не сняв шапок, в избу ввалились Ковшов, двое мужиков из богатеньких и, наконец, подбирая полы тяжелой шубы, через порог осторожно переступил отец Андриан, священник.

— А ну, еретик, где у тебя книги-то? — заговорил отец Андриан.

— Какие книги? — упавшим голосом спросил Ваня.

— Какие, какие! Богохульные, староверская твоя рожа! — заорал Ковшов.

— Да вот они,— пробасил один из мужиков и шагнул в угол.

Там на самодельной деревянной полочке стояли книги покойного отца Николая.

Поп подошел, брезгливо растопыренными пальцами взял одну книгу:

— Латынщина...

— Не троньте! Мне их отец Николай завещал,— рванулся Ваня, но Ковшов грубо толкнул его в бок.

— Ты что же, на меня, пастыря духовного, глас подъемлешь? Ох, не тем будь помянут покойник, мудрость-то евангельская в небрежении была. Сказано: не мечи бисер перед свиньями, да не попрут его. Грамота избранным потребна, не хаму.— Отец Андриан покосился на книги.— Сжечь!

— Не дам!

Ваня схватил с лавки толкач.

— Ванюшка! Нас-то пожалей! — не своим голосом вскрикнула мать.

И Ване мгновенно представилось: его забрали, а мать с маленькими идет вдоль какого-то чужого села, просит корку... Он оглянулся, мать стояла, вцепившись темными пальцами в край стола, испуганно и зло глядели с печки братишки. Он с отчаянием бросил на пол толкач, сел на лавку и уткнулся головой в колени.

4

Григорий Хвылянский третий месяц жил в доме помещика Шестоперова. Конечно, Шестоперов предпочел бы нанять в учители немца или француза, но на безрыбье и рак — рыба. А Хвылянский к тому же и дешевле. Что же до его прошлого, и чего он ради, не доучившись, из университета вышел — до того ему, Шестоперову, и дела нет. Учитель и учитель. Хвылянский учил барчука французскому языку, географии и математике. Митенька (так звали сына Шестоперова) оказался мальчиком смышленым и к учению охочим. Много возиться с ним не приходилось. С утра отзанимавшись, Григорий Афанасьевич шел гулять. Забравшись в лес, он выбирал местечко поудобнее, ложился на спину и подолгу глядел на убегающие в небо рыжие прямые стволы сосен. Вспоминалась Москва, шумная толчея универси-

тетских коридоров, веселые суматошные пирушки, где чаще пели песни и читали стихи, чем пили водку, где спорили, спорили...

Последняя такая встреча — «ассамблея», как шутя называли студенты свои веселые собрания,— особенно запомнилась Григорию Афанасьевичу: тесная комната, клубы табачного дыма, пьяные выкрики кабацких завсегдатаев за хлипкой перегородкой, разгоряченные лица товарищей и сам он, Григорий Хвылянский, говорит взволнованно и громко:

— Помяните мое слово, хлопцы! Будет время, и никто не попрекнет инородством ни меня, ни хохла, ни башкирина, ни кого иного, скоро будет! И сейчас уже собралось для бою от всяких племен.

— Ты о чем?

— Да все о том же: жгут дворян, и сие жестоко, но справедливо. А кто поднялся? Разные племена, а впереди — русские. Тут что наиглавнейшее, мужики они, и им все едино, кто есть по крови: башкирин или киргиз!

— Прочти свои вирши, Грицько!

Смутно вспоминается Хвылянскому чужое лицо у темной занавески. Был март месяц 1774 года. На другое утро он стоял в кабинете Хераскова, директора университета, поминутно оглядываясь на удобно усевшегося в кресле чиновника, и, обтирая пот шелковым платком, Херасков кричал на Григория:

— Да знаешь ли ты, что такое вино? Вино есть яд! В малом количестве — веселие и врачевание, в великом же — безумие и погибель! Что? — Он выкатил на Хвылянского свои и без того выпуклые глаза.— Ты более не студент! Я изгоняю тебя из университета! — Херасков покосился на чиновника.— Да, изгоняю́!

— Сверх того,— ласково заговорил чиновник,— сверх того, сему витии надлежит предстать перед законом, на незыблемость коего он осмелился посягнуть...

— Да, да,— заторопился Херасков,— истинно так — надлежит... надлежит ущерб... э-э... возместить... выйди, Хвылянский, подожди в приемной.

Минут через десять чиновник вышел в приемную и, остановясь перед Григорием, произнес нравоучительно:

— Возблагодарите господа, юноша, и мягкосердечие начальника вашего, и мое, к младости вашей сострадая...

Войдя в кабинет, Хвылянский тихо, но твердо сказал:

— Я не был пьян, Михаил Матвеевич.

— А я говорю тебе: ты был пьян и не помнишь ничего. Ступай, да уезжай поскорее.

Оставшись один, Херасков с сожалением оглядел свой пухлый мизинец, на котором всего лишь четверть часа назад красовался дорогой перстень.

Несколько часов спустя один студент вручил Хвылянскому письмо Хераскова к знакомому помещику и десять рублей на дорогу. Только впоследствии, во время скитаний от помещика к помещику, от барчука к барчуку, Хвылянский уразумел, чем он обязан Хераскову. За эти три года много раз накалялись щипцы — рвать ноздри, багровой сеткой ложились следы батогов на обна-

женные спины, и, деловито подтянув халявы, пинком вышибал палач чурбак из-под ног осужденного...

Рядом затрещали сухие ветки, Григорий Афанасьевич повернул голову и увидел парня лет восемнадцати, среднего роста, стройного. Светлый пушок на щеках и подбородке скрывал сухощавость его лица. Узкие серые глаза рассеянно глядели из-под стриженных в скобку русых волос. Паренек немного постоял, сел на хвою, привалился поудобнее к широкому стволу и, оглянувшись, достал из-за пазухи книжку.

— Бог помочь!

Парень вскочил на ноги, его задумчивое, даже несколько девичье лицо сразу изменилось: около рта легли резкие складки, брови упрямо сошлись, зло заблестели глаза.

— Читаешь? Грамотен? Что ж это у тебя?

— Не троньте!

Хвылянский опустил протянутую руку.

— Ишь ты, кочет! Я ж тебя по-хорошему спрашиваю, я и сам до книг охотник, вот, смотри.

Григорий Афанасьевич достал из кармана потрепанную книгу, откинул переплет:

— Прочти-ка.

Парень взял книгу, прочел вслух титул:

— «Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений с поруганием меланхолии», переведено с латинского языка через Василья Ададурова... Переведено... кабы по-латыне...

— Что? Ты уж не по-латыне ли читать собираешься?

Парень молча протянул Хвылянскому свою книгу.

— Ну-ну! — только и выговорил Хвылянский, потом уселся под деревом и требовательно сказал: — Ну-ка, хлопче, рассказывай!

Парень молчал.

— Ты что, боишься меня? Я учитель у Шестоперова — слыхал про такого? Тебя как звать?

— Свешников Иван.

5

— Григорий Афанасьевич, вы давеча говорили — вас из университета выгнали, за что?

Прошло уже месяца полтора, как Хвылянский и Ваня Свешников подружились. Беседы их, поначалу беспорядочные, вскоре превратились в уроки: Хвылянский обучал Ваню географии и французскому языку, истории — Ваня знал только древнюю. В это лето Ваня был мирским пастухом, и Митенька, сын Шестоперова, сдружившись с Ваниным помощником Фролкой, охотно оставлял своего наставника, слушал длинные Фролкины рассуждения о нравах деревенских коров и с упоением постигал искусство щелкать бичом. Ваня тем временем учился.

А в минуты отдыха Григорий Афанасьевич рассказывал ему о Москве, о Петербурге, о детстве своем, об Украине...

— За что из университета выгнали? — раздумчиво повторил учитель.— Я тебе могу рассказать, дружок, только...— Хвылянский взял Ваню за щеки и пристально заглянул в глаза...— только, если кто проведает, мне будет худо. Сибирь либо еще что — разумеешь?

— Григорий Афанасьевич! Да разве я...

— Ладно, ладно. Ну, слушай. Вирши я написал четыре года назад, в самую пугачевщину:

Как некогда легли раздраны
В тени батыева шатра,
Не токмо грады, но и страны,
И глав отсеченных гора
Привычный вид собой являла —
Тому пример мы новый зрим:
Собрав языки под началом
Санкт-Петербург — четвертый Рим —
Точит потоки крови ныне;
Вознесшись в пагубной гордыне,
Презрев добро и честный труд,
Гнетет иноплеменных выи
Крестом, кнутом, и грозовые
На сей сберутся тучи блуд!

— Ну и дальше там было — весьма сердито,— невесело рассмеялся Хвылянский.— За это вот и был изгнан. И то спасибо нашему Хераскову, от петли спас, эх, что и говорить!

Он махнул рукой и отвернулся. Ваня помолчал немного, сказал осторожно:

— Я и не знал, что такие вирши бывают.

Хвылянский вопросительно посмотрел на него.

— Складные,— пояснил Ваня.— Я не про суть говорю, суть-то, как в наших песнях, а про склад. Отец-то Николай такие не читал.

— А ты, я гляжу, нашу словесность и не знаешь. Стыдно, дружок!

— Ничего не стыдно! — вспыхнул Ваня.— Что читать-то? Борзописцы-сочинители! Воротит меня от писаний ихних. «Философия для простого мужика весьма бесполезна, и ему надобно делать больше, нежели рассуждать». Жалеют нас, а потом пишут, что мы, дескать, «к сохе родились» и нечего нам, «выпучивши глаза вверх», звезды стеречь. Читал я, запомнил даже — хватит с меня.

— Постой, постой,— оживился Хвылянский,— это ты Эмина отведал? Вот уж подлинно борзописец. Двоемыслие, да еще и торопливое. Для него же сочинительство — промысел. Э-э, братец, да ты истинного поэта почитай — Ломоносова, тоже был мужик вроде тебя, да Тредиаковского — дельный был работник в русской словесности. А Нико́в неподкупный! А Сумароков, а Херасков — знать их надо! Стыдно не знать их грамотному. Вот уж на что Шувалов офранцузился, а и тот — спасибо ему — русских сочинителей пестует и сам у них учится — умнейший человек! Так тебе ли, мужику, отечественную словесность не знать! Кто ж тогда слово русское хранить будет! Петиметры — дворянчики? Они давно для машкерадов только и годятся. Петровы времена прошли — не опора они государству, им самим опора нужна. Поглядика, шпаги-то все на палки да на трости посменяли, ходят, подпираются, одним — костыль, другим — забава. Нет, государство живо только народом, простолюдьем, а сочинительство — сила, не удавишь ее, не четвертуешь.

— Я их непременно прочту, про которых вы говорите,— сказал Ваня задумчиво.— Российских сочинителей... только вот...

— Что «только»? — устало спросил Хвылянский.

Юноша промолчал, он слушал книжную, замысловатую речь своего наставника и сомневался, что толку? Ну, что толку, коли он в теперешнем своем состоянии одолеет всю эту премудрость российских сочинителей да и прочих? Пылкость бывшего студента его не заражала. Конечно, ему повезло, да еще как! Шутка ли, встретиться с таким человеком, как Григорий Афанасьевич! Но красноречие

его,— как далеко оно от всего деревенского! Через неделю подходит срок повинности. А ведь им, Свешниковым, да еще двум-трем семьям старой веры — платить вдвое против остальных. Словесность... В прошлом месяце мужика в соседней деревне зарубили, просто так, по пьянству. Шел с топором, плотничал, должно быть; догнали пьяные, отняли топор и — зарубили, просто так... Нет, надо выбиваться...

— Я прочту их, Григорий Афанасьевич,— сказал он Хвылянскому.

Смотрины в гостиной

1

Разумеется, не все и не так рассказал Шувалову Свешников. О многом умолчал, многое изменил.

Шувалов расхаживал по кабинету. Рассказ Свешникова взволновал его. Все чаще за последние годы сталкивался он с талантливыми простолюдинами. Он привык гордиться своей способностью находить и «шлифовать» их. Каждая такая находка еще более упрочивала его славу мецената, еще более укрепляла репутацию прозорливого человека. В самом деле, из безликой и темной толпы плебеев выбрать человека, от всех отличного,— это ли не заслуга? Но много их, слишком много. А над этим стоит призадуматься. А может быть, и заслуги-то нет? Может быть, он уподобляется человеку, запускающему руку в ларец с драгоценными каменьями? И гордиться нечего: не ошибешься, всякий раз сокровище вытащишь. Российский народ не есть ли драгоценный клад камней разнообразных? Клад, доселе никого не прельстивший? Есть, есть над чем поразмыслить...

— Друг мой, а не время ли тебе перестать крестьянствовать? Грешно с такими познаниями землю ковырять, я тебя определю в университет, переводить будешь,— Шувалов вопросительно посмотрел на Свешникова.

Тот молчал.

— Что же ты молчишь — говори... или не по душе такая работа?

— По душе, да только не для меня это.

— Отчего?

— Да так, не смогу я, сударь.

— Ну-ну, не прибедняйся! Как это «не смогу»? Я чаю, мужицкая работа не слаще.

— Не слаще, это так... да только у нас работаешь по нужде, а с нею не поспоришь. А там по людской указке придется. А с людьми можно спорить.

— Ну и что ж?

— Да...— Свешников замялся, но докончил: — Знаете, сударь, поговорку: «Судился волк с кобылой...» С нашим братом спор короткий.

— Вот оно что,— раздумчиво протянул Шувалов,— ну ладно, неволить не стану, но только скоро от себя не отпущу, не жди. Поживи у меня, оглядись, может, и передумаешь.

2

В зале пахло медом. Необъяснимый этот запах мешал Свешникову. Он почувствовал его, как только остановился в дверях, распахнутых чин-

ным слугой. Прямо с порога он поклонился, еще не различая лиц, увидел группу людей, сидевших и стоявших подле Шувалова. Все они с любопытством уставились на него; он, повинуясь кивку Шувалова, медленно подошел и остановился; гости негромко, но и не понижая голоса, обменялись мнениями: «А он недурен, пожалуй», «Косолап», «Робеет»...

— Вот, друг мой, эти господа желают с тобой побеседовать,— сказал Шувалов.

Свешников молчал.

— Поклонись,— громко прошептал молодой человек с очень белым лицом и быстрыми глазами.

Свешников поклонился.

Заговорила, вздергивая коротенькие черные брови, смуглая дама:

— Я слыхала, дружок, что ты разумеешь латынь и французский?

— Разумею, сударыня.

— Ваше сиятельство,— подсказал белолицый: это была Екатерина Романовна Дашкова.

— Ваше сиятельство,— послушно повторил Свешников (откуда же, однако, пахнет медом?).

— Так почитай нам, дружок. А мы послушаем, каковы познания твои,— благосклонно произнесла дама.— Иван Иванович, пусть он Руссо прочтет.— И по-французски добавила: — Это будет гармонично: крестьянин, читающий Руссо.

— Лев Федорович, вели принести сюда «De l'inegalite parmi les hommes»,— сказал Шувалов белолицему.— Да нет, что ж это я — они не найдут, потрудись-ка, голубчик, ты ведь знаешь где.

— Слушаю-с.— Молодой человек, поклонившись, вышел.

— Признаться, я с трудом верю, что он что-нибудь сможет,— продолжала дама, кивнув подбородком на Свешникова.— Наш Иван Иванович, как всем ведомо, патронирует мужикам.

— Но, Екатерина Романовна..,— начал было Шувалов.

— Ах, Иван Иванович, я наперед знаю, что вы скажете: «Добродетели и таланты, Минин и Ломоносов».— Дашкова на мгновение поджала губы.— Я вот, как изволите знать, только что Круглово посетила, государынин подарок; так вот, они там и с людьми-то едва сходны: ленивы, пьянство открытое.., свинство...

У Свешникова затекли ноги, новый кафтан жал под мышками и воротник тер шею. Странно: давеча, когда примерял и носил, все впору было. Он стоял подле кресел в неловкой позе, глядя на лоснящийся паркет. Ага, вот откуда запах: пол натерт воском. Он, Свешников, тоже здесь вроде воска, для блеску. Доброе чувство к Шувалову куда-то исчезло. Он поднял голову; Шувалов, улыбаясь полными губами, добродушно слушал излияния смуглой дамы — «ее сиятельства».

— Ах, вот и Руссо! Ну, любезный...— Дашкова наугад раскрыла книгу и пометила ногтем: от сих...

— «Не по униженности народа, властями угнетенного, должно судить о том, к чему люди склоняются; за рабство или против его, но по чудесным делам, какие делали все народы, чтобы себя от притеснений защитить».

— Изрядно... Перекинь-ка, дружок, страницу, читай здесь...

— «...Но подданные не могут таких родительских милостей от своего деспота ожидать, ибо и они ему принадлежат, и имущество их — так он сам твердит...» — Свешников переводил сразу, пробегая глазами французский текст про себя. Он читал медленно, но не останавливался и не поправлялся.— «Он творит суд, когда грабит их; он милосерден, если оставляет их живыми...».

— Остановись, читай по-французски,— скомандовала Дашкова.

Свешников начал читать, и толстяк Перепечин, напряженно слушавший перевод, вздохнул чуть ли не с облегчением: в этом мужицком переводе возвышенный гнев и тяжеловесная ирония сумасбродного женевца звучали как-то... как-то чересчур по-русски, вроде бы здесь, в России, родились. Между тем одно — дружески беседуя в своем кругу, толковать об острословии далекого философа, и совсем иное — ежели в его, Перепечина, смоленском имении такой разговор пойдет, несносный матерьялизм черни всем известен. Она философский камень в булыжник обратит, профессорскую указку — в дубину.., кстати, и выговор у этого молодца не чист.

— Ну, изрядно,— промолвил кто-то из гостей. А Дашкова с живостью подхватила:

— Изрядно, изрядно. А что же ты, любезный, скажешь об этом? Как тебе слова руссовы показались? Правду он говорит?

Все поощрительно и с любопытством смотрели на Свешникова.

«Они на меня, как ротозеи на цыганского медведя, глядят, как он артикул палкой делает»,— вдруг отчетливо и гневно подумал он и сказал:

— Правду.— Он вдруг, себе на удивление, совершенно успокоился.— Правду, да не всю.

Он поднял глаза и неторопливо оглядел собравшихся. Пудреные лица, холеные руки, баре — что они о неравенстве знают?

— Я так полагаю, что Руссо мудр, когда неравное состояние людей ругает всячески. Прав он и когда свободу почитает за самое драгоценное достояние человека, но не прав, когда в просвещении, науках и искусствах видит зло и от них производит усиление рабства.— Теперь он стоял в свободной и непринужденной позе, заложив руки за спину, разглядывая гостей.— К просвещению стремиться должно всякому, а что не часто простой народ грамотен и за штоф чаще, чем за книгу, берется,— Свешников в упор посмотрел на Дашкову,— то не его в том вина. Жизнь сельская, не в укор Руссо будь сказано, полна обид и тягот.

Наступило молчание, слова Свешникова были дерзкими. Лицо Дашковой пошло красными пятнами. Мужик отнесся к ней! Еще несколько мгновений — и она не выдержала бы, сорвалась, но в это время раздался тенорок Каменецкого, домашнего лекаря:

— Где ты приобрел свои познания? — спросил он по-латински.

— Добрые люди и любознательность были моими наставниками,— подумав, по-латински же ответил Свешников.

Дашкова, переведя дух, откинулась на спинку кресла, все прошло, она вспомнила: она философка, переводчица Вольтера, мыслитель нелицеприятный... А он и в самом деле недурен, этот «женьом», «добрый молодец»: серые глаза глядят насмешливо, в плечах широк, стан прямой, ноги стройные... таким бы и августейший дружок, Екатерина, не побрезговала. Может, обмолвиться ей невзначай? Улыбнувшись, Дашкова отогнала игривые мысли.

— Пусть он сядет,— сказала она милостиво.

Еще с полчаса гости беседовали со Свешнико-

Окончание на с. 35.

ИГРА «ПИРАТЫ»

Эта игра придумана и нарисована давно, в 1934 году. Ее автор — художник Владимир Михайлович Голицын. В молодости он был моряком и плавал в северных морях, а когда стал художником, море сделалось главной темой его творчества.

Еще Владимир Михайлович придумывал необыкновенные игры. Одна из них — «Пираты». Когда-то эту игру показали Алексею Максимовичу Горькому. «Сделанный художником В. Голицыным макет игры для детей «Пираты» мне кажется заслуживающим внимания и издания»,— написал он.

У игры «Пираты» сложная судьба.

После того как ее одобрил Максим Горький, она оказалась на столе у редактора издательства «Мособлсовода» Н. Н. Глаголева. Он начал готовить игру к печати. Ничто вроде бы не предвещало разочарований. Приближался новый 1935 год.

А 1 января 1935 года Н. Н. Глаголева арестовали...

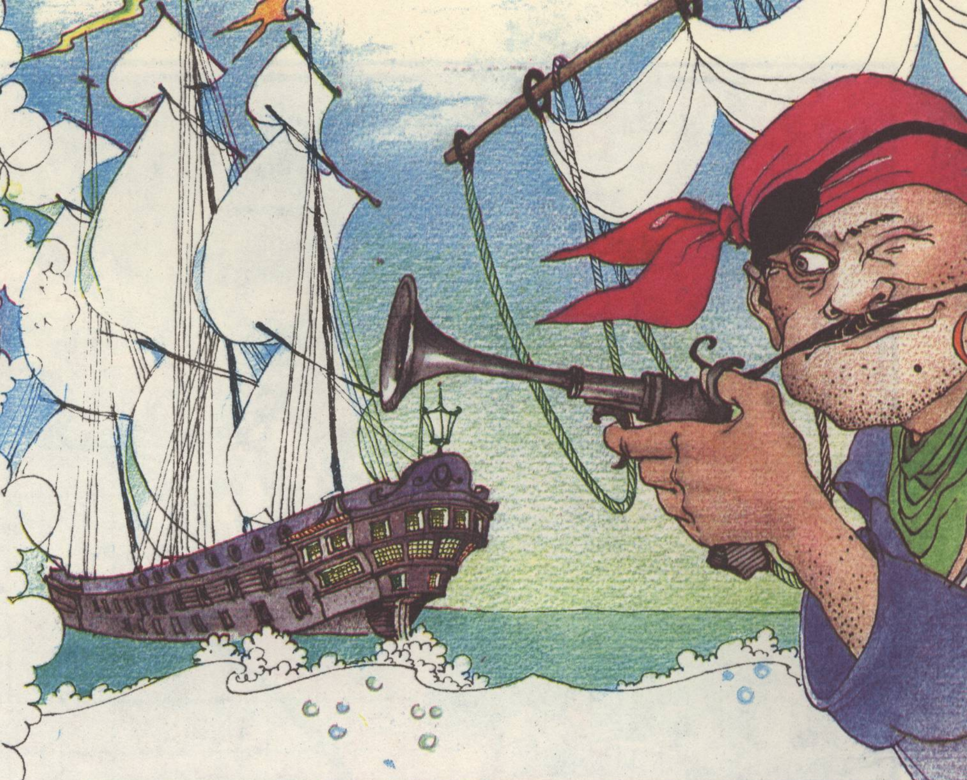
Владимир Михайлович Голицын отнес «Пиратов» в другое издательство — КОИЗ. Там за один год успели смениться на посту главного редактора двадцать человек. Один из них усмотрел, что название игры недопустимо. Тираж «Пиратов» пошел «под нож».

В тридцатые годы «под ножом» исчезали не только игры, книги, статьи — люди, семьи, судьбы.

Трагично оборвалась жизнь Владимира Михайловича. В 1941 году его, больного человека, тоже арестовали. В одном из сталинских лагерей он вскоре умер.

Сегодня с игрой «Пираты» познакомятся около двух миллионов читателей журнала «Пионер». Дети и взрослые склонятся над нею в тысячах квартир, сотнях домов пионеров, десятках пионерских лагерей. И все те, кому полюбится эта удивительная игра, поймут и поверят: ничего-ничегошеньки нет в ней страшного. Эта игра про свежий ветер и про то, как ходить под парусами, про острова и проливы Атлантики, штили и ураганы, хитрые маневры и яростные сражения...

Попутного ветра!

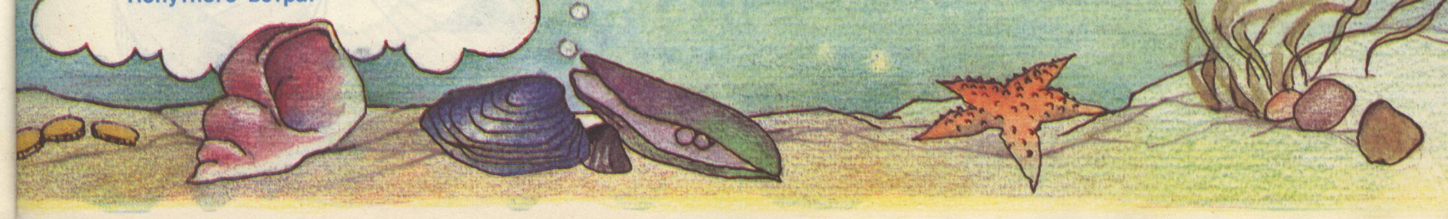
Правила игры

В «Пираты» играют: вдвоем — один за «испанцев», другой за «пиратов»; втроем — за «пиратов» играют двое. Играющих может быть и до девяти — у каждого по кораблю.

Корабли расставляются: испанские — в порт Вера-Крус, пиратские — по своим базам (их на карте шесть). **Задача «испанцев» —** перевезти из Америки награбленные там сокровища в Испанию, в порт Кадикс. **Задача «пиратов» —** отбить у «испанцев» сокровища и увезти в один из своих портов. **«Сокровища» везет один галеон,** его название «испанцы» тайно от «пиратов» пишут на листке и прячут под карту. **Начинают игру испанцы.** Корабли могут ходить везде, где есть квадратики, но на одном квадратике — кроме как в портах — находиться или проходить два корабля не могут. Нельзя ходить через чужие порты.

Играющий сначала крутит вертушку — выбивает ветер для своих кораблей. Стрелка остановилась: **на желтом** — штиль, галеоны не ходят, а пиратские бригантины на веслах могут идти в любую сторону на одну клетку. **На красном** — ураган, корабль дрейфует по ветру на одну клетку и гибнет; если повторный ураган гонит на береговые скалы, но на свой или чужой корабль не сносится, корабль остается на месте. В порту ураган тоже не страшен, только выйти нельзя. **Голубой цвет —** свежий ветер: соображай, куда тебе идти. Корабли ходят по восьми румбам компаса — ветер дует с норда (N — север), веста (W — запад), зюйда (S — юг), оста (O — восток) и с норд-веста (NW — северо-запад), зюйд-веста (SW — юго-запад), зюйд-оста (SO — юго-восток), норд-оста (NO — северо-восток).

Моряки говорят: «Ветер дует в компас, а корабли идут из компаса». Направление, по которому пойдет корабль, называется курсом. **Если надо плыть по ветру,** то есть так, что ветер будет дуть прямо в паруса, в «корму», то этот курс будет называться «фордевинд», или просто «попутный», и корабль идет на три клетки. **Если надо идти наискосок от ветра —** этот курс будет называться «бакштаг» — корабль тоже может мчаться на три клетки. Если надо идти вбок и ветер будет дуть в борт корабля — курс «галфвинд» — корабль идет на две клетки. **Если корабль идет наискосок к ветру, ветер почти**

ДОРОГИЕ ИГРОКИ!

Перед вами карта игры «Пираты». Она — старая, потерта на сгибах, такое впечатление, что ее извлекли из бутылки, обросшей водорослями и ракушками. А бутылка та не один год проплавала в тугих морских волнах.

Если вы умеете рисовать, то УВЕЛИЧЬТЕ нашу карту. Она может быть любой площади. Это зависит от вашего желания. Увеличивайте на картоне, листах ватмана, клеенке.

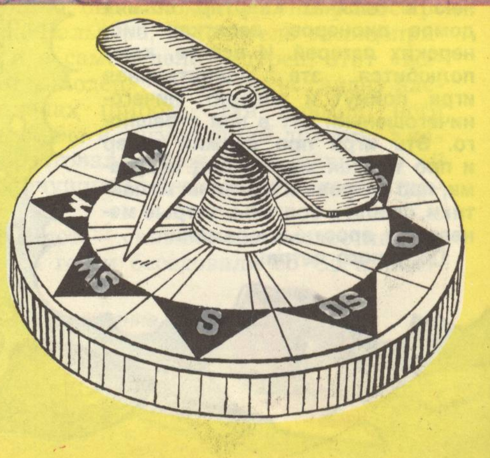

Рисунок 1

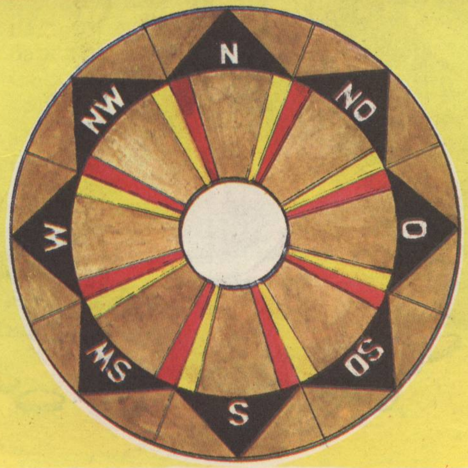

Рисунок 2

ВЕРТУШКА

Без вертушки (рис. 1) в «Пираты» не сыграешь. Поэтому внимательно посмотрите на ***рисунки 1 и 2.*** *Как сделать вертушку, вы сами сообразите. Для этого понадобятся кусочек жести, винт, деревянная основа и немного терпения. Стрелка вертушки должна вращаться свободно — не забудьте об этом. На деревянную основу наклейте* ***рисунок 2*** *— он дан в натуральную величину.*

противный, дующий сбоку в нос — курс «бейдевинд» — ходить можно только на одну клетку. **Против ветра** парусный корабль ходить не может. (На карте нарисованы образцы ходов по всем румбам при нордовом и норд-остовом ветре. Разберись в этих важных правилах, запомни все румбы и потренируйся — от правильного маневрирования при ветре будет зависеть судьба твоего корабля!)

На карте также показаны течения. Если корабль попадает на задний кончик стрелки, то его сносит к острию. Против течения можно идти только с острия стрелки.

Корабли «пиратов» и «испанцев» маневрируют, иногда выжидают, «испанцы» стараются прорваться к себе в Испанию, стараются не показать противнику, где у них «сокровища», «пираты», наоборот, пытаются по поведению галеонов догадаться, на каком из них драгоценный груз, и завладеть им. А переменчивый ветер путает все планы.

Но вот корабли сошлись в бою. Галеоны бьют во все стороны на две клетки, пиратские бригантины — на одну. Стрельба производится той же вертушкой: основные румбы (N, S, W, O) — попадание, четвертные (NW, SW, NO, SO) — промах. За один ход можно стрелять один раз, до хода или после хода, как хотите. Можно стрелять залпом несколькими кораблями одним щелчком вертушки, надо только предупредить, сказав: «Стреляю залпом» или «Стреляю по очереди». Галеон тонет с трех попаданий, бригантина — с двух. Корабли могут чиниться, зайдя в свой порт («испанцы» — только в испанский) и пропуская один ход. (При двух пробоинах — два.) Стрелять из порта или в порт нельзя. Потопленные корабли снимаются с карты. Когда топится галеон с «сокровищами», то он с карты не снимается: пират ведет его на одну из своих баз, а «испанцы» могут его снова отбить.

Игра кончается, когда галеон с «сокровищами» войдет в порт Кадикс — «испанцы» выиграли, или «пират» увезет похищенное сокровище в свой порт — «пираты» выиграли.

Следует завести «вахтенный журнал», куда записываются попадания и починки и где можно описывать интересные события, случившиеся в игре.

Кораблики сделайте сами: в надрез кусочка стиральной резинки вставьте бумажный «парус» с названием и красивым рисунком.

Публикация Иллариона Голицына, Владимира Перцова.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В. М. Голицын — автор более десятка настольных игр. Многие до сих пор не опубликованы. Есть идея издать их в издательстве «Малыш». Но, может быть, вы, ребята, сначала захотите увидеть голицынские игры на страницах «Пионера»? Напишите, да или нет? Ждем отклики!

Немного истории

В 1492 году Христофор Колумб открыл Америку. По Европе понеслись слухи о несметных богатствах в неведомых доселе землях. Испания, самая сильная тогда морская держава, посылает туда свои флотилии. Толпы искателей приключений, жаждущих легкой наживы, устремились за море, на Запад. Индейцы — жители Америки,— не знавшие огнестрельного оружия, доверчивые и миролюбивые, не могли оказать сопротивления алчным и вооруженным до зубов испанским завоевателям — конкистадорам. Трюмы кораблей набивались награбленным золотом, серебром и прочими сокровищами. Но в открытом море испанские галеоны поджидали пираты...

Столицей пиратов был остров Черепахи — Тортуга. Пираты обосновались даже в Европе: их прибежищем стал французский город Сен-Мало. Жили пираты и на полуострове Корнуэлл в Англии. Волны Атлантического океана были свидетелями многих безвестных морских трагедий — победители предпочитали помалкивать о происхождении своих богатств.

Разыграйте и вы один из эпизодов далекой истории: ты — конкистадор, а ты — пират! Кто кого?

Рисунки К. БАТАШЕВОЙ.

Начало на с. 30.

вым, вслух дивясь его учености. Шувалов благодушно посмеивался, а испытуемый, словно не замечая оскорбительного изумления, вежливо отвечал, руки благонравно на коленях сложены, только сильные пальцы по временам добела стискивали друг друга. Когда его наконец отпустили и он очутился в своей комнате, то, легши на постель и закинув руки за голову, долго лежал недвижно, уставившись в потолок, следя глазами тонкие трещины побелки. Что, собственно, происходит? Кто он здесь? Ученый тверской мужик, диковина — перед гостями хвастать? Такого, как он, иной давешний собеседник изволит учить по роже барской ручкой! За незажженную трубку, за измятое жабо... Да мало ли что! Уехать... А книги! Да во всю жизнь ему тогда не увидать таких книг, где учиться, как не здесь! Тут он и разговаривать стал по-иному — так, как учили его Хвылянский и книги. В деревне не с кем так говорить. А то уж над ним смеялись: вот уж, ворон отстал и к павам не пристал! Да и павы-то эти хороши...

На другой день Свешников сказал Шувалову, что хочет писать труд по древней истории, и попросил у него работы здесь, в доме. Шувалов был не в духе: один из вчерашних гостей сообщил ему секретно, что Григорий Орлов опять говорил о нем неделикатно, а государыня на это улыбнуться изволила. Он-то, Шувалов, знал, что бывает после таких улыбок... Он буркнул в ответ Свешникову:

— Живи здесь, пиши, читай, а коли будешь надобен, скажу.— И, смягчая свою резкость, добавил:— Денег своим в деревню пошли, у Бернара возьмешь — я велел...

Когда два дня спустя княгиня Дашкова вызвала к себе Свешникова и предложила ему место при академии («Ты будешь работать только для меня, дружок!»), то Свешников очень почтительно, но твердо отказался, сославшись, что не может с Иваном Ивановичем, «благодетелем», расстаться.

Тверская диковина

1

Лиза, Лизонька... Собственно, ее звали Лизеттой. Легкие, почти невесомые пряди ее светлых волос паутинкой ложились ему на щеку, на уголки губ, он сдувал их. У нее было совсем детское лицо, если бы не улыбка: когда она улыбалась, лицо ее сразу становилось знающим, усталым. Отец ее был швейцарцем; заводные игрушки, которые он мастерил на родине, оказались довольно ходким товаром в Петербурге. Он красил их в яркие цвета: синий, желтый, белый. Это были цвета швейцарского пейзажа, и были цвета ее детства.

О своем детстве, впрочем, она говорила мало и совсем неохотно рассказывала о юности. С пятнадцати лет она, по ее словам, кочует из одного барского дома в другой и шьет белье. Рукодельница-мать обучила ее, и теперь ей неплохо платят за труды. Вот и все. «Но что нам до того?»

Как это случилось? Он сидел у окна маленькой комнатки, отведенной ему в шуваловском доме, и делал картину из соломы — вид с перспективой и мельницей на переднем плане. Недавно с Шуваловым был разговор о ломоносовской мозаике; Иван сказал, что умеет делать виды из соломы, и хозяин загорелся, обрадовался, велел приступать. В этот день Лиза вошла, не дождавшись ответа на стук, когда он, чертя соломиной по оконному стеклу, что-то бормотал неразборчиво. Она подождала, он не оборачивался, тогда она снова постучала ногтем по двери — с этой стороны. Он обернулся. На нее растерянно смотрели узкие серые глаза, а смуглая кожа щек потемнела от нахлынувшего румянца: она слышала, как он бормотал!

— Вот рубашки,— проговорила она, улыбаясь, и вдруг, миновав его, легкими шажками подошла, даже подбежала к начатой картине, где уже крестом темнели крылья мельницы:— Что это?

— Это не окончено,— ответил он.

Она засмеялась, кинула рубашки ему на плечо, потом, постукивая каблучками, прошлась по комнате. Он завороженно следил за нею.

— Меня зовут Лизетта,— четко, как будто читая написанное, сказала она.

— Заканчивайте свою работу скорей: я смотреть приду.

Он смотрел на дверь, за которой она скрылась. Погладил щекой рубашки, все еще лежавшие на плече. Бережно сложил их на стол, потом хмыкнул коротко, сел к окну, взялся за работу. Поработал минут десять и долго, с великим удивлением, как чудо какое, разглядывал дверь.

Она пришла к нему еще раз и еще. А когда он наконец-то закончил картину, Лизетта не стала ее смотреть...

Он уже третий месяц исправлял должность шуваловского секретаря: Лев Федорович Людоговский, белолицый молодой человек, уехал куда-то на короткое время да задержался. Шувалов диктовал Ивану бумаги. Велел разбирать старые письма, которых за десятилетия скопилось множество. Однажды листок без начала и конца попался ему в руки — письмо, писанное по-французски мелким почерком; небрежные перекладины «Т», как крючок рыболовный, ныряют вниз; отдельно стоящие буковки складываются в четкие слова: «Мы послали вам свое благословение...».

— Чье это? — спросил он Шувалова.

Тот, взяв в руки и пробежав глазами несколько строк, бережно запер в особую шкатулку, где хранил дорогие ему сувениры. Потом с расстановкой произнес, значительно подняв палец:

— Это Вольтер, мой друг.— И, подчиняясь какому-то своему ходу мыслей, заговорил о Ломоносове уже в который раз; он сказал, что Ломоносов есть пример для подражания.

— Не всякому дано такие разнообразные таланты в себе соединить,— возразил Свешников.

— А я и не говорю, что ему подражать следует в разнообразии, но ежели каким одним талантом одарен, то употребить его должно по-ломоносовски. И подумав, добавил:— А за всем тем и другие таланты объявятся.— Он стал, опершись на плечо Свешникова, придавил его к стулу.— Скажи-ка, друг мой, ты стихи не пробовал ли сочинять?

— Пробовал.— Свешников сконфуженно усмехнулся.

— Ну и что ж?

— Хвалиться нечем, Иван Иванович, Полигимния не любит меня, а только терпит.

— А прочти-ка мне...

Иван прочел. Шувалов очень внимательно поглядел на него и сказал:

— Что ж ты клеплешь на себя? Можешь... только предмет неудачный выбрал. Любовь нужно легко изображать, avee enjousment, как это по-русски: игриво. А у тебя слог важный, штиль высокий. Вот что: возьми-ка ты из Библии что-

либо переложи; этим и Михайло Васильевич не гнушался. Подай-ка мне Библию. Так... ну-ка, наудачу! Вот... нет, не годится... еще раз, ага, вот это, пожалуй, подойдет, смотри: «Благословите, всякий дождь и росы Го́спода, пойте и превозносите его... Благословите, холод и зной Го́спода...» Это из книги пророка Даниила.

— Я знаю,— задумчиво проговорил Свешников.— Трудно...— И, опережая нетерпеливое движение Шувалова, докончил:— Но я попробую.

За сочинением этих самых стихов застала его, бормочущего, Лизетта в самый первый день их знакомства.

И вот стихи готовы. Свешников переписал их набело, стал читать вполголоса, хороши они или нет? Получилось совсем не то, что говорил Шувалов. Да и он, Свешников, не думал, что так получится:

Молитв вместилище ярится
Дерзаньям воздвигать предел...

«Гм, „молитв вместилище"... Ну что ж, правильно — церкви есть вместилища молитв. Все-таки „вместилище" — сомнительно. Храм — „вместилище молитв", суд — „вместилище законов"»,— Свешников усмехнулся: «Кошелек — вместилище денег...»

А чего он, собственно, усомнился? Ну вместилище, ну дерзко — и что из того. А дальше разве лучше? Все равно стихи напечатаны быть не могут. Свешников засмеялся и с удовольствием прочел вслух, полным голосом:

...Разумный статус государства
И просвещенное державство —
Натуре свойственный закон —
Сие религии основа,
Что восхваляет всеблагого
Превыше храмов и икон.

«Да, навряд Шувалов похвалит. Хоть и крестится вольнодумно: мелким крестом у груди, библейское-то прославление Бога сохранилось, но и порицание церкви прибавилось...»

В дверь поцарапались. «Лизетта!» Свешников метнулся к двери, распахнул ее; Лизетта стояла у порога и скребла ноготком притолоку; он подхватил ее на руки, закружил по комнате.

— Дверь,— сказала Лизетта, теребя его за волосы.

Он посадил ее за стол (какая-то книга упала на пол, у стенки), закрыл дверь и нагнулся над книгой. Лизетта держала кончиками пальцев листок со стихами.

— Что это, чье?— спросила Лизетта.

— Это мои стихи! — гордо объявил Свешников. Он сам немножко конфузился своей гордости:— Хорошо?

Лизетта молчала.

— Хорошо ли?— уже тревожно спросил он.

— Не знаю,— медленно выговорила она.— Здесь против церкви... поплатиться можно...

— Но ведь я не собираюсь их нигде помещать.

— Так зачем ты написал их,— возразила она рассудительно.

Свешников рассказал, как было дело. Лизетта, выслушав его, задумчиво покачала головой.

— Тебе стихи не нравятся, — уныло произнес он.

— Я их, милый, не очень понимаю: они слишком умны для меня. Только я боюсь: они могут тебе повредить.

Она подняла с колен листок со стихами и четко сказала:

— «Превыше храмов и икон»... боюсь...

— Знаешь что... возьми этот листок себе. Когда-нибудь,— он усмехнулся застенчиво и гордо,— когда-нибудь я подарю тебе книгу настоящую, напечатанную.

— Не надо, что ты! Я не должна их брать.

Если бы Свешников посмотрел ей в лицо в этот момент, он непременно спросил бы, отчего она так испугалась: она побледнела, губы сжались; но он глядел на свою рукопись, лежавшую на краю стола. В ответ на ее восклицание он засмеялся и сказал:

— У меня вчерне записано. Да я так их помню — бери.

Стихи разошлись по Петербургу на диво быстро. Шувалов велел сделать с них список и с удовольствием читывал их вслух у себя в доме и в других домах, где бывал. Вольнодумство было в моде.

В самом деле, неужели нельзя обойтись без утомительных церковных служб, без поясных поклонов, без всех этих варварских обрядов? То есть для простолюдинов-то церковь необходима, она им в утешение. Но ведь речь не о них. Российские патриции, вкусившие от европейского просвещения, церковный ладан не жаловали.

Стихи понравились, их заучивали наизусть, чтобы щегольнуть в разговоре, переписывали, знакомым посылали. О сочинителе Шувалов промолчал, только ухмылялся лукаво, когда спрашивали; впрочем, знающих стихи вскоре стало так много, что все забыли, кто первый пустил их в обществе; случалось, что самому Ивану Ивановичу приносили их как новинку.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

«ПИОНЕР»! У нас в классе есть неразговорчивый мальчик. Никто с ним не дружит. А с тех пор как случайно узнали, что он на скрипке занимается, проходу не дают, смеются. И в пятом «А» тоже есть мальчик, все придумывает что-то свое. Его по-всякому дразнят, даже возле школы подкарауливают. Объясни, почему?

Просто Таня, а откуда — неважно».

ЧУДАК? ЧЕЛОВЕК!

Ясно! Таня пишет о чудаках. О тех, кто живет под постоянное улюлюканье со стороны «серьезных» людей, о тех, кто, с точки зрения окружающих, «вместо шляпы на ходу... надел сковороду».

А теперь маленькая история:

На гладком льду реки, а может, на пруду, бычок, надев коньки, шатается на льду. Шагнул он шаг, другой и — на спину упал. Зачем же, дорогой, коньки ты покупал?! Вблизи, на берегу, высоком и седом, корова, вся в снегу, с уздечкой и седлом. Однако на седле не видно седока: как видно, на селе не сыщешь чудака. Конечно, не с руки, точнее, не с копыт, им надевать коньки, уздечкой портить вид... Но все же, почему бы чок опять встает и, «му-у-у!» сказав во тьму, упрямо режет лед?! Но почему же так: в овраг отбросив страх, Буренка, как рысак, несется на рысях?!

И верно: почему? Что заставляет чудака быть чудаком? Увлеченность! Чудаку главное — думать свою думу, делать свое дело, не обращая внимания на такую частую реакцию окружающих, как подмигивание и покручивание пальцем у виска: что, мол, с него взять, чудак, мол, да и все, почти блаженненький! И как же трудно чудакам живется. Самые горькие, самые отчаянные письма — от них. «Помогите!» «Спасите!» «Посоветуйте!» «Объясните!» «Заступитесь!» «Я бы хотел быть, как все, но не могу!»

Представьте: эдакий дылда — по два года в каждом классе сидит — «хобби» имеет: на переменах в туалете курит и малышей похабным словам учит. Вот для него-то чудак — находка. «Сейчас в глаз или по шее, если ты мне (далее варианты) портфель не будешь до дому таскать, завтра рубль не принесешь, не дашь контрольную сдуть...» А то и хуже. Что бедненькому чудаку делать, скажите на милость? Подчиниться? Скорее всего, да. Душевные-то силы для любимого дела приберечь надо, не растрачивать их на злобных и тупых дылд. Это как правило: чудаки большей частью народ маломощный, хилый народец. Трудно им с хамством справиться, а тем более с хамом. Кого они в школе могут серьезно увлечь? Ну разве заинтересует кого-нибудь из одноклассников (а тем паче одноклассниц) такой хилячок, если рядом, вон, Эдик, спортсмен-разрядник, кровь с молоком; да Боря, гитарист, в фирме́, с диска́ми и с «Шарпо́м» (еще и вида́к скоро нарисуется)? К ним, к ним, властителям дум и бессонных ночей! А этот слабак с солеными ушами, худенький (хотя, может быть, и толстенький), пускай один ходит, думу свою чудну́ю думает.

Вот он — чу́дак — и будет один ходить, думу свою расчудну́ю думать.

Есть, правда, и другая, так сказать, ситуация. Если чудак — здоровяк, красавец, в общем,— Арнольд Шварценеггер, и мускулы так же железно перекатываются. Такого вот образцового вида человек, но, простите за выражение, чудак. (Случается!) Тут, конечно, окружающий народец начинает заинтересовываться феноменом. Тут уже кумиром попахивает. Кто-то даже (кто немного способен) чудачествам кумира подражать пытается. Хотя чудаку на собственное кумирство начхать. Если кто зло и говорит про него, то обязательно втихаря и наверняка из зависти — когда ну просто невозможно зависть в себе удержать. Так и рвется она, черная, сплетней в дружеское ухо.

К сожалению, только что описанный чудак — в классе исключение.

Итак, о чем же одиноко думают чудаки и что они делают на досуге? Да все, что угодно: марки собирают, радиоприемники, вечные двигатели, лазерные установки и синхрофазотроны мастерят, периодическую таблицу придумывают, велосипед изобретают, «Буран» и «Энергию» в космос запускают, ребусы микромира разгадывают, на Эверест и в жерло вулканов лезут, на трубе дудят... Короче, без преувеличения: на них мир стоит, как на китах. Да все это, что я здесь говорю, и без меня давно известно. Я просто истины повторяю. Не грех лишний раз истины-то повторить! А то вроде бы все всё знают и понимают, и вдруг опять письма: «У нас в классе (в школе) мальчик (девочка) непохож(-а) на всех. Над ним (ней) все издеваются, а он (она) обидчикам ничем ответить не может. Я за него (нее) заступился (-лась), и меня тоже возненавидели...»

Ну откуда это, скажите? От верблюда? Вот именно!

Сколько хотите таких писем. Одно в них радует (если прилично в этом случае говорить о радости): нашелся кто-то в классе или в школе, заступился за слабого. А слабый-то этот, скорее всего, и есть наш чудак!

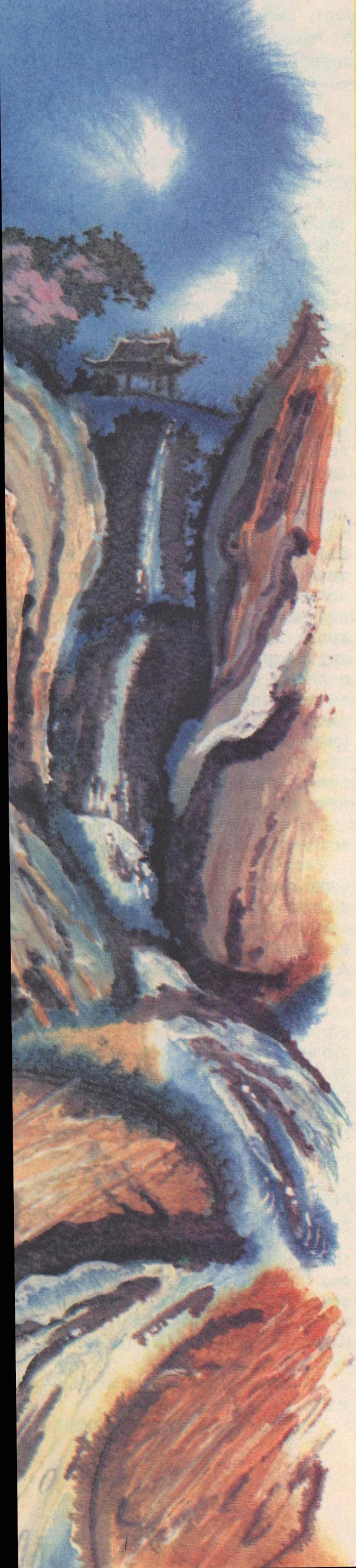
О, как бы я хотел быть (или стать) чудаком! Но, к несчастью, это высокое звание мне не по плечу. И я лишь могу крикнуть: «Дорогие чудаки, как здорово, что вы есть! Вы сейчас нужны как никогда. Без вас не сдвинуть с места нашу великую, прекрасную и такую уставшую за годы безвременья страну. Принимайтесь за дело и возьмите в помощники нас!»

Вот крикну я это, потом посмотрю... почтальон на стол горку писем положил. Начну письма вскрывать, читать. От кого письма? В большинстве — от чудаков. И опять: «Помогите!», «Объясните!», «Согрейте!».

Да сколько же можно их обижать, наконец!

Владимир КОЖЕМЯКИН.

Рисунок В. БУРМИСТРОВА.

АДРЕС ФЕСТИВАЛЯ — КВАНБОК

Считанные дни остаются до открытия XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

— Готов ли Пхеньян к встрече гостей? — с таким вопросом наш корреспондент обратился к постоянному представителю Корейского подготовительного комитета в Москве Ким Чхоль Суну.

— Да, готов,— ответил Ким.— Возможно, кому-то два года назад казалось нереальным возвести за столь короткий срок двести шестьдесят фестивальных объектов. Ведь среди них есть такие уникальные, как 105-этажный отель и крытый стадион, на трибунах которого смогут разместиться сто пятьдесят тысяч зрителей. Но строители не подвели. Много помогали им юноши и девушки, которые после работы приходили на стройку и по нескольку часов работали бесплатно. При ЦК Союза социалистической трудовой молодежи Кореи был создан специальный отряд «скоростного боя», в который вошли двадцать тысяч человек. Кроме того, по всей республике первое воскресенье каждого месяца проводился «день поддержки фестиваля». Так что фестивальный городок уже ждет участников фестиваля.

— А как он выглядит?

— Это целый шестикилометровый проспект, который вырос в юго-западной части Пхеньяна. Имя нового микрорайона «Кванбок» — «Возрождение». Здесь построены гостиницы, спортивные залы, кинотеатр, цирк, жилые дома на двадцать пять тысяч квартир, в которых будут жить все делегаты и гости фестиваля. В Кванбоке возведен и новый Дворец пионеров, который намного больше старого. В нем смогут заниматься одновременно пять тысяч ребят. В их распоряжении — свыше четырехсот помещений для кружков, обсерватория, кинозал, бассейн. А рядом с Дворцом — фестивальный парк и «музыкальный» фонтан, который способен «напевать» сто мелодий. В дни фестиваля во Дворце пионеров разместится Детский центр.

Ареной фестиваля станет весь Пхеньян. Гала-концерты национальных делегаций будут проходить в новом Доме молодежи на берегу реки Тэдон. Массу разнообразных состязаний запланировано провести в спортивной деревне, которую составили десять просторнейших залов и футбольный стадион.

Будут делегаты выезжать и за пределы Пхеньяна. Побывают они в Вонсане, Нампхо и других городах, где также построены десятки объектов специально к всемирному форуму молодежи.

— Но ведь подготовка к фестивалю — это не только сооружение залов и стадионов?..

— Разумеется. В рамках национального фестиваля, который предшествовал всемирному, проведены многочисленные конкурсы, определены лучшие художественные коллективы, и им дове-

Так выглядит Ыннадоский стадион в Пхеньяне, на котором 1 июля откроется XIII Всемирный.

рено выступить перед участниками фестиваля.

Всем известная эмблема XIII Всемирного тоже появилась в результате конкурса. Она была выбрана из шестисот эскизов. Еще больше работ — свыше пяти тысяч текстов и трех тысяч музыкальных произведений — поступило на конкурс фестивальной песни. Можете представить, какую нагрузку вынесло жюри.

К фестивалю выпущены яркие плакаты, наборы почтовых марок, фотоальбомы, буклеты, открытки о Пхеньяне и других городах, путеводители, словари и разговорники.

Было организовано массовое движение «Цветок-колокольчик» по благоустройству столицы. Отремонтированы многие здания, приведены в порядок дороги, высажено восемь миллионов деревьев. А о цветах я и не говорю — их просто не сосчитать.

— Пионеры тоже участвовали в этой работе?

— Конечно. И не только в благоустройстве. Школьники собирали металлолом для стального проката. Ведь его на строительстве нужно очень много.

Полным ходом идут репетиции в детских художественных коллективах. Их тоже увидят наши гости. Известно также, что юные жители столицы дома и в школьных зооуголках выращивают тридцать тысяч голубей. Их выпустят в пхеньянское небо во время церемоний открытия и закрытия фестиваля.

— На московском фестивале праздники открытия и закрытия оставили глубокое впечатление у его участников...

— Мы тоже готовим красочные представления. Они пройдут на острове Нынна, что напротив горы Моранбон. Здесь под куполом крытого стадиона соберутся сто пятьдесят тысяч участников и гостей фестиваля. Во время открытия над полем появится многоцветная радуга, по которой в зал сойдут восемь фей Кымгансана — Алмазных гор.

Алмазные горы — красивейшее место в Корее. Там лежат восемь чистейших озер, и у каждого, согласно древним легендам, есть своя покровительница. Феи символизируют счастье и душевную красоту. И они готовы одарить счастьем честных, добрых и трудолюбивых людей. Мы верим, что феи и на этот раз окажутся гостеприимными волшебницами.

Рисунок А. ГРИШИНА.

Сувениры — для Пхеньяна

Эти симпатичные игрушки прислала в редакцию Мирослава Морозова, ученица 8 «А» класса средней школы № 10 города Марганца Днепропетровской области. Они оказались первыми в коллекции сувениров для делегатов XIII Всемирного фестиваля.

«Я председатель совета дружины, член комитета комсомола,— сообщила о себе Мирослава.— Была участницей Всесоюзного сбора пионеров — активистов перестройки в «Артеке». Учусь хорошо. Увлекаюсь музыкой — играю на гитаре. Занимаюсь в студии декоративного моделирования — шью мягкие игрушки...»

И, как видите, у нее неплохо получается. А еще Мирослава прислала свои рисунки, посвященные фестивалю. Вот они — перед вами.

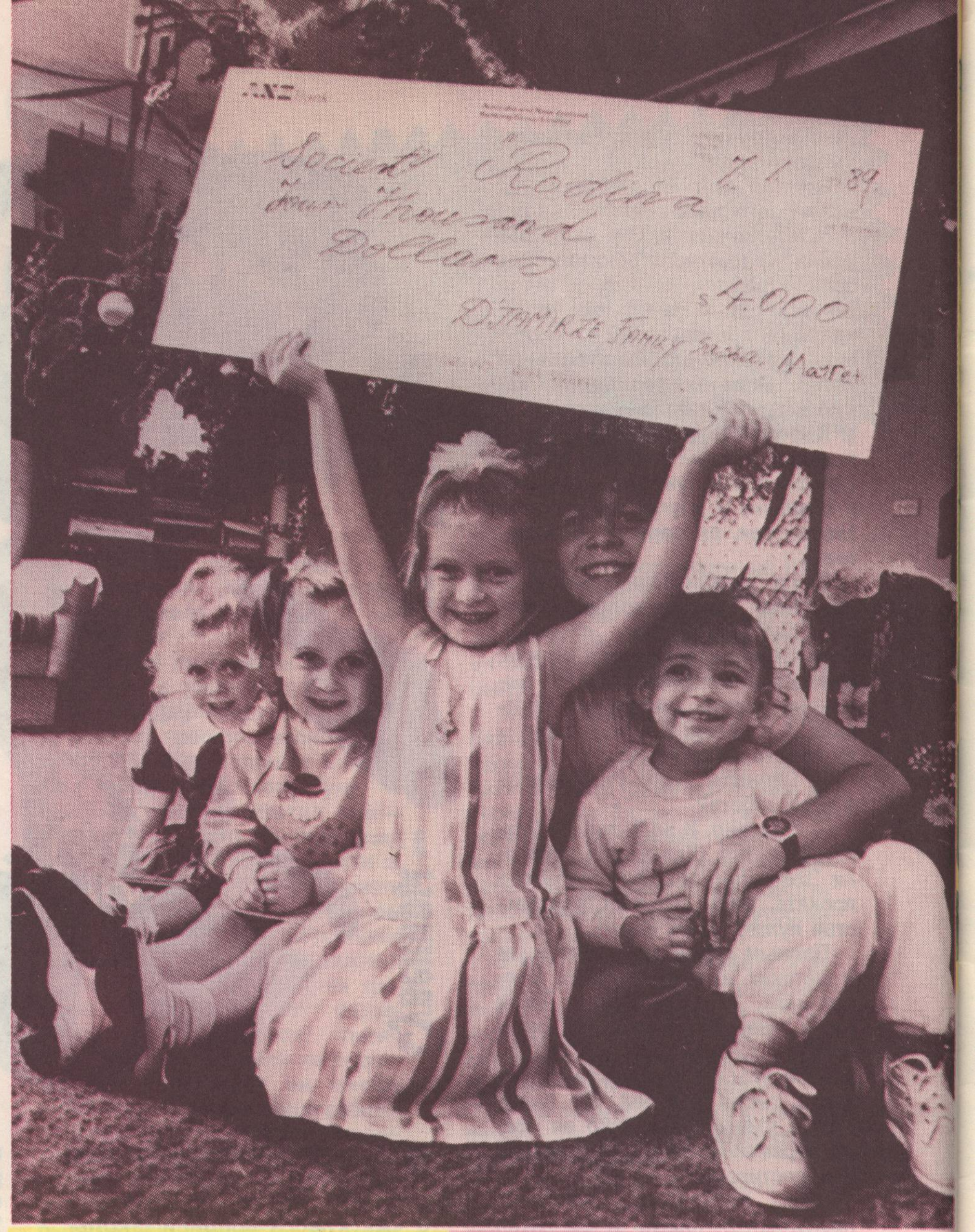

* * *

С января наш КИД проводит школьные радиопередачи о фестивальном движении. В мае прошли два больших праздника: «Салют, XIII Всемирный!» и веселое путешествие для октябрят «У нас друзья на всей планете».

Хотим провести ярмарку солидарности, а средства от нее перечислить в фонд фестиваля. А еще мы начали готовить подарки делегатам XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И первые сувениры посылаем в «Пионер». Русские деревянные поделки мы купили на деньги, вырученные от «сладкой ярмарки».

Члены КИДа «Саманта»,
средняя школа № 67
г. Пензы.

Браво, Майорет!

Ничего подобного у нас не бывает. По крайней мере до сих пор не было. «Просто не принято»,— говорим мы. И нам трудно даже представить семилетнюю Майорет на улице большого города: она решила игрой на скрипке заработать немного денег и помочь своим сверстникам, которые живут далеко-далеко на севере, на родине ее предков.

Но это было. В Австралии, в Сиднее, где живут Майорет Джамирзе и ее девятилетний брат Саша. Чтобы привлечь внимание прохожих, девочка нарисовала плакат с улыбающимся солнышком и написала: «Радостного рождества, счастливого Нового года! Пожалуйста, жертвуйте пострадавшим от землетрясения в Армении. Бог воздаст вам за это».

Три недели ездила Майорет с западной окраины города в центр Сиднея. Дело пошло не сразу. Дважды детей прогоняли из наиболее многолюдных мест. Плачущую девочку заметили прохожие, стали звонить в редакции. Снимки Майорет появились в крупнейших австралийских газетах. А журналист Дуглас Макдугалл из «Дейли Телеграф» обратился к читателям: «Если вы за хотите опустить немного денег в футляр для скрипки Майорет, но не сможете найти ее в городе, можно послать чек в «Фонд семьи Джамирзе — пострадавшим в Армении».

Несколько народных мелодий, которые девочка выучила в музыкальной школе и исполняла на улице, вызвали у австралийцев чувство соучастия и милосердия. Детям удалось собрать полторы тысячи долларов. А почта принесла банковские чеки и удивительно теплые письма из разных уголков Австралии. В итоге австралийский банк вручил Майорет специально изготовленный, огромный, в ее рост, символический чек на сумму 4000 долларов. А настоящий чек был передан ее дядей Александром Джамирзе постпредству Армении в Москве.

Майорет и Саша — младшие дети в большой и дружной семье выходцев с нашей Родины. Их бабушка Валентина Михайловна в годы войны была угнана фашистами на работы в Германию из Мариуполя. Прошла и каторгу, и концлагерь. В Австрии познакомилась с будущим мужем Виктором Джамирзе из старинного адыгейского рода. Затем побег из концлагеря, скитания по Италии, Сирии. Потом перебрались в Австралию. Валентина Михайловна вырастила одиннадцать детей, и всем она привила любовь к русскому языку и культуре, доброе отношение к России, к Советскому Союзу. И вот теперь эту добрую традицию продолжили внуки Валентины Михайловны — Майорет и Саша.

П. ОНИЩЕНКО

Красный галстук — символ стойкости и дружбы

Пионерский отряд 4«А» класса 42-й школы г. Орджоникидзе занесен в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. А учительница этой школы Наталья Владимировна Ефимова награждена орденом «За личное мужество».

Помните, как мы волновались, узнав, что ребята попали в беду, оказавшись заложниками террористов? Как радовались их освобождению? И как потом восхищались стойкостью четвероклассников: среди них не нашлось ни одного, кто согласился бы сжечь свой красный галстук в обмен на обещанную бандитами свободу.

Минуло уже несколько месяцев, а письма в 42-ю все идут и идут. И не только из разных уголков нашей страны, но и из-за рубежа. Недавно почта доставила пакет из далекого китайского города Нанкина. А в нем — тридцать один красный галстук и письмо: «Мы восхищены,— пишут ребята из начальной школы Феньюсы,— верностью своему долгу учительницы Н. Ефимовой, любовью к ученикам, ее самоотверженностью. Мы одобряем школьников за их твердость, любовь к красному галстуку и героизм в отстаивании чести пионера. Примите наш самый драгоценный подарок — красные галстуки. Пусть они станут узами дружбы, связывающими китайских и советских детей».

Мир глазами Херлуфа Бидструпа

Так получилось, что, пожалуй, последняя книга в жизни замечательного датского художника Херлуфа Бидструпа вышла в Советском Союзе в издательстве «Детская литература» в 1988 году. Публицистические рисунки, которые сделаны в путешествиях по разным странам, не предназначены для детей, но Бидструп верил, что дети понимают окружающий мир не хуже взрослых, только по-своему. Об этом великий датский художник сказал в предисловии к своей книжке «Мир глазами художника».

«Я проникся убеждением,— написал он,— что дети действительно народ стоящий. Они никогда не притворяются в присутствии других, чтобы показаться лучше, чем они есть, они всегда честны и открыты и говорят то, что думают. Поэтому художнику нет нужды самому притворяться и подлаживаться под детей. Пусть они видят все таким, как оно есть, и судят обо всем сами».

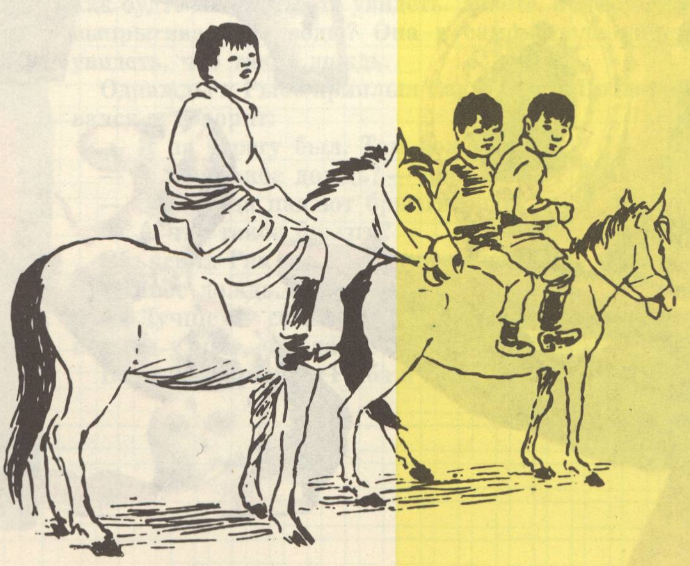
Вот мы и приглашаем вас посмотреть и подумать.

ШВЕЦИЯ. ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ. Санки напоминает даже эта сверхсовременная металлическая парта.

БОЛГАРИЯ. Каждый год в Габрово проводятся знаменитые на весь мир фестивали юмора.

МОНГОЛИЯ. Дети школьного возраста — лихие наездники.

КИТАЙ. Уличный торговец.

ВНИМАНИЕ!

«КОРАБЛИК» давно бороздит моря и реки нашей страны. Бывал и в «загранке». Превращался в буер, и свежий ветер носил его по гладкому льду замерзших озер. Пробирался, чуть не задевая бортами низкий берег, по узким протокам и по неглубоким ручейкам, рискуя сесть на мель...

Как ты думаешь, не пора ли ему на вечную стоянку? Или, может быть, нужны ему новые паруса, новая яркая окраска и даже новое имя? А может быть, ему пригодился бы помощник, еще один член экипажа, который тоже любит стихи и рассказы?..

А может быть, ничего не менять и все оставить по-прежнему?..

«Журнал в журнале» печатает только тебя! Значит, тебе и решать, каким ему быть.

Объявляется конкурс на лучший проект «ЖУРНАЛА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА»!

Расскажи нам о том, каким ты хотел бы его видеть.

Ждем от тебя письма! На конверте напиши: «Конкурс «Кораблика».

ГЖЕЛЬ.
Роспись Лены НЕПЛЮЕВОЙ, 15 лет.

А эти фигурки — работы Вовы КУРИНОВА, 14 лет, и Тани БИДАК, 13 лет.

—Выходит, никто тебя не научит писать стихи, если сам не умеешь,— вздохнул Юнга. Он скомк листок бумаги, выбросил его в открытый иллюминатор и горестно посмотрел вслед.

— Для бумаг есть корзина,— сурово заметил Боцман.

Но Юнга его не слышал: он думал о своем.

— А рассказы? А сказки? — продолжал Юнга. Он обращался к Капитану.

— Можно ли **научить** — не знаю. Но **учить** пробовали многие замечательные педагоги. И полу лось неплохо. Будете на Украине — загляните непременно в Павлышскую школу. Там цел библиотека из альманахов — все это сочинения учеников. Написаны они давно, больше тридца лет назад, авторы их давно стали взрослыми. Сочинять сказки учил их Василий Александров Сухомлинский, знаменитый педагог. Лучшие работы хранятся по сей день. Один альманах е и у меня. Возьмите, почитайте на досуге.

Юнге сказки очень понравились. Он решил — с согласия Капитана — познакомить с ни читателей.

Юрий, 4-й класс.

Журавель и Попугай

Журавель родился в гнезде на берегу нашего озера. Приближалась зима. Журавель пристал к стае других журавлей и улетел далеко на юг.

Там вечное лето, теплые воды, изумрудные берега, лазурное небо. В лесах много удивительных птиц: зеленых, синих, голубых попугаев. Все они поют, радостно кричат. А Журавлю нашему скучно.

Спрашивает Зеленый Попугай у Журавля:

— Почему ты скучаешь? Почему гнезда не мостишь, журавлят не высиживаешь?

Молчит Журавель, поглядывает на север.

Вдруг он встрепенулся, прислушался к чему-то. Где-то раздался журавлиный крик. Радостный, тревожный.

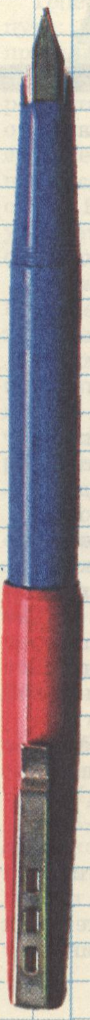
Взлетел Журавель, догнал других журавлей.

— Куда же ты летишь? — удивился Попугай.— Ведь там холодно. Поживешь пять месяцев и опять сюда прилетишь. Что хорошего на твоем холодном севере?

— А хорошее то, что я там родился. Там моя родина. Родина — всего дороже.

Сергей, 3-й класс.

Почему выпрыгивает из воды Рыба

Когда идет дождь, Рыба выпрыгивает из воды, как будто хочет что-то увидеть. Знаете, почему она выпрыгивает из воды? Она в самом деле хочет увидеть, что такое дождь.

Однажды к Рыбе приплыл Рак в гости. Поздоровался и говорит:

— Я на берегу был. Там дождь идет.

— А что такое дождь? — спрашивает Рыба.

— Это когда падают брызги воды.

— А что такое брызги?

Объяснял Рак, но Рыба никак не могла понять, что такое дождь.

— Лучше я сама на мгновение выпрыгну из воды и узнаю, что такое дождь.

Вот с того времени Рыба и выпрыгивает из воды.

Анатолий, 2-й класс.

Кто умнее

Сошлись раз Козел, Бык и Баран и нача спорить, кто из них умнее. Один говорит, что умнее, другой говорит, что он умнее, никому хочется быть глупее других. Пошли они к Ос чтобы он рассудил их.

— Осел, скажи, пожалуйста, кто из нас умн

Осел дал им задачу:

— Пусть каждый из вас скажет, почему рас трава. Кто скажет лучше других, тот самый у ный.

Бык говорит:

— Трава растет потому, что идет дождь.

Козел говорит:

— Трава растет потому, что греет солнце.

А Баран молчит. Молчал день, молчал два, м чал год, молчал два, молчал три года.

И Осел решил, что Баран умнее всех. Раз молчит, значит, он знает все. А Козел и Бык х и говорили, но ведь они могли и ошибиться.

Людмила, 2-й класс.

Вода в плену

Ночью шел дождь. Крупные капли дождя с чали по железной крыше нашего дома. Они вес плясали. Веселый был дождик. По водосточ трубе побежал говорливый ручеек.

Он рассказывал что-то о темной туче, о сер том громе и об огненной молнии. Он на что жаловался. Я подбежала к водосточной тру к тому месту, где ручеек стекал в кадушку. П слушиваюсь, на что же жалуется ручеек? Ока вается, он не хочет быть в кадушке. Он ж луется:

— Что я там буду делать — в кадушке? М чать? Но ведь я перестану тогда быть руч ком.

Утром я подошла к кадушке. Она была нап нена водой. Это ручеек попал в ловушку. Я клонила кадушку. Вода полилась. Ручеек вес сказал:

— Спасибо, девочка, за то, что ты освобо ла меня.

Перевел с украинс
З. РУДЕН

Ингемар ФЬЁЛЬ

ИОХИМ-ЛИС, ДЕТЕКТИВ С ДИПЛОМОМ

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 5.

Иохим-Лис, проживающий в городе Елсо, решает стать сыщиком. Он оканчивает Заочные Курсы Частных Детективов и получает диплом. Вскоре подворачивается первое дело. Из кладовки бакалейщика Бонифация-Барсука начинают пропадать продукты. На месте преступления обычно не остается никаких улик, кроме маленького нарисованного знака ИКС, похожего на злобного паучка. В доме Бонифация живет квартирант — важный чиновник из столицы Ромуальд-Россомаха, приехавший в Елсо в командировку. Его вряд ли можно подозревать в кражах. Понимая, что предстоит дело сложное и запутанное, Иохим-Лис нанимает личного секретаря. Им становится Грегуар Гвидон-Горностай. Замаскировавшись под кусты сирени, детективы устраивают возле дома Бонифация ночную засаду. Засада результатов не дает, ночь проходит спокойно, а в доме тем временем происходит новое преступление...

Пересказал Олег Тихомиров

Глава десятая

Вернувшись домой, оба детектива тут же уснули. Из спальни Иохима-Лиса доносилось мерное похрапывание, а из шкафчика над письменным столом — отрывистое легкое сопение.

Но вот Иохим появился в дверях спальни и, потянувшись, стал сразу же излагать свои планы.

Во-первых, необходимо проверить все подозрительные места, во-вторых, отправиться в лес и прочесать его вдоль и поперек.

— Ты обойдешь все загородные притоны,— сказал Иохим,— наверняка там столкнешься с какой-нибудь пренеприятной личностью. Если встретится тебе — есть одна такая — Жанетта Кис-Кис, будь осторожен: чрезвычайно хитрая мошенница.

Гвидон быстро все записывал.

— Сам я думаю навестить Дом с Привидениями,— продолжал Иохим.— Когда-то там собирались разбойники. После осмотра этих мест мы отправимся в глубь леса. Ты зайдешь с севера, я — с юга. Полагаю, не надо объяснять, что мы будем переодеты. В лесу можно воспользоваться маскировкой «метод муравейника», но мне бы хотелось попробовать другую маскировку. Сейчас грибной сезон, и разве не было бы разумнее нарядиться грибником?

Они выпили несколько чашек чая и приготовились к выходу. Иохим натянул на себя поношенную куртку и линялые джинсы, на голову нацепил кепку с поломанным козырьком.

Гвидону он одолжил пиджачок, который сам носил еще будучи лисенком. Пиджачок оказался как раз впору.

— Встречаемся около шести вечера,— сказал Иохим.— Я дам дальнейшие распоряжения.

Дом с Привидениями показался детективу совершенно заброшенным. Дверь висела косо, болталась на одной петле, оконные стекла — выбиты. Ветер шевелил какое-то подобие занавесок. Иохим открыл дверь и, не дрогнув, вошел в дом. В руке он держал лассо и готов был в любой момент его набросить. Все же не исключено было, что он мог наткнуться на какого-нибудь преступника.

Но дом, видимо, был пуст. Иохим неподвижно застыл на пороге, как вдруг ему почудилось, что он слышит чей-то голос. Он доносился из соседней комнаты. Иохим на цыпочках подкрался ко второй двери и заглянул в щелку. Посреди комнаты стояло поломанное кресло, а возле стены — шкаф, дверцы которого были приоткрыты. И тут из шкафа показалась вдруг крысиная морда.

— Привет,— сказал Иохим, весь подобравшись, ибо кто может знать, что случится через минуту.

— Добрый день, добрый день,— ответила, вылезая, крыса.

На вид она была очень старая: у нее остался всего лишь один зуб, а шерсть на боках облезла. «Со всей определенностью я могу утверждать, что эта дряхлая крыса настроена миролюбиво»,— подумал Иохим и сказал:

— Мне почудилось, что здесь кто-то разговаривал.

— Хи-хи,— рассмеялась крыса,— это же я. Поговорить не с кем. Ну вот я и разговариваю

сама с собой. Иногда я даже крупно ссорюсь сама с собой, к твоему сведению. Хи, хи, хи!

Иохим стал спрашивать у крысы: не принимала ли она недавно каких-нибудь гостей? Не крутился ли возле дома кто-либо подозрительный?

Крыса сказала, что два раза она видела на рассвете каких-то подозрительных типов, их было четверо, шли они по опушке леса. На них были черные плащи и даже маски!

Поблагодарив крысу за ценные сведения, детектив вышел. В лесу было душно. Иохим охотно бы снял с себя куртку, но под ней была клетчатая жилетка, а грибник в клетчатой жилетке выглядит нелепо!

Тропинка вела дальше в лес и становилась все у́же. В одном месте ее пересекал ручеек. Иохим осторожно перешел через него по шаткой узенькой досочке. На той стороне он увидел развороченный муравейник, а чуть поодаль на дорожке сидело ТРИСТА ТРИДЦАТЬ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЧЕТЫРЕСТА ДЕВЯНОСТО ШЕСТЬ МУРАВЬЕВ и все плакали навзрыд. Это из их слез образовался ручеек.

— Ты только посмотри, что они сделали с нашим муравейником! — воскликнули 332 496 муравьев в один голос.

Иохим произнес несколько утешительных слов и вдруг замер. Прямо возле муравейника были сложены крестом две веточки. Ну конечно, это же знак ИКС. Он напоминал огромного паука-крестовика!

— Скажите, пожалуйста,— вежливо спросил Иохим,— а давно ли здесь поставили этот знак?

— Это...— муравьи вытерли слезы и задумались,— мы этого никогда раньше не видели.

Теперь Иохим был убежден, что он на верном пути: таинственный злодей, или, вернее, злодеи, прошли здесь ночью.

Иохим уже значительно углубился в лес, который становился все гуще и мрачнее, и через час очутился перед высокой сосной, показавшейся ему чем-то знакомой. Обломанный сук, а под ним — дупло. Детектив понял, что уже видел эту сосну. Наверное, он сделал круг. А между тем был уже четвертый час дня. Пора возвращаться, ведь ему надо быть дома к шести.

На обратном пути он решил заглянуть в лачугу Клыка-Потрошителя. Кто знает, может, именно там он обнаружит...

Жилье старого волка было хорошо скрыто за густыми елями. Детектив приник ухом к стенке и стал слушать. Он услышал какой-то ритмично повторяющийся звук и сообразил, что Клык-Потрошитель качается в кресле-качалке. Иохим постучал.

— Входите, милости просим! — хрипло отозвался хозяин.

Детектив переступил порог и увидел Клыка-Потрошителя, который и в самом деле сидел в качалке. Кстати, он вовсе не выглядел грозным Потрошителем. На голове у него был вязаный ночной колпак, а на ногах мягкие шлепанцы с вышивкой. Волк вязал чулок спицами!

— Что за гость! — проворчал волк, не переставая работать.— А вы, часом, не сынишка старого сапожника?

— Ну да, конечно, я его сын!

— Я тоже в последнее время сделался ремесленником,— сказал Клык-Потрошитель, медленно поднимая чулок.

Этот чулок был удивительно длинным. Иохим даже глазами поморгал: не мерещится ли ему такая длина?

— Я начал вязать теплые чулки для всех лосят из нашего леса,— продолжал Клык-Потрошитель.— Зимой у них мерзнут ноги!

Иохим был глубоко тронут заботливостью бывшего разбойника. Теперь он знал, что Клык-Потрошитель — вполне порядочный волк и не имеет ничего общего с кражами и грабежами.

Глава одиннадцатая

Лис добрался до дома лишь в седьмом часу вечера. Гвидон сидел за письменным столом и рассеянно грыз карандаш.

— Уф, какие труды приходится взваливать нам на свои плечи! — устало проговорил Иохим, валясь в кресло для клиентов.

— Невероятно мучительный день,— признался Гвидон, продолжая жевать карандашик.

— Есть важные наблюдения? — спросил Иохим.

— Почти никаких,— ответил Гвидон.— День прошел без событий. Сараюшки, которые были когда-то притонами, почти пусты. Только один старый кот там шляется. Его зовут Жоржик. Ну а Жанетты Кис-Кис нету. По-видимому, она переселилась куда-то на юг. Так предполагает старикан Жоржик.

— Ах, вот как, стало быть, Жоржик вновь в нашем городе! Впрочем, мне думается, мы не должны его подозревать. Он, правда, бродяга, но абсолютно добропорядочный бродяга!

— В Северном Лесу,— продолжал далее Гвидон,— никаких следов. Необычайно бедный следами лес.

Иохим поделился своими планами на вечер. И этой ночью нужно будет вести наблюдение за домом Бонифация-Барсука: Гвидон снова переоденется кустом сирени, а Иохим будет подкарауливать преступников внутри лавки. Теперь он будет переодет бочкой с селедками.

— Великолепная мысль! — воскликнул Гвидон.

Около восьми вечера в лавке Бонифация-Барсука можно было видеть стоящую в углу бочку сельди. Она имела самый обыкновенный вид, но в ней сидел хитроумный лис!

Иохим выпилил дырки для рук и ног и две дырочки на уровне глаз, чтобы смотреть. Рядом с бочкой лежало свернутое лассо, которым Иохим мог воспользоваться в любое мгновение.

«Бочка» в основном неподвижно стояла в своем углу. Но время от времени она прохаживалась по магазину и заглядывала за прилавок или в контору. Минуло уже два часа, но в лавке ничего подозрительного не происходило.

Семейство Барсуков ложилось спать в половине девятого, а сейчас во всем доме не было слышно ни звука. Но ровно без двадцати одиннадцать в конторе послышались тихие, крадущиеся шаги. Иохим увидел, как медленно, еле-еле раскрывается дверь, ведущая в магазин. Лис затаил дыхание.

Наконец в двери кто-то показался. Несмотря на полумрак, Иохим разглядел, что этот тип, появившийся в лавке, был одет в плащ и что лицо его полностью скрывала черная маска.

Детектив дрожал от нетерпения, но все так же сидел в своей бочке, чтобы раньше времени не спугнуть вора. Иохим видел, как грабитель подобрался к кассе, как открыл ключом ящичек и выгреб оттуда все деньги. Затем злодей запер ящичек и начал складывать в мешок продукты. Он сунул

туда сыр и пачку овсяных хлопьев. Снял с крюка под потолком круг колбасы...

У Иохима теперь было достаточно улик, изобличающих грабителя. С быстротой молнии он сунул руку в дырку, схватил лассо и метнул его через всю комнату. Петля пролетела лишь в нескольких миллиметрах от злодея. Вор, подхватив мешок, кинулся к окну. Раздался удар, со звоном посыпались стекла.

Мгновение спустя в окно выскочил Иохим. Он видел, как преступник убегал через сад по направлению к Малой улице.

Детектив крикнул Гвидону, и тот присоединился к погоне. Впереди бежал одетый в черное грабитель, за ним — «селедочная бочка», а чуть позади — «куст сирени».

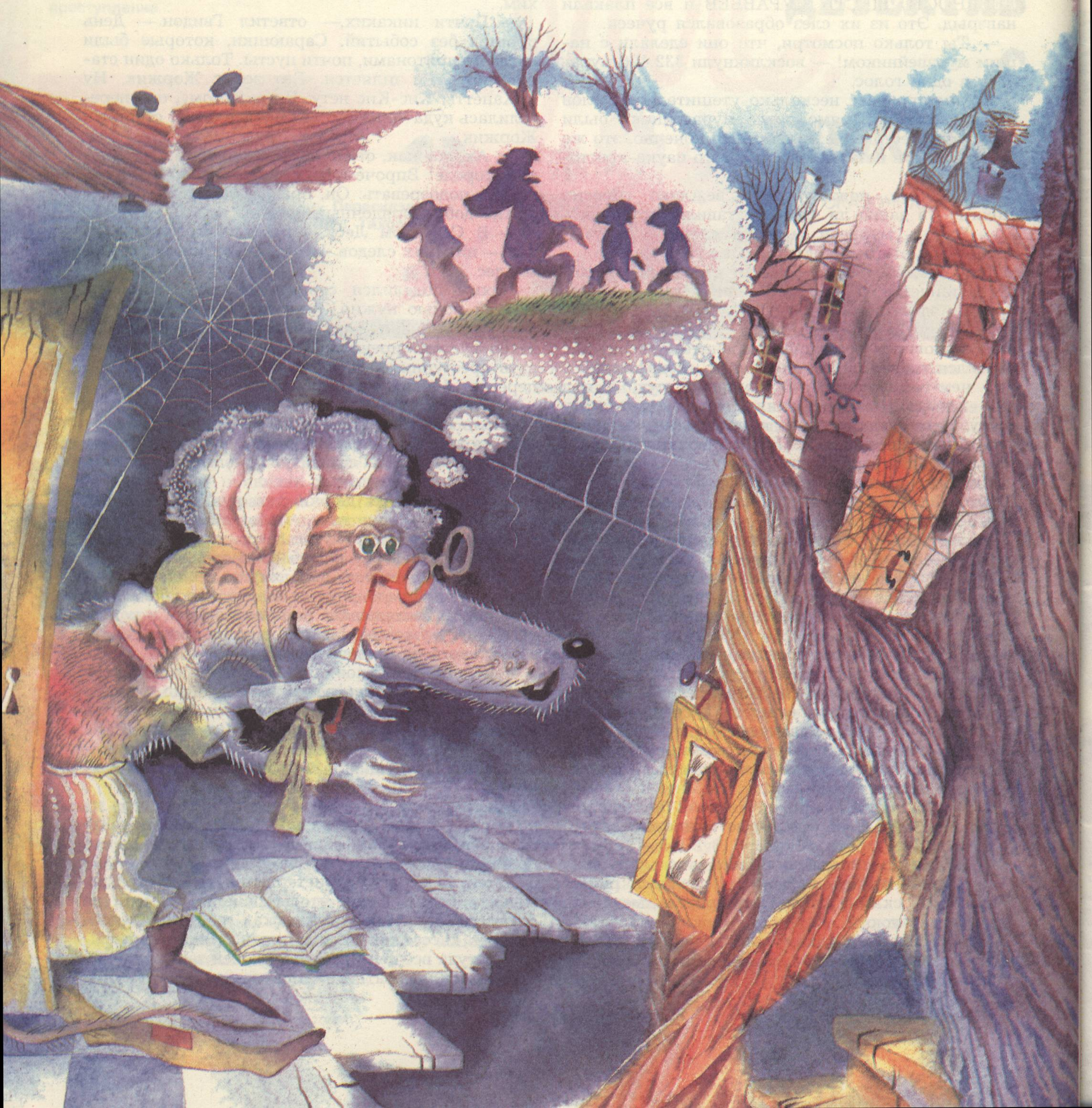
Преступник бежал тяжело, и Иохим был уверен, что скоро догонит его. Но вдруг вор юркнул в сторону и скрылся в Узком переулке. А переулок этот был настолько узок, что некоторые жители Елсо (те, у которых было брюшко) предпочитали обходить его стороной, чтобы не застрять между стенами.

Разбойник кое-как пролез, а вот «бочка из-под селедки» засела основательно. Иохим догадался выскочить из нее, и бежать ему стало гораздо легче.

Но преступник выиграл много времени и мчался уже по Большой улице. Когда же Иохим вот-вот должен был его настичь, вор нырнул в Крученый переулок. Это был такой извилистый переулок, что он сам с собой несколько раз перекрещивался.

Говорили, что в его изгибах можно было наткнуться на самого себя.

Погоня продолжалась. У Иохима от бега по этому переулку закружилась голова. Ему показалось, что дома крутятся вокруг него, как на кару-

сели. Гвидону стало плохо, он опустился на край тротуара.

Разбойник тоже, видимо, ошалел от бесконечных поворотов и в конце концов опять выскочил на Большую улицу. Следом за ним свернул и детектив. Иохим увидел, что преступник бежал сначала прямо, а потом махнул в Тихий переулок. Там всегда была такая тишина, что даже еле слышный шепот звучал, как громкий крик. Теперь между стенами домов гремело эхо: вор и детектив припустили по переулку во все лопатки.

Иохим напряг все силы, и расстояние между ним и преследуемым стало понемногу сокращаться. Они пробегали как раз мимо кинотеатра, когда злодей вдруг бросился к вращающейся двери и скрылся в темном зале.

Глава двенадцатая

Иохим-Лис кинулся за преступником во тьму кинозала, который был набит зрителями до отказа.

Большинство смотрело фильм с интересом, но кое-кто и дремал. С правой стороны последнего ряда доносилось легкое похрапыванье. Вне всякого сомнения, это был Тим-Енот.

Иохима заботило только одно: как бы не упустить из вида преступника. То есть он заботился об этом до тех пор, пока не разобрался, что происходит на экране. А на экране происходило много всего интересного. Детектив плюхнулся в свободное кресло и уже не спускал с экрана глаз.

Но наконец-то фильм окончился. Зажгли свет, зрители стали продвигаться к выходу.

За те несколько минут, что продолжался фильм, Иохим совершенно забыл о погоне. Теперь он быстро огляделся и понял, что грабителя среди выходящих из кино нет. Наверно, он только пробежал через зал и улизнул через запасной выход.

Перед кинотеатром преступника не было тоже. Ну, конечно, ведь не стал бы он ждать, пока его схватят. Бормоча проклятия в собственный адрес, Иохим пошел по Малой улице к лавке Бонифация-Барсука. «Если бы у этого грабителя была хоть капля здравого смысла, он непременно остался в зале, чтобы посмотреть такой увлекательный фильм!» — размышлял Иохим.

Семейство Барсуков шныряло по дому в ночных рубашках. Все проснулись, когда грабитель выскочил в окно. На верху лестницы стояли, держась за руки, Линус и Лина, немножечко испуганные, но полные любопытства.

— Я совершенно разорен! — причитал Бонифаций.— Теперь уже и вся выручка из кассы. Хуже всего, что исчезли ключи от несгораемого шкафа. Они были в кассе. Вам следует знать, господин Лис, что в этом несгораемом шкафу хранятся сокровища. Брошки с прелестными голубыми камушками, булавки к галстукам из почти настоящего золота.

— Идите спать,— решительно проговорил детектив.— У меня есть предчувствие, что тайна скоро разрешится.

Он проследил, чтобы все легли в постель, и прикрыв одеялом барсучат, вернулся к себе домой.

По давней привычке он заглянул в висящий на сосне перед домом ящик для писем и газет. Обычно он бывал пустым, но сегодня!.. Иохим извлек из него маленький розовенький конвертик. Всякий был бы приятно удивлен, неожиданно получив розовое письмецо. Уголки губ Иохима растянулись до самых ушей!

Он вошел в дом и вскрыл письмо. Когда же он кончил читать, то схватился за голову и завопил:

— Ай-яй-яй, конца не будет этим несчастьям!

Затем он сел в кресло для гостей и вскоре заснул.

Глава тринадцатая

Утром он еще раз перечитал розовое письмецо: «Милый Иохим! Постарайся быть дома, потому что утром я приеду. Сердечные поздравления от тетки Амалии».

Детектив вздохнул, отложил письмо.

Тетка Амалия порой бывала одной из милейших на свете теток. Но в следующее же мгновение она могла оказаться чрезвычайно сердитой или

даже разгневанной. Дважды в год она навещала Иохима и оставалась у него на неделю.

В каждый свой приезд она приносила ему в подарок горшочек с кактусом. Она убедила себя, что Иохим безумно любит комнатные растения в горшочках. Со временем у него в доме набралось столько кактусов, что они уже не умещались на подоконнике. Несколько горшков Иохим вынужден был поставить в кладовке, несколько — под кровать, а один кактус держал на печке.

Кроме того, тетка Амалия была одной из самых глухих теток на свете. Правда, не так давно она завела себе слуховой рожок.

И вдруг в глаза Иохиму бросилась маленькая записка, приколотая к столу кнопкой. На ней было написано:

«КТО ШПИОНИТ И ВМЕШИВАЕТСЯ НЕ В СВОИ ДЕЛА, ТОТ ПЛОХО КОНЧИТ — СВИСТЯЩИЙ ИКС».

Детектив почувствовал, что ноги у него подгибаются. Свистящий Икс, самый опасный преступник на всем свете!

Иохиму вспомнилось, что он читал в газетах об этом разбойнике. Никто и никогда его не видел. Не было ни замка, ни засова, которые бы не открылись, когда являлся Свистящий Икс. И он не оставлял никаких следов. Всегда только на месте преступления появлялся маленький знак ИКС. Знак, который поразительно был похож на злорадного паучка!

Но на протяжении последних лет в газетах не сообщалось ни слова о Свистящем Иксе. Все пред-

полагали, что он уехал навсегда или попросту его нет в живых. Поэтому не было ничего удивительного, что в связи с кражами в Елсо никому и в голову не пришло подумать о Свистящем Иксе.

Стоя с открыткой в руке, Иохим дрожал всем телом. Этот самый ужасный из всех преступников прославился также и своей беспощадностью.

Кто-то постучался в дверь. Лис сразу догадался, что прибыла тетка Амалия. Она всегда стучалась ручкой зонтика.

Теперь она стояла на пороге и, улыбаясь, говорила:

— Ну вот, я снова здесь, милый Иохим!

В одной руке у нее был слуховой рожок, похожий на большую лейку. В другой — сумка и зонтик.

Она никогда не решалась выйти из дому без зонтика. Если погода была хорошая, зонтик можно было употребить для тысячи других дел, например, для того, чтобы стучать в дверь. На голове у тетки Амалии была шляпа, потрясающе похожая на кактус.

— А у меня для тебя небольшой сюрприз,— продолжала она, извлекая из сумки пакет.— Ты так любишь комнатные растения...

Иохим поблагодарил, открыл пакет и поставил на письменный стол очередной кактус. Он хотел было спросить, как тетушка себя чувствует, но не успел и рта раскрыть, потому что тетку Амалию вдруг словно прорвало:

— Что с тобой, Иохим, ты случайно не болен? Ты такой бледный. Скорей говори, что с тобой творится!

— Ничего, милая тетя,— сказал Иохим. Но он ощущал, что и впрямь его немножко трясет, а подумав о письме с угрозами, добавил:— Ты права, мне чуть-чуть нездоровится.

— Только не выкручивайся, Иохим,— предупредила тетка Амалия.— Немедленно — в постель! Старая тетка прекрасно видит, что с тобой делается.

Протесты детектива ни к чему не привели. Он мигом оказался в постели.

— Лежи спокойно, а я тебе приготовлю горячее питье — кипяток с медом! — сказала Амалия и стала возиться у плиты.

Иохим лежал, ерзая и ворочаясь. Тетка Амалия могла ему очень навредить, раз начала свое врачевание. И это теперь, когда у него столько работы! Только бы Гвидон засветло явился домой. Было похоже на то, что секретарь всю ночь провел в поисках.

И вот именно тогда, когда Иохим подумал об этом, скрипнула дверь, и «кустик сирени» переступил порог.

— Тсс! — сказал Иохим, приложив палец ко рту.

— Необыкновенно успешная ночь,— шепнул белый «кустик».

Иохим очень хотел знать, что сообщит Гвидон дальше. Однако прежде всего он в нескольких словах рассказал секретарю о тетке. Потом детектив вылез из постели и, схватив одежду, выскочил через окно. Гвидон поспешил за ним по пятам.

— Быстрей! — шепнул Иохим и побежал в лес.

Они забрались под густую ель, где Иохим оделся. После этого Гвидон начал рассказывать о своих новостях.

Накануне вечером, когда гнались за преступни-

ком, Гвидон, если вы помните, присел на тротуаре в Крученом переулке. Через минуту слабость прошла, и Гвидон побежал в сторону кинотеатра. А там его чуть не сбил с ног преступник, который выскочил через запасной выход и направился прямо в Южный Лес. Оказавшись среди деревьев, разбойник немного сбавил темп и вскоре выбрался на тропинку.

Примерно час Гвидон брел по пятам преступника, когда тот вдруг внезапно исчез. Как сквозь землю провалился. Но немного поискав, Гвидон обнаружил отверстие, хорошо укрытое за раскидистой елью. Он залез в отверстие, сделал шагов двадцать по коридору и оказался перед пещерой. И тут он услышал звуки трех голосов, которые доносились из глубины.

Затем он повернул домой, но на обратном пути почувствовал себя до того измученным, что лег под дерево и заснул.

— Я тоже сделал одно открытие,— потер руки Иохим.— Мне удалось узнать, кто такой этот таинственный разбойник.

— Кто? — встрепенулся Гвидон.

— Спокойно! Считай до трех.

— Не могу.

— Свистящий Икс! — воскликнул Иохим.

— Свистящий Икс?! Это совершенно невозможно!

— Но мы не позволим ему запугать нас,— заявил Иохим.— И рассказал о том, как они будут теперь действовать.

Глава четырнадцатая

Уже через несколько минут в доме Бонифация-Барсука началась подготовка к хитроумной операции. Мадам Барсучиха разыскала на чердаке кучу старой одежды. Гвидон натянул на себя лохмотья, в которых легко мог сойти за обыкновенного бродягу. На ногах его красовались совершенно развалившиеся сандалеты, а пиджак и штаны были драные и в пятнах. На голову он натянул мятую поношенную кепку. Теперь уже невозможно было узнать в нем всегда аккуратного и чистенького Гвидона-Горностая.

Хорош был и дипломированный детектив Иохим-Лис. На одну ногу он напялил дырявую калошу, на другую — ящичек из-под сигар. Зеленые брюки и пиджак были испещрены латками всевозможных расцветок. А на голову он нахлобучил шляпу, позаимствованную у огородного пугала.

— Ну, вот мы и готовы,— сказал Иохим, прихорашиваясь перед зеркалом.

— Только бы ничего не случилось,— дрожащим голосом проговорила мадам Барсучиха.

Лина и Линус о чем-то шептались в уголке. Вид у них был весьма таинственный.

А еще через пятнадцать минут можно было увидеть двух бродяг, удаляющихся из города в сторону Южного Леса.

План Иохима отличался смелостью и простотой: детективы приходят в пещеру к грабителям и нанимаются их помощниками. Это не должно вызвать никаких подозрений. Чего уж тут такого! Бродяги хотят немножко подработать — вот и все.

Примерно в полдень Иохим и Гвидон стояли у входа в пещеру. После минутного колебания Иохим твердо заявил:

— Все будет хорошо, если только мы убедительно сыграем свои роли.

Он проверил, по-прежнему ли лассо лежит на своем месте, под пиджаком. У Гвидона тоже было спрятано маленькое лассо.

Затем два детектива нырнули за густую елку. Сперва они попали в темный коридор, который вывел их к большому гроту, освещенному восковой свечкой. Вокруг огонька сидели на ящиках три разбойника. Они мигом вскочили, услышав шаги в коридоре.

— Что вам тут надо? — грозно рявкнул один из разбойников.

Это был... Клык-Потрошитель. Рядом с ним стояли два чужестранца — полосатые шакалы. Иохим сразу узнал в них заезжих разбойников международного класса. Он где-то читал об их дерзком побеге из тюрьмы и о том, что этих шакалов разыскивает полиция всех стран. На лицах у всех троих были черные маски.

— Да вот ищем какую-нибудь работенку,— сказал Иохим.— Мы временно оказались не у дел.

— Невероятно, но факт,— добавил Гвидон грубым голосом.

— Ррр-врр,— заворчал Клык-

Потрошитель, угрожающе надвигаясь. Он оглядел двух бродяг крайне подозрительным взором.

— Не беспокойтесь. Мы разбойничьему делу хорошо обучены,— заверил Иохим.

Обойдя их два раза кругом, волк вроде бы проникся доверием. К бродяжьему наряду детективов нельзя было придраться, а ведь по одежде встречают!

— Вообще-то нам нужна еще пара разбойничков,— произнес Клык-Потрошитель,— но только не воображайте, что прямо так, с ходу, вас примут в шайку. Сначала Шеф к вам приглядится, а потом вы будете проходить проверку.

Иохим хотел получше рассмотреть пещеру, но из этого ничего не вышло. Как только он делал шаг, за спиной его оказывался один из бдительных разбойников.

— Перекинемся в картишки,— предложил Клык-Потрошитель, потряхивая колодой карт.— Играем в «Черного Питера».

Детективы вынуждены были присоединиться. Волк раздал карты. Но вся колода была настолько черна, что приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть, что же именно ты вытянул: трубочиста, пекаря или самого Черного Питера.

Язычок пламени освещал маски разбойников, склонившихся над картами. Изредка кто-нибудь произносил крепкое словечко.

Но вот настала очередь Иохиму тащить карту у шакала, сидящего от него по левую руку. Вытянулись сразу две карты. Иохим и в мыслях ничего такого не имел, просто они слиплись от грязи. Шакал бросил карты и закричал:

— Ах ты, жулик! Да знаешь ли ты, с кем сел играть?!

— Я сразу понял,— вмешался второй полосатый шакал,— что этим типчикам доверять нельзя. В клетку их!

Не успев и глазом моргнуть, Иохим с Гвидоном очутились в запертой клетке в темном углу пещеры. Мало того, разбойники крепко-накрепко связали их по рукам и ногам!

Глава пятнадцатая

— М-да, ну и влипли же мы,— заметил Иохим.

— Невероятно, но факт,— подтвердил Гвидон.

А трое разбойников продолжали игру.

Вдруг они вскочили, как будто их ужалила оса. Воцарилась полная тишина. Только пламя воскового огарка беспокойно вздрагивало. В узком проходе, ведущем в пещеру, послышались чьи-то осторожные шаги. Это приближался Шеф! Свистящий Икс медленно выступал из мрака. Иохим и Гвидон затаили дыхание. Они узнали таинственную личность в черной пелерине. Кепка была надвинута почти на самые глаза. Лицо прикрывала маска. Ну, конечно, это был тот преступник, за которым они вчера гнались через весь город.

— Все в порядке? — тихо спросил Свистящий Икс.

— В порядке, Шеф,— отозвался Клык-Потрошитель.— Мы посадили в клетку двух сомнительных типов. Они уверяли, что ищут работу. Но нам они сразу показались подозрительными. Мошенничали в игре, а прикидываются невинными младенцами!

Шеф не спеша подошел к клетке, взглянул на «бродяг», затем вернулся к группе, собравшейся вокруг свечи.

Разбойники начали обсуждать свои планы на ночь. Свистящий Икс говорил тихо. Иохим и Гвидон не смогли разобрать ни одного слова. Однако голос главаря показался Иохиму знакомым. Где-то он уже слышал его. Вот только — где?! Шеф говорил шепеляво, с присвистом, и голос у него был пренеприятный.

Но вот бандиты стали говорить громче, и хитроумный лис навострил уши. Теперь ему уже было все известно о намерениях воровской шайки.

Этой ночью они собирались совершить новый грабеж. Свистящий Икс сообщил, что достал ключи от несгораемого шкафа. Настал черед освободить этот шкаф от всего того, что там содержалось.

Иохим пытался незаметно перетереть веревку, которой он был связан.

— Ровно в пять я буду там, где всегда,— закончил Свистящий Икс.— Нападение тоже в обычное время.— И, обращаясь к волку, он добавил:— Ты отправишься со мной и подождешь на опушке леса у Дома с привидениями. Это на тот случай, если случится что-нибудь непредвиденное. А вы,— он посмотрел в сторону шакалов,— останетесь здесь стеречь пленных.

Два разбойника исчезли в узком коридоре.

Иохим и Гвидон теребили свои веревки. «Свистящий Икс сказал, что нападение произойдет в обычное время,— думал Иохим.— Неужели это произойдет в без двадцати одиннадцать?»

Детективы вспотели от усилий, но все было тщетным: веревки лишь еще глубже впивались в руки и ноги. А разбойники вновь принялись играть в «Черного Питера».

Вдруг в узком проходе вновь послышались шаги, и вскоре чья-то фигура вынырнула на свет.

Иохим и Гвидон вскрикнули от изумления. Это была тетка Амалия. В одной руке она держала зонтик, в другой — гигантский слуховой рожок. Сразу видно было, что тетка находилась в прескверном настроении. Сейчас она, несомненно, была самой разгневанной теткой на всем белом свете. Она прошипела:

— Что вы сделали с моим племянником?

— А, эта старая карга приходится теткой одному из этих жуликов,— проговорил полосатый шакал.

— В клетку ее! — воскликнул его приятель.

Но, прежде чем они успели двинуться с места, тетка Амалия приступила к действиям. Зонтик ее взметнулся в воздух, и один разбойник сразу упал наземь. В ту же минуту второй получил удар слуховым рожком. Только теперь тетка Амалия заметила клетку. Она подошла к ней быстрыми шагами и, вцепившись яростным взором в Иохима, крикнула:

— Хотела бы я знать, разве так следует обращаться со старой теткой? Взрослый мужчина,

Рисунки И. ПАНКОВА.

а убегает с постели, хотя и болен. Именно тогда, когда я ему приготовила кипяток с медом!

— Может, ты нас все-таки освободишь? — сказал Иохим, когда тетка несколько поостыла.

Но он сразу же понял, что просьба его была бессмысленна, потому что тетка Амалия ничего не слышит, пока не приставит рожок к уху. А еще он заметил, что один из разбойников очнулся и, схватив веревку, висевшую на стене пещеры, начал подкрадываться к тетке Амалии. Детективы закричали изо всех сил, но напрасно: тетка Амалия ничего не услышала.

Минуту спустя она была побеждена и связана по рукам и ногам. Затем ее бросили в клетку.

Глава шестнадцатая

Был уже одиннадцатый час. Два шакала все еще резались в карты. Восковая свечка бросала призрачный свет на их разбойничьи маски. Иохим обливался холодным потом, когда глядел на будильник, висящий на стене пещеры. Пройдет еще самое большее полчаса, и несгораемый шкаф Бонифация будет очищен окончательно.

И тут внезапно удивительный звук проник в пещеру. Детектив и его секретарь насторожились. Замерли на месте и оба разбойника. Только тетка Амалия ничего не слышала без своего рожка.

Странный звук повторился. Он напоминал крик совы, но не совсем. Все сидели в тишине и размышляли, какой же именно зверь или птица может издавать подобные звуки.

Один из шакалов даже вышел, чтобы посмотреть на таинственное существо. Удивительный звук все еще доносился, но более глухо, как бы издалека. Не выдержал и второй разбойник и тоже пошел взглянуть на диковинного зверя.

Обоих шакалов довольно долго не было, а восковой огарок уже угасал. Вдруг детективы услышали крадущиеся шаги. И кто же появился? Подумать только, это был маленький Линус-Барсук!

Он быстро подбежал к клетке. Вынул перочинный ножик и через решетку перерезал веревки, которыми был связан Иохим. Потом Иохим взял ножик и освободил остальных. Линус вытащил из рукава напильник и подал его Гвидону:

— Возьмите, а я поищу ключи.

Но найти ключи не удалось: бандиты носили их при себе.

Теперь нужно было как можно скорее перепилить замок. Гвидон работал с быстротой вихря, железные опилки так и летели из-под напильника. Когда же Гвидон устал, его сменил Иохим. Наконец замок поддался, и узники вырвались из клетки. В ту же самую минуту в пещеру вернулись разбойники.

И тут погасла свечка. Иохим что было сил крикнул:

— Вперед! Бегом!

На этот раз услышала даже тетка Амалия.

Пленники бросились к выходу и, выбравшись из пещеры, скрылись в лесу. Иохим и маленький барсук бежали рядом, и по дороге Линус рассказывал, как он и Лина выманили полосатых шакалов в поле.

Оказывается, брат и сестренка пошли по пятам за детективами, когда те, переодетые бродягами, отправились в пещеру.

Барсучата спрятались неподалеку от входа в пещеру и, сообразив, что Иохим и Гвидон попали в плен, стали издавать вот эти самые удивительные крики. Когда шакалы вышли, Лина начала отходить все глубже в лес. Разбойники, охваченные любопытством, двинулись за ней. Теперь Лина, должно быть, уже на пути к дому.

— Вы действовали отважно! — похвалил барсучат Иохим.— Ну, а сейчас успех дела зависит от быстроты.— И он помчался с такой скоростью, что от него тут же все отстали.

Но, когда Иохим достиг лавки Бонифация-Барсука, Свистящий Икс его увидел. Преступник сделал то же самое, что накануне: выскочил в окно, только осколки стекла посыпались со звоном. Детектив заметил, что на спине у беглеца болтался туго набитый мешок. Стало быть, Иохим уже опоздал.

В два прыжка он одолел ступеньки, ведущие в квартиру Барсуков. Бонифаций и мадам Бибианна бестолково топтались на месте и никак не могли прийти в себя после сна. Иохим в нескольких словах объяснил им, что произошло.

— Сейчас я начну преследование грабителя, а вы, господин Барсук, побежите вслед за мной с подкреплением. Я прошу вас собрать как можно больше народу. Гвидон покажет дорогу.— И детектив сбежал с лестницы.

Глава семнадцатая

Когда Гвидон, Линус и тетка Амалия добрались до города, они наткнулись на большую толпу. Были в ней старый часовщик Тим-Енот и три его подмастерья, был кузен Амвросий, насвистывающий грустную мелодию, и, наконец, портной Игл-Еж со своими шестьюдесятью тремя родичами. Как раз так получилось, что Игл-Еж отмечал свой день рождения, и родичи прибыли к нему изо всех концов страны.

Бонифаций-Барсук и мадам Барсучиха стояли во главе этой толпы. Здесь же была и Лина, которая только что потихоньку выбралась из лесу.

Гвидон-Горностай принял командование военными силами и теперь вышагивал впереди, размахивая тросточкой с серебряным набалдашником, будто маршальским жезлом. Рядом с ним шел Линус. За ним — четыре енота и Игл-Еж с шестьюдесятью тремя родичами. Замыкали шествие Бонифаций, мадам Бибианна-Барсучиха и Лина.

В лесу было темновато, но Гвидон уже отлично знал дорогу, и войско продвигалось без задержек. Некоторые ежи даже поговаривали, что идут уж слишком резво. Им было тяжело идти, потому что они объелись именинным тортом. У входа в пещеру всех встретил Иохим. Он взобрался на утес и сказал:

— Преступники засели внутри. Но с такой грозной силой, как у нас, можно ворваться туда и одолеть их. В пещеру пойдут со мной Гвидон-Горностай, кузен Амвросий, Тим-Енот и трое его подмастерьев, Бонифаций-Барсук и половина ежей. Мадам Барсучиха, тетка Амалия и дети останутся здесь.

— Я тоже хочу с вами,— сказала тетка Амалия, грозно взмахнув зонтиком.

— Да, да,— ответил Иохим, зная наперед, что протестовать не имеет смысла. И продолжал:— Не исключено, что разбойники попытаются улизнуть из пещеры, как только мы туда ворвемся. Чтобы помешать этому, Игл-Еж и другая половина ежей соорудят колючее заграждение перед входом. Хотел бы я видеть бандита, который прорвется сквозь такое заграждение!

Крадучись, Иохим и Гвидон подползли к отверстию пещеры. Оттуда не доносилось ни звука. Но когда Иохим всунул голову в коридор, пробитый в скале, то получил такой удар по макушке, что тут же, кувыркнувшись, упал на землю! То же случилось и с Гвидоном, который шел вслед за ним.

Разбойники поставили в коридоре охрану, и когда кто-нибудь пробовал сунуть туда голову, градом сыпались удары.

В конце концов Иохиму пришлось отвести назад свои грозные силы. Он оставил только колючий заслон из ежей, чтобы преступники не имели возможности выбраться из грота.

Затем был созван срочный военный совет. Гвидон взмахнул своей серебряной тросточкой:

— У меня есть интересная мысль: я пойду в разведку. Никто не возражает?

Глава восемнадцатая

Верный секретарь Иохима сбегал на другую сторону холма, но не обнаружил ничего достойного внимания. Он уже собирался было вернуться, как вдруг оступился на крутом склоне. Съехав вниз, он увидел, что оказался у тщательно замаскированного ветками отверстия.

Гвидон шмыгнул в обнаруженную дыру. Коридор, пробитый в скале, несколько раз менял направление, но все же Гвидон заметил впереди неяркий свет. Когда он еще приблизился, увидел мигающее пламя восковой свечи, поставленной на ящик. Тут же он приметил и двух разбойников, которые по горло были заняты какой-то работой. Чуть поодаль стоял третий бандит и приглядывал за теми двумя.

Стало быть, Гвидон наткнулся на запасной выход из грота. Но прежде чем вернуться к своим, он еще продвинулся вперед, чтобы увидеть, что там делают разбойники.

Вскоре он убедился, что они паковали свои мешки и чемоданы. А тот, который только стоял и смотрел на всю эту суматоху, был сам Свистящий Икс. Вот он нетерпеливо сказал:

— Когда вы наконец упакуетесь?! Через десять минут мы должны убраться отсюда. Они могут в любой момент найти запасной выход, и тогда мы окажемся в ловушке!

Гвидон с быстротой вихря помчался назад к Иохиму и рассказал о своем открытии.

— Превосходно! — воскликнул Иохим и тут же стал излагать свой план.— Гвидон и я подкрадемся к бандитам с тыла и схватим их с помощью лассо. Бонифаций-Барсук и Тим-Енот со своими подмастерьями пойдут с нами как подкрепление. А кузен Амвросий и все остальные совершат так называемую обманную атаку на основной вход в пещеру. Вы должны шуметь и кричать, чтобы отвлечь на себя внимание разбойников.

Гвидон тут же повел небольшую группу к запасному выходу.

Бесшумно, шаг за шагом, все приближались к огоньку. Зато у другого выхода вскоре послышался страшный визг. Это кузен Амвросий вместе с ежами разыгрывал обманную атаку.

В свете огонька видны были три разбойника. Все их внимание теперь было приковано к главному входу. Иохим дал знак Гвидону, чтобы тот приготовился.

И вот петля брошенного лассо свистнула в воздухе. На сей раз Иохим прицелился отлично. Когда он затягивал петлю, в ней барахтались два разбойника. Гвидон поймал еще одного, это был сам Свистящий Икс!

Четвертому грабителю, тому, который стоял на страже в узком коридоре, удалось выбраться наружу. Правда, он проник только до колючего ограждения, устроенного ежами, и вынужден был отступить. Хромая, он вернулся и сдался в плен.

Разбойники были связаны и посажены в клетку.

Вместо распиленного замка Иохим повесил новый, который достал из своего бездонного кармана.

Глава девятнадцатая

Минутой позже все собрались в пещере. Тим-Енот, как только сел, тотчас же заснул. Тетка Амалия проверяла состояние своего зонтика, пострадавшего во время сражения.

Иохим и Гвидон все еще были в бродяжьих костюмах. Лис протер свое огромное увеличительное стекло обтрепанным рукавом и, обращаясь к запертым в клетке, сказал:

— Ну, господа хорошие, пора показать свои лица!

А так как злодеи были связаны по рукам и ногам, ему самому пришлось войти в клетку и снимать с них маски. И вот дошла очередь до Свистящего Икса. Иохим резким движением сорвал с преступника маску... Все ахнули от изумления!

Под маской Свистящего Икса скрывался ни кто иной, как... Ромуальд-Россомаха! Вид у него был теперь еще более угодливый, чем обычно!

Иохим еще раз протер увеличительное стекло, а потом начал рассказывать:

— Уже первая встреча с этим господином в доме почтенных Барсуков произвела на меня крайне неприятное впечатление. Но белоснежный крахмальный воротничок и образцово завязанный галстук сбили меня с толку. Преступника совершенно невозможно было отличить от обычного чиновника Королевского Управления По Учету Сосновых Иголок!

Все согласно кивнули.

— Теперь-то вы понимаете, как могли произойти взломы, совершенные без единого следа? Свистящий Икс все это время жил у господина Барсука, в мансарде. Ему стоило только подкараулить вечером момент, когда уважаемое семейство пойдет спать. А затем он мог беспрепятственно передвигаться по дому. Воровскую добычу он забирал в мансарду, а рано утром уносил в портфеле в пещеру. Каждое утро мы видели его идущим на службу...

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

сен, сидя в своей каморке, снятой на последние

— Потрясающе ловко! — вставил Гвидон.

— Уже когда я получил это письмецо,— продолжал Иохим, показывая грозное послание Свистящего Икса,— я заподозрил, что у Ромуальда-Россомахи есть кое-что общее с наиопаснейшим преступником. В самом деле, любой мог заметить, что он произносит «эс» с присвистом. Ну что ж, тогда эта мысль показалась мне чересчур удивительной, чтобы в нее поверить. Но когда мы с Гвидоном, сидя в клетке, услышали его голос, я все понял!.. А теперь посмотрим, что находится в чемоданах грабителей.— И он открыл первый чемодан.

Все увидели, как детектив достал оттуда банку малинового варенья. Потом другую. В конце концов все десять банок стояли рядышком. Последняя банка была наполовину пуста.

— Мое варенье! — воскликнула сияющая мадам Барсучиха.

Иохим открыл второй чемодан. Он извлек оттуда два круга колбасы, три окорока, а напоследок — головку сыра. Все могли убедиться в том, что это был настоящий швейцарский сыр.

— Мой швейцарский сырочек!! — обрадовался господин Барсук, нежно прижимая сыр к груди.

Иохим раскрыл третий чемодан. Он был набит брошками с голубыми камушками, булавками для галстуков из почти чистого золота, хрустальными перстеньками.

Последний чемодан был настолько мал, что меньше и вообразить нельзя! Когда Иохим поднимал крышку, из чемоданчика выскочил котенок.

— Глядите, глядите, это же Кэти! — закричали барсучата.

— Да, трудный был вечерок,— сказал Бонифаций,— и я думаю, что неплохо бы нам закусить ветчинкой, колбасой и сыром!

Приглашение было принято всеми охотно. Из пустых ящиков сделали стол, и все с аппетитом набросились на еду.

— Необыкновенно вкусная колбаса,— заметил Гвидон-Горностай, отрезая себе толстый ломтик.

— А как вы находите сыр? — спросил Бонифаций-Барсук.

— Изумительный, преотличный,— отозвался Иохим, а тетка Амалия в подтверждение его слов кивнула головой.

После пира через Южный Лес двинулась необычайная процессия. Впереди шли четыре разбойника. Они были крепко связаны и их бдительно охраняли. Особенно Свистящего Икса!

Опаснейший в мире преступник был обезврежен. И сделал это Иохим-Лис, дипломированный детектив!

КОНЕЦ

И тут погасла свечка. Иохим что было сил крикнул:

— Вперед! Бегом!

На этот раз услышала даже тетка Амалия.

Пленники бросились к выходу и, выбравшись из пещеры, скрылись в лесу. Иохим и маленький барсук бежали рядом, и по дороге Линус рассказывал, как он и Лина выманили полосатых шакалов в поле.

Оказывается, брат и сестренка пошли по пятам за детективами, когда те, переодетые бродягами, отправились в пещеру.

Барсучата спрятались неподалеку от входа в пещеру и, сообразив, что Иохим и Гвидон попали в плен, стали издавать вот эти самые удивительные

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Николай ГОЛЬ

Ханс Кристиан Андерсен очень любил путешествовать. А для этого в те времена, полтора века назад, нужны были отменное здоровье и крепкие сапоги. И то, и другое было у него не всегда. А вернее говоря, ни того, ни другого почти никогда у него не было. Но он все равно путешествовал.

Ханс Кристиан Андерсен отправляется в странствие. Из Дании по Германии катится экипаж. Чудятся в Хансе попутчикам необъяснимые странности. Лежат носки в саквояже. Рядом стихи лежат.

Ханс Кристиан Андресен подходит к дверям гостиницы. Дарит детям гостиницы. Всю ночь не спит до утра. Высохшая чернильница. Сказка на дне чернильницы, на дне казенной чернильницы, на кончике пера.

В сказках бывает разное: есть обжоры и пьяницы, не зря торопится сказочник, едет и день и ночь; принц идет в свинопасы, пастушка в принцессы тянется, вот солдат заблудился... Каждому надо помочь!

Ханс Кристиан Андерсен утром уехал в Италию. Дешевенькая гостиница встретит его опять... Медленно едет Андерсен, улитки — и те обогнали. Ханс Кристиан Андерсен, как нам тебя догнать?

В самое первое путешествие Ханс Кристиан отправился, когда ему было четырнадцать лет. Он впервые ехал в почтовом дилижансе! Правда, без билета — фру Андерсен еле-еле уговорила кучера довезти сына из родного города Оденсе до Копенгагена, столицы Дании,— денег в семье не было. Ноги молодого человека болели и ныли, потому что новые сапоги неимоверно жали. Зато это были первые его настоящие взрослые сапоги! Их сшил Гансу отчим, бедный сапожник. Умерший за несколько лет до этого отец Ганса тоже был сапожником. Новые сапоги здорово блестели и при малейшем движении поскрипывали. Это предвещало удачу — в таких сапогах его не могут не заметить, его примут в любом самом аристократическом доме и, главное,— в театре. Все будет в порядке. Что ж с того, если он едва умеет грамотно писать? Зато он знает много пьес наизусть. Эти не понравятся? Он сам сочинит новые! Столько, сколько понадобится. У него нет денег? Не беда, он замечательно ловко танцует. Он не хорош собою, зато твердо знает, чего хочет. Он будет актером! Он попадет в театр, чего бы ему это ни стоило. С такими сапогами не пропадешь!

Кучер высадил Ханса Кристиана Андерсена неподалеку от Копенгагена — до самой конторы дилижансов везти безбилетного пассажира не годилось. Дальше Ханс, поскрипывая сапогами, двинулся пешком прямо в город. Копенгагенцы, не любившие необычное, с удивлением смотрели на сутулую долговязую фигуру, шествующую, размахивая руками, быстрым шагом. На длинноносом лице с близко посаженными глазами были написаны уверенность в себе и беззаботное счастье.

Иди без опаски по тропам своим. Сбываются сказки, когда захотим. Встречая удары, от них не беги. Недаром, недаром скрипят сапоги. Красою не вышел? И то ничего! Нос вырос, чтоб выше держал ты его!

Ханс Кристиан Андерсен явился в городской театр и сразу же отправился к режиссеру.

— Чем могу быть полезен? — удивился режиссер.

— Это я могу быть вам полезен,— ответил Ханс Кристиан,— я буду работать в этом театре.

— А вот это мы еще посмотрим. Что вы умеете, молодой человек?

Ханс снял сапоги и бережно поставил их в угол.

— Что вы делаете? — осведомился режиссер.

— Я буду танцевать, а в сапогах это не вполне удобно,— объяснил Андерсен и пустился в пляс. Но танцевал он не очень-то здорово.

— С вашей фигурой,— сказал режиссер,— вы не подходите для балета. Вы слишком худы.

— Ах, если бы вы приняли меня в труппу хотя бы с небольшим окладом, я бы очень быстро растолстел, клянусь,— пообещал Ханс Кристиан.

Режиссер сказал:

— Лучше покажите что-нибудь еще.

И тогда Ханс Кристиан прочел монолог из драмы, а потом спел песню из водевиля, а потом сыграл комическую сценку. Но режиссеру все это не понравилось. И, честно говоря, его можно было понять, этого режиссера. Но он был человек добрый и видел, как юноше из провинции хочется стать актером. И он сказал:

— Наверное, эти роли для вас слишком сложны. Может быть, вы знаете другие?

— Конечно! — воскликнул Андерсен. И принялся декламировать снова.

— Что это было такое? — опомнившись через некоторое время, спросил режиссер.

— Эту трагедию я сам сочинил.

— Она вам не совсем удалась,— сказал вежливый режиссер, чтобы не обидеть юного автора.

— Ничего страшного,— ответил Андерсен,— я напишу другую и тогда приду к вам опять.

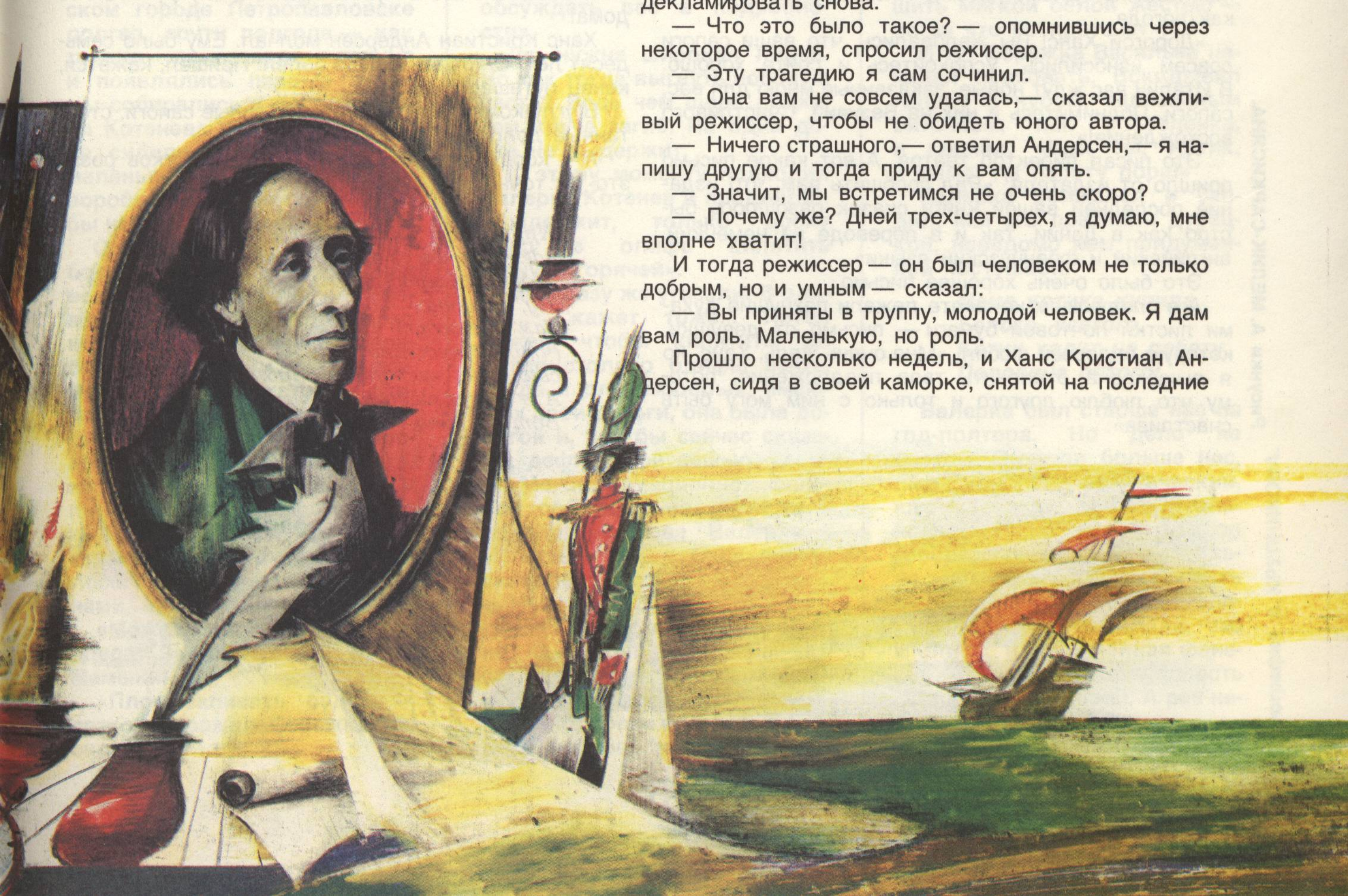
— Значит, мы встретимся не очень скоро?

— Почему же? Дней трех-четырех, я думаю, мне вполне хватит!

И тогда режиссер — он был человеком не только добрым, но и умным — сказал:

— Вы приняты в труппу, молодой человек. Я дам вам роль. Маленькую, но роль.

Прошло несколько недель, и Ханс Кристиан Андерсен, сидя в своей каморке, снятой на последние

гроши, мог насладиться плодами своего упорства. Он прижимал к груди афишу, на которой черным по белому было написано: «Король эльфов — господин Андерсен».

Не накоплено богатств в сейфах, вместо славы — лишь одни грезы... Хорошо быть королем эльфов в сапогах из лепестков розы! Льется, словно из большой лейки, мелкий дождик, и вокруг сыро. Хорошо быть королем эльфов, даже если в сапогах дыры. Не зайдете, как богач, в отель вы, так и будете стоять в луже... В царстве эльфов хорошо эльфам! В Копенгагене для них хуже.

Время летит очень быстро, особенно если много работать и много путешествовать. А Ханс Кристиан Андерсен любил и то, и другое. Он окончил школу. Потом сдал университетские экзамены. В театре он пробыл недолго — понял, что актерское поприще не для него. Другое дело — сочинять. Он писал пьесы, романы, стихи, путевые заметки, сказки. Он стал известным писателем. Но богатства это Андерсену не принесло. Иногда ему даже не на что было починить старые сапоги. Зато у него появилось много друзей. Им часто приходилось встречать и провожать Ханса Кристиана. Провожая, они грустили, а встречая,— радовались. Однажды, когда Андерсен отправлялся в очередное путешествие, на этот раз — в Италию, они передали капитану корабля связку писем и договорились, что каждый день Хансу Кристиану будет вручаться по конверту. Что ни день — весточка. Как будто и не уезжал из дому. Одни письма друзья написали сами, другие взяли из обширной корреспонденции писателя. Капитан обещал исполнить просьбу друзей, крикнул: «Отдать швартовы!», и корабль отчалил.

В море то светило солнце, то налетал ветер, то опускался мертвый штиль. Но независимо от показаний барометра Андерсен каждый день получал от капитана по одному письму. Письма были разными, как погода.

«Дорогой Ханс! Вы жаловались, что ваши сапоги совсем износились. Успокойтесь и спите хорошо. В Италии вас ждут новые, заказанные мною для вас, сапоги. Поднимитесь в них на Везувий. Счастливого восхождения!»

Это писал директор театра. А вот какое письмо пришло от издателя: «Рад сообщить вам, что издание последней вашей книги сказок разошлось быстро как в Дании, так и в переводе на немецкий, английский и французский языки».

Это было очень хорошее письмо.

А в следующем конверте лежали пахнущие духами листки почтовой бумаги — письмо от девушки, которую Андерсен любил. «Мне очень жаль, Ханс, но я вынуждена отклонить твое предложение, потому что люблю другого и только с ним могу быть счастлива».

От этого письма погода сразу испортилась.

А на четвертый день в конверте оказалась вырезка из газеты с рецензией на сказки Андерсена: «Разве у детей обостряется чувство приличия, когда они читают про принцессу, едущую на спине собаки в гости к солдату, который ее целует?»

Это письмо было смешным.

Зато на пятый день, последний день пути, капитан вручил Андерсену последнее письмо — записку от маленькой девочки: «Спасибо тебе за сказки. Они очень хорошие и ты их много знаешь. Я догадалась, кто ты — ты король эльфов!»

Над синью рек, над высью гор, откуда-то куда-то несутся письма с давних пор и ищут адресата. Летят, летят они вперед, направо и налево. Нам вьюга вести принесет от Снежной Королевы. Письмо на туче пишет тролль когтистою рукою, выводит буквы эльф-король цветочною пыльцою, король посланье набросал на мантии поношенной, солдат — на сабле написал, принцесса — на горошине... В мельканье быстротечных дней и в суете событий не забывайте про друзей, пишите им, пишите!

Прошло три десятка лет. Ханс Кристиан Андерсен, почетный гражданин своего родного Оденсе, один из самых известных писателей мира, названный соотечественниками «славой Дании», лежал в своей постели. За окном шумел Копенгаген. В комнате никого, кроме Андерсена не было, и все-таки он был не один.

— Я улетаю далеко-далеко, в дальние страны. Хочешь лететь со мной? — спросила ласточка.

— Завтра мы должны улететь. Хватит ли у тебя мужества лететь с нами? — подхватили дикие лебеди.

— Нам одна дорога — пуститься по белу свету! — воскликнула фарфоровая Пастушка.

— Хочешь прогуляться? — сказал Оле-Лукойе.— Побываешь ночью в чужих краях, а к утру — опять дома!

Ханс Кристиан Андерсен молчал. Ему было семьдесят лет. Он очень сильно болел. Пришел, кажется, конец путешествиям.

В углу комнаты стояли разношенные сапоги, стоптанные долгими странствиями.

А у короля эльфов сапожки из лепестков розы, это уж точно!

Крутятся колеса, катится карета,
едем мы по свету кто куда.
Ждут ли чудо-сказки нас в дороге этой?
Ну, конечно,— да!
Там нас ждут принцессы
(что за недотроги!),
свинопас, пастушка, тролль, поэт.
А в конце дороги ждет конец дороги?
Вот уж это — нет!

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Сергей
БАЙМУХАМЕТОВ

ЗЕЛЕНЫЙ КАМЕНЬ

Нет, это был совсем не такой камень, что нашли мы когда-то с Толькой Губарьковым на болоте. Это был настоящий аквамарин, привезенный мне приятелем из далекого Забайкалья, синевато-зеленый, загадочный. Мне вначале казалось, что аквамарин растворяется в зеленой ишимской воде. Но только показалось. Он не растворялся, он терялся. Стоило присмотреться — и вот он лежит на ладони, отсвечивает, но не растворяется. А тот, наш камень из детства, был зеленый и прозрачный. Сквозь него все было видно на просвет. Он исчезал в ишимской воде, словно попадал в родную стихию.

Долгая жизнь на реке, одиночество, долгие часы молчания поневоле настраивают на особый лад. Смотришь на бегущую воду и как будто сквозь зеленый прозрачный камень из детства, как сквозь кристалл, видишь все, что было, начинаешь перебирать прошлое, сопоставлять, выстраиваешь цепочку случайностей и неслучайностей.

1

Мало ли о чем мечтали мы в детстве! Всего сейчас и не вспомнить. Ничего в голову не приходит, кроме одного.

Как только кончалась зима, а она у нас не столько в казахстанском, сколько в сибирском городе Петропавловске долгая, почти полгода,— как только пригревало солнце и появлялись первые лужи, мы собирались у дома Валерки Котенева на широкой лавке, сидели часами на солнце, маленькие и серенькие, как воробьи, и мечтали о том, как бы нам построить свою лодку.

Она должна была быть большой, чтобы вместить нас всех. Широкой, чтобы не перевернуться, чтобы по ней можно было ходить, как по кораблю. Как довезти ее до реки, мы уже знали: каточки сделать, ровные чурбачки подобрать, и по этим каточкам провезти ее через город, спустить на воду — и мы путешествуем по Ишиму! Мы говорили, мечтали, и глаза наши горели счастьем, как будто все получилось, как будто вот она, перед нами, наша лодка!

«Может, легче будет плот сделать?» — предлагал Вовка Мамыкин.

«Плот заливать будет!» — резко возражал Сережка Васильев.

«А в «Школе» у Гайдара у пацанов плот был».

«Так они на нем по пруду плавали, шестами от дна отталкивались, до дна там достать можно. А на реке глубина какая?!»

«Конечно...» — соглашался Вовка, и мы снова начинали обсуждать все в подробностях.

Да, нужна широкая лодка. Но как тогда выгнуть носовую часть? Ведь чем шире лодка, тем круче загиб. Ни одна доска не выдержит.

К этому моменту подходил Валерка Котенев и предлагал: «Выдержит, только доску надо в олифе кипятить и гнуть горячей».

Мы сразу же угасали. В олифе... Скажет тоже... Котел нужен, чтобы кипятить, да и где столько олифы взять, когда и для взрослых, имеющих свои деньги, она была дорогой и, как бы сейчас сказали, дефицитной вещью.

«Можно авиационной фанерой оббить, а не досками,— предлагал снова Валерка.— И гнуть легче, и воду пропускать не будет».

Мы смотрели на него с раздражением: где это он столько авиационной фанеры достанет, ее вон столько надо,— и продолжали свое... Можно, конечно, доски не гнуть, а сделать нос без загиба, под углом. Но тогда некрасиво будет, не лодка, а утюг. А Сережка Васильев тогда уже знал красивое морское слово — «обводы». «Обводы не те будут»,— вздыхал он.

«Тогда надо по-другому,— говорил Валерка.— Прибить доски под углом, а сверху обшить мягкой белой жестью — ни за что не протечет».

И тут Сережка Васильев начинал психовать. Вскидывал голову с чубом, зализанным виточком, как у теленка, и кричал: «Иди ты, Котик, к маме! На работу пора!»

Валерка обижался и уходил. Мы его дразнили дурацкой, неведомо кем придуманной частушкой:

Мама котика купила,
Белого, усатого.
Котик ходит на работу
Половина пятого!

Валерка был старше нас на год-полтора. Но дело не в этом. Он знал больше нас, был человек практический, как сказали бы сейчас, реально мыслящий. И все, что он говорил, он говорил правильно. Но эта его правильность была для нас хуже оскорбления: ведь мы понимали, что и олифа, и авиационная фанера, и белая мягкая жесть для нас недоступны. А раз недоступно — конец мечте.

Мы многое умели. Ведь в те,

Фотография А. КРУПНИКОВА.

в пятидесятые годы почти весь Петропавловск жил в частных домах. И почти в каждом доме был свой верстак, столярный и слесарный инструмент, так что пилить, строгать и конопатить нас не надо было учить.

Но согласитесь, когда людям по десять лет, возможности у них ограниченные.

Но все равно, я думаю, будь у нас тогда старший товарищ или кто из родителей принял бы в нас участие, наша мечта бы сбылась, мы бы все достали, с помощью старших, конечно. Но старшие с нами не водились, у них были свои интересы, а родители в те нелегкие годы думали только об одном: как бы прокормить, обуть и одеть нас, а на остальное у них не хватало ни времени, ни сил, ни привычки.

С тех пор прошло почти три десятка лет. И во взрослой своей жизни я и мои друзья все-таки построили свои лодки. Ходили мы на резиновых шлюпках, байдарках, на катамаране под парусом по Ишиму, Истре, Наре, Суходреву, Протве... Каждый год летом мы с другом детства Толькой Губарьковым встречаемся на Ишиме. И у нашего палаточного лагеря, у маленькой песчаной косы, стоят на приколе и байдарка, такая красивая на реке, что замирает сердце, и две резиновые лодки, и плоскодонка кого-нибудь из местных рыбаков...

Когда я летним вечером иду на байдарке по тихому, зеркальному Ишиму мимо белых глиняных обрывов, мимо зеленых полей полузакрывшихся лилий, мимо острова, похожего на зеленого ежа, когда вспоминаю нашу пронзительную детскую мечту, то думаю: жизнь получилась, удалась, сложилась по какому-то, быть может, с детства определенному тонкому пунктиру судьбы. Не в том даже суть, что мальчишеские мечты не пустяк в жизни каждого отдельного человека. А в том, что все сложилось без каких-то особых устремлений, планов, задач,— все сáмо собой, по какой-то неодолимой потребности души, такой сильной, что более всего это похоже на ощущение жажды, когда на исходе сырой московской зимы начинает исподволь, вначале не особо заметно, а потом уже нестерпимо жечь в груди. Снятся ночами и видятся днем трава, деревья, река, Ишим — и ничто, кроме этого, не излечит.

2

А ведь было так, что четыре года подряд я не был на Ишиме. Почти у каждого, наверно, бывают такие годы, когда все кувырком: переезды, устройства, отпуска зимой и якобы сверхважные дела летом — словом, ничего не получалось. А когда вырвался наконец, в Москве уже стоял холодный, дождливый сентябрь, и знакомые крутили пальцами у виска, говорили: «Там же Сибирь...» Но в Петропавловске было, как бывает раз в десятилетие, солнечно, тепло, даже жарко, и Тольку Губарькова с завода на неделю отпустили, отгулы накопились — все так неожиданно, счастливо совпало. И потому, наверно, так помнится отчетливо то путешествие по реке. Как первый глоток воды после долгой жажды.

Река — дорога древних. Других дорог просто не было. И потому города и веси, храмы и терема ставились древними зодчими так, чтобы они открывались с реки, с главных ворот города, с въездных путей. Без этого, без взгляда с реки, нельзя постичь до конца замысла строителей, нельзя до конца понять красоту маленьких городов и сел по берегам наших бесчисленных рек. Мы в повседневной, «береговой» жизни и не подозреваем об этом. И понимаем это вдруг только тогда, когда впервые увидим, как открывается Петрово-Дальнее с Истры, поражаемся, когда проходим Боровск, и с каждым поворотом Протвы город с его бесчисленными куполами древних храмов открывается по-новому, как в круговой панораме. Таким видели и Боровск, и другие древние города те люди, что шли с товарами по рекам и озерам и пять, и шесть веков назад.

Отсюда, наверно, с подспудного, неосознанного ощущения древности, первобы-

Рисунок А. ДЕРЖАВИНА.

тийности этого пути и идет наша тяга к путешествиям по рекам: в плоскодонке, в байдарке, в такой игрушечной на вид, но надежной, устойчивой резиновой лодке, и только на веслах, чтобы не возвышаться над водой на палубе теплохода или даже катера, а быть на воде, вровень с ней. Все дело в точке зрения. В самом прямом смысле. С берега никогда не увидишь того, что увидишь с реки...

Первая неделя путешествия пролетела стремительно. Настал день, когда Толька уехал. И я остался один. Это всегда трудно в первые минуты. И потому надо сразу заниматься делом. Потом втягиваешься.

Я и занялся. Вымыл, высушил лодку, стал складывать вещи, тщательно, выверенно, потому что раскладка вещей в резиновой лодке — важное дело. И равномерность нужна, и жесткость, и упор для ног, и для спины, чтобы не устать от ежедневной страды на веслах.

С Толькой-то мы немного прошли, все больше рыбачили и разговаривали. Так что, по моим расчетам, впереди еще было километров четыреста пути. Сейчас это даже странно: как можно было пуститься в пятисоткилометровый путь по реке от Петропавловска до тюменского города Ишима на тихоходной резиновой лодке, да еще в одиночестве, да еще осенью, под холодными дождями? Но не в дождях дело, а в дальности, в скорости. Тогда же я совсем не думал об этом. В голову не приходило. И если бы не мужики из тюменского села Лариха, так бы и думал, что все нормально, так и должно быть.

Они рыбачили на омутах за Ларихой, где большие глубины: три лодки, большие черные плоскодонки, стояли на якорях, образовав треугольник. Я подплыл, подошел к ним покурить, словом перемолвиться. О погоде, о клеве. И тут один из них спросил:

— Откуда плывешь-то?

— Из Петропавловска.

— Откуда??

— Из Петропавловска, говорю. А что?

И они захохотали. Как они хохотали! Бросив удочки, заваливаясь на борт, раскачивая большие лодки так, что волна ходила чуть ли не от берега до берега. «За каких же дурачков он нас принимает, а? В этом резиновом тазу из Петропавловска приплыл? Умора! Расскажи кому — не поверят!» — вот что примерно означал их хохот. И что можно было сказать на это? Да ничего. Разве что рассказать, как мы сидели дождливым сентябрьским вечером с заместителем главного редактора нашей газеты Алексеем Филипповичем в его кабинете, и я просился в отпуск. «Дел много, сам видишь... Но отпусти я тебя,— ехидно посмеивался Алексей Филиппович,— так небось завтра же был бы где-нибудь в Гульрипши или Пицунде?» «Да ни за что на свете! — вырвалось у меня.— Голову бы заложил прямо сейчас, чтобы сидеть в своей лодке на Ишиме!» «При такой-то погоде? — удивился он.— А там, наверно, еще холоднее?» «Эх, Алексей Филиппович,— ответил ему я.— Не бывает плохой погоды — бывает плохая экипировка и вредное начальство...» «Ну, ты не дави, не дави на старика,— забурчал он.— Отпуск я тебе дать не могу. А вот в командировку отправить — ладно, давай. Путевой очерк сделаешь?»

Вот ведь как бывает в жизни...

Прицепил я резиновую лодку к рюкзаку, утром рано был в Домодедове, днем в Петропавловске, через два дня на Ишиме, а сейчас вот у села Лариха, болтаюсь в своем резиновом тазу...

Посмеялся я вместе с ларихинскими веселыми мужиками, покурил да и отправился дальше, не зная, обижаться мне или веселиться.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

САТИРИКОНЧИК

Конец учебного года — время подведения итогов. Решил заняться этим полезным делом и «Сатирикончик». Конкурс имени барона МЮНХГАУЗЕНА объявляется закрытым, и вашему просвещенному вниманию предлагается лучшая правдивая история барона, а также еще кое-что.

Новые приключения барона Мюнхгаузена

Небольшое предисловие

Как ни удивительны мои прошлые подвиги, но я спешу рассказать вам о следующих и еще более поразительных происшествиях, случившихся со мной в последнее время.

Могу рассказать и больше, но боюсь, что, хотя я самый правдивый человек на Земле и во всей Галактике, а истории мои совершеннейшая правда, вы мне не поверите, как не верит никто.

Как убедить недоверчивых? На довод, что я опубликовал (точнее, рассказал) свои первые истории более двухсот лет назад, а сейчас как ни в чем не бывало сижу перед ними, они отвечают:

— А ведь вы неплохо играете роль выдумщика!

Пишу вам в надежде, что хоть вы поверите мне.

«Стык времен»

А началось все с того, что мой очень близкий друг, российский помещик Норов, решил показать мне свои владения.

Выйдя из его хором, мы чуть ли не сразу оказались в роще. Среди ив, берез, осин и кленов, как бы возвышаясь, стоял огромный старый дуб. На высоте около двух метров чернело отверстие.

Не размышляя, я ухватился за нижние ветки и полез туда.

Норов заорал и топнул ногой в порыве злости (такое у него бывало):

— Какого черта ты туда лезешь? Не разрешаю тебе ползать по моему дереву!

До сих пор не понимаю, зачем же я карабкался туда и какая сила заставила... нет, даже затягивала меня в дупло.

Я влез туда и попал в большой зал. Оглядевшись, увидел какие-то стекла, кнопки, рычаги, красную надпись «Стык Времен», а также кучу всяких приборов (правда, тогда я не знал, что эти ящики — приборы).

С удовольствием сел в кресло, нажал несколько кнопок, повернул рычажок. Потом мне все это надоело, и я вылез из дупла. Норова поблизости не оказалось. Он даже не отозвался на мои крики.

Выйдя из рощи, я несказанно удивился, поскольку дома моего друга не было. Вместо него передо мной открылась бетонная полоса (это потом я узнал, что она бетонная). На ней стоял какой-то аппарат с винтами на крыльях. Как выяснилось, самолет.

Пораженный тем, что увидел, я подошел к группе людей. Один из них говорил:

— Ну ребята! Надеюсь, вы все хорошенько запомнили?

Чрезвычайно заинтересованно я слушал, как раскрывать некую вещь со странным названием «парашют». Затем вместе со всеми вошел в самолет. Никто не обратил внимания на появление лишнего человека. Через некоторое время после взлета открылся люк, я выпрыгнул последним, но тут понял, что забыл надеть парашют!

Конечно, в такой ситуации растерялся бы любой человек. Но не я! В моей голове мгновенно созрел план действий.

Я выхватил из кармана бумажку и бросил ее вниз. Лишь только маленький белый кусочек поравнялся с моими коленями, как я тотчас согнул ноги и изо всех сил оттолкнулся от него. Бумага тут же сгорела от трения о воздух, а я взлетел вверх! Все это произошло так быстро, что самолет не успел улететь.

Но опять передо мной стала сложная задача — самолет обхватить невозможно, люк уже был закрыт, шасси еще не выпущены.

Не теряя времени даром, я ухватился за лопасть винта!

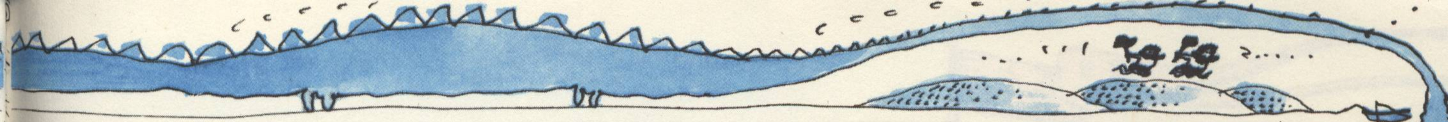
Представьте себе удивление людей, когда самолет приземлился!

Тут я вспомнил о моем друге — помещике и пошел к дубу, но только у надписи «Стык Времен» понял, что забыл, на какие кнопки нажимал в прошлый раз. С горя перевернул все рычаги, которые мог достать.

Когда вылез наружу, то не понял, где нахожусь. Слева была вырыта яма, и шесть человек опускали в нее сундук, очевидно, набитый сокровищами доверху. В сторонке, прислоненные к дереву, стояли шесть карабинов. Справа я увидел десятиметровое чудище — не что иное, как динозавр!

Я понял: что-то тут не так, поскольку видел как бы два разных мира: давно исчезнувшие и вполне теперешние деревья росли прямо из одного места. В моем мозгу мелькнула догадка: я находился в разных, никак не связанных друг с другом временах. Разбойники (а я сразу понял, кто эти люди) не видели и не могли видеть динозавра, а дино-

завр — их. Очевидно, если бы они подошли к первобытному ящеру, они бы прошли сквозь него: ни страшное пресмыкающееся, ни люди ничего бы не почувствовали.

Тут я чихнул и замер: разбойники мгновенно вскочили со своих мест и бросились к оружию. Повернув голову, я заметил явно нешуточные намерения ужасного исполина.

Шесть карабинов уперлись мне в грудь, а сзади меня обжигало горячее дыхание динозавра.

Сколько раз я повторял, что находчивость — великая вещь. Да, в этой ситуации я не мог поступить так, как поступил, находясь между львом и крокодилом, но...

Я повернулся и, выхватив шпагу, бросил оружие прямо в разинутую пасть ужасного зверя!

Ящер сначала стоял как вкопанный, затем издал ужасающий рев и рухнул на землю. Голова его оказалась у моих ног.

Один из разбойников, которые не двигались, наблюдая, с их точки зрения, странное зрелище, удивленно спросил меня:

— Что это значит?

Я вмиг понял, что они видели лишь мою шпагу, которая, по их мнению, зависла в воздухе, когда же динозавр свалился, она преспокойно лежала на высоте около метра (в желудке). Понял я также все выгоды своего положения.

Взгромоздившись на голову поверженного ящера (для них я стоял на воздухе), я сказал:

— Давайте сюда оружие и сокровища!

Струсившие разбойники передали мне один за другим шесть карабинов и сундук.

Без лишних слов я подошел к дубу, втащил внутрь добычу и влез сам.

На этот раз, хорошенько понажимав на кнопки, я лихо выпрыгнул из дупла и, не заметив ничего странного, пошел вперед.

Роща кончилась. Передо мной предстало бетонное поле. Не полоса, а именно поле.

Я опять увидел какой-то аппарат. Возле него снова оказалась группа людей.

Из разговора я понял, что это — космический корабль и его собираются отправить на Луну.

— Но где же пилот? — спросил кто-то.

— Пилот — это я,— решительно ответил я, поскольку хотел в третий раз побывать на Луне.

— Отлично! — сказал тот, кто спрашивал.— Но я должен повторить вам то, что вы должны сделать.

И он столько наповторял, что не меньше чем половину я забыл. Зато понял, как управлять кораблем. Взобрался по трапу, сел в кресло. Нажал какие нужно клавиши, приподнял аппарат и взлетел вверх, набирая скорость.

Затем я посмотрел на скафандр, висевший рядом. В нем красовалась большая дыра. Плюнув на этот брак (и пробив в нем вторую дырку), я решил продолжать полет.

Примерно через час понял, что лечу слишком медленно, и выбросил балласт — тот самый скафандр, всякие фото и еще какие-то аппараты. Разбив иллюминатор, привел замысел в исполнение. Затем, чтобы не залетел какой-либо шальной метеорит, залепил иллюминатор блинами.

Уменьшение веса корабля сказалось быстро — глядя через дырку в блине, я увидел Луну. Лихо развернув аппарат, стал облетать спутник Земли.

К сожалению, я совершенно позабыл про антенну — ведь, облетая Луну на расстоянии полуметра, можно легко застрять между каменными глыбами, которые там на каждом шагу. Так вот, мой космический корабль зацепился за обратную сторону Луны.

Что бы делал на моем месте человек, не умеющий находить неожиданные с первого взгляда решения? Умер бы от страха! Но эта беда произошла не с кем-то, а со мною, бароном Мюнхгаузеном.

Конечно, подать сигнал на Землю невозможно: ведь антенна неисправна. Но я и не собирался этого делать. Первой мыслью было:

— Съесть блины, вылезть наружу и разрубить эту антенну топором.

Но решение оказалось еще более простым.

Я так сильно заорал в отверстие, предназначенное для связи (уж не вспомню, как его назвал тот человек на космодроме), что антенна за бортом заходила ходуном и наконец раскидала те камни, между которыми застряла!

Я весело полетел дальше. Но мои злоключения на этом не кончились: через полчаса я обнаружил, что топливо на нуле. Пришлось изобретать новый способ движения. Находчивость выручила меня и тут.

Повернув корабль как бы уже для посадки, я изо всех сил треснул (иначе не скажешь) кулаком по полу. Мой космический дом получил мощнейший толчок (вы знаете мою силу в такие решающие моменты) и полетел намного быстрее, чем прежде. Вот что значит находчивость!

Так и добрался до Земли. Правда, я слишком сильно трахнул кулаком — корабль получил трещину. Но это не главное.

Посадку я совершил ночью — никто ничего не заметил. Пошел в рощу и влез в дупло.

И тут я решил попытать судьбу в последний раз — если не попаду во времена Норова, то остаюсь там, куда попал.

А попал я к вам.

Небольшое послесловие

Благодарен вам за то, что вы прочли мое письмо. У меня лишь одна просьба: когда вы придумывали задания для конкурса, вы, и не подозревая, что со мной все так случилось, просили ребят придумать сюжет и развязку. Но я рассказываю чистейшую правду — ведь я самый правдивый человек на Земле и во всей Галактике.

Поэтому предлагаю:

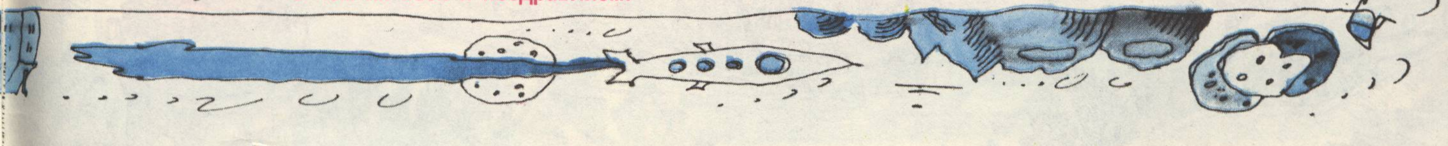
Мне, независимо от того, придумает ли кто-нибудь из ребят истории позаковыристее, присвоить почетное звание НАИПРАВДИВЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК «САТИРИКОНЧИКА», а тому, кто придумает самую неожиданную историю,— ЛУЧШИЙ ВРАЛЬ «САТИРИКОНЧИКА».

Барон МЮНХГАУЗЕН,
в настоящее время пребывающий во Львове.

«Сатирикончик» решил пойти навстречу просьбе барона Мюнхгаузена, проживающего ныне во Львове под именем Л. П. Гитлин, и присваивает ему почетное звание НАИПРАВДИВЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК «САТИРИКОНЧИКА». А остальные победители конкурса — Максим Щербаков из Краматорска, Тагир Насибулин из поселка Подтесово Краснодарского края, Оксана Лавренко из села Дарагановка Ростовской области, Лена Налык из Тюмени, а также учительница Мария Дмитриевна Черных — отныне и впредь будут носить почетный титул «ЛУЧШИЙ ВРАЛЬ «САТИРИКОНЧИКА».

С чем их всех и поздравляем!

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Шахматный клуб «Новые Васюки» 64

Где наш Ося Б.? Где странствует? Что сейчас делает?» — спрашивают читатели в письмах.

Дорогие читатели! Есть свежие новости! Ося Б. пьет чай в Венгрии. А именно в городе Будапеште, в гостях у «шахматной» семьй Полгар... Приглашаем и вас побывать сегодня в Венгрии.

ВЕНГЕРСКИЕ ДЕВОЧКИ

В конце прошлого года на Олимпиаде в Салониках советская женская сборная впервые в истории этих соревнований уступила победу: золотые медали завоевала венгерская команда, в которой играли три сестры Полгар и И. Мадл. Семейное трио возглавляла девятнадцатилетняя Жужа. Она уже не раз добивалась успехов в крупных мужских соревнованиях: в ее «коллекции» немало побед над известными гроссмейстерами. Несколько таких же турниров выиграла и четырнадцатилетняя София. Однако сейчас всеобщее наибольшее внимание привлекает самая младшая из сестер, двенадцатилетняя Юдит, которая, по общему мнению, может даже пошатнуть многовековое превосходство «сильного пола» в шахматах.

На Олимпиаде юная шахматистка играла превосходно, добившись абсолютно лучшего результата — 12 побед и всего одна ничья.

Вот ее партия, получившая приз за красоту игры.

Ю. Полгар — П. Ангелова

Сицилианская защита

1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 g6 4. 0—0 Cg7 5. c3 e5 6. d4 ed 7. cd K:d4 8. K:d4 cd 9. e5 Ke7 10. Cg5 0—0 11. Ф: d4 Kc6 12. Фh4 Фb6 13. Kc3 C: e5 14. Лae1 C:c3 15. bc Ф:b5 16. Фh6 Фf5 (внимание!) 17. Ф:f8+ **Черные сдались.**

Юдит уже установила несколько собственных рекордов: она выиграла у мальчишек их чемпионат мира, в 12 лет стала международным мастером, причем, как говорится, в мужском разряде; на два года раньше, чем Г. Каспаров и Р. Фишер, которые добились этого звания в четырнадцатилетнем возрасте. После Олимпиады она победила на представительном рождественском турнире в Гастингсе (Англия), где опередила четырех гроссмейстеров и многих международных мастеров из разных стран.

Конечно, сестры талантливы, но дело не только в этом. Их отец, психолог по профессии, считает, что все ребята являются одаренными в той или иной степени, причем в различных областях, но современные школьные программы намного ниже уровня потенциальных возможностей ребенка. И он, избрав для своего эксперимента шахматы, доказал это на практике своих дочерей. Девочки получают домашнее образование, с пяти лет начали изучать шахматы, иностранные языки, другие науки. Раньше они занимались с неплохими тренерами, теперь их класс игры позволяет обходиться в занятиях собственными силами. Интересно, что играют они только в мужских соревнованиях — Олимпиада в Салониках была исключением,— и намерены всерьез претендовать на шахматную корону. Только не на женскую...

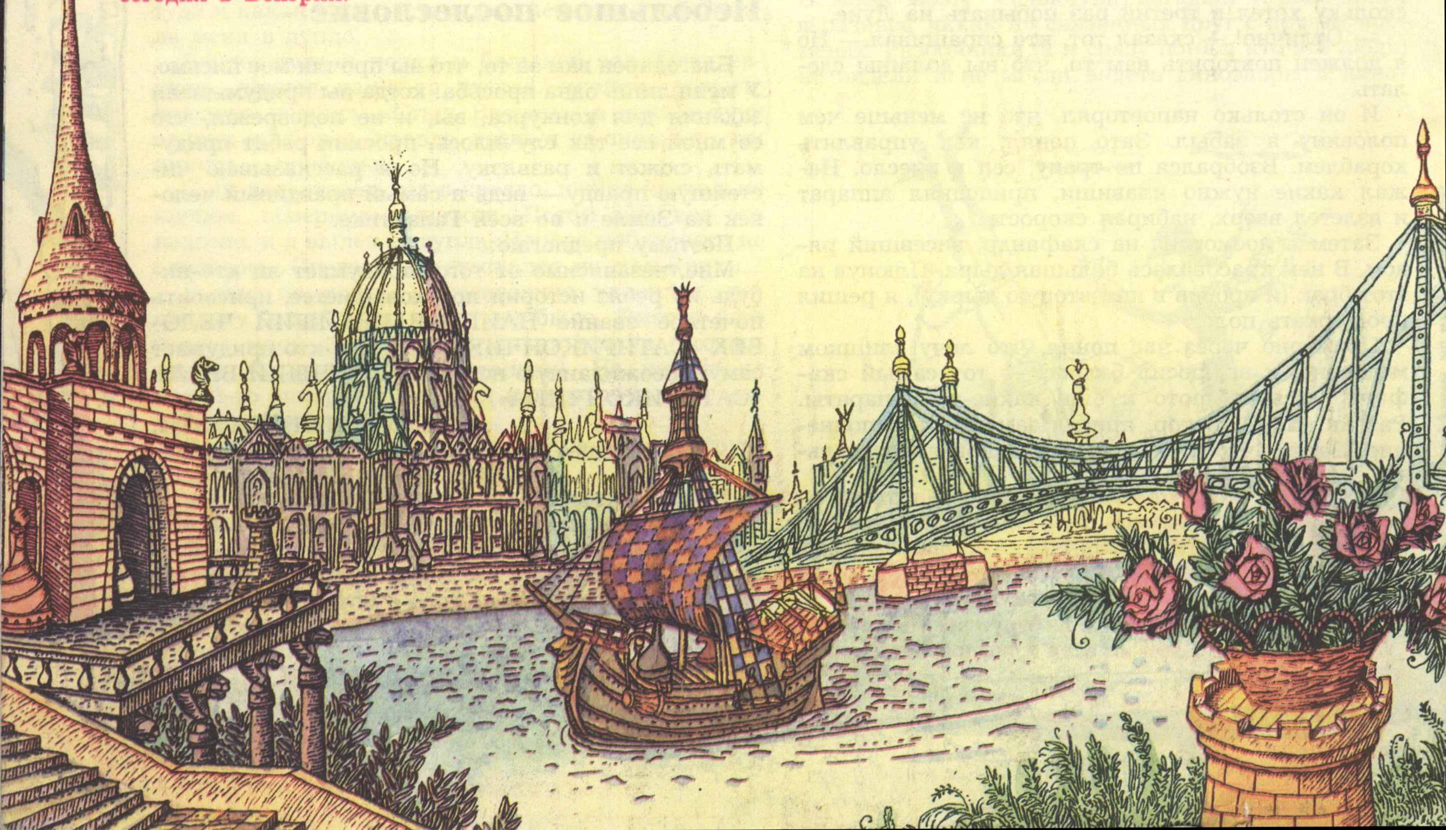

Рисунок А. БАЛДИНА.

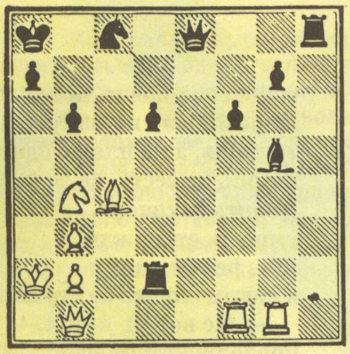

Диаграмма 1

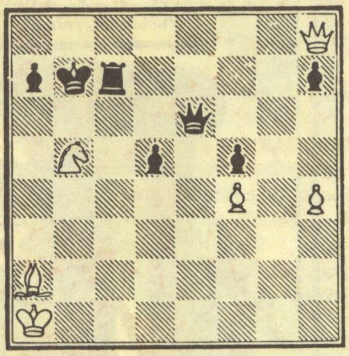

Диаграмма 2

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

НА ОПАСНЫХ ДОРОГАХ

Большие диагонали — важнейшие магистрали шахматной доски. Немало крушений произошло на этих дорогах, когда неосторожно открывался зеленый свет неприятельским фигурам — слону или ферзю. Тогда возможны самые неожиданные сюрпризы.

Диаграмма 1

У черных много лишних пешек, однако катастрофически слаба большая чернопольная диагональ, на которой расположился их король. Белые тонко и красиво используют это обстоятельство.

1. Л:b5! cb 2.Лc8!! Исключительно эффектно! Белому ферзю необходимо попасть на большую диагональ (2... Ф: c8 3. Фd4+ Крg8 4. Кh6х или 2... Л: c8 3. Фa1+). Поэтому принять отвлекающую жертву ладьи черные не могут.

2... Фd5. Удар на удар! В свою очередь, белым грозит мат ферзем на h5.

3. Фa1+!! Третья жертва, на этот раз ферзя!

3... e5. После 3... Л: a1 к цели ведет 4. Л:f8+ Крg7 5. Сh6х, но хорошей защиты у черных уже все равно нет.

4. С: e5+ (и слон прорвался на критическую диагональ) **4... Ф: e5.** В случае 4... Л: e5 снято нападение с пешки g2, и белые выигрывают просто — 5. Л: a8.

5. Л:f8+ (самое точное) 5... Крg7 6. Лf7+. Черные сдались.

Внимательно разберите все варианты и даже не один раз — это будет весьма полезно. А дальше договоримся так. Прежде чем знакомиться с пояснительным текстом к позиции, попробуйте в течение 10—15 минут найти путь к победе самостоятельно. Возможно, кто-то сможет сделать это и быстрее. Если же ничего не получается, тогда будем искать выигрыш вместе.

Диаграмма 2

Напрашивается 1. Фh8+, и если 1... Крh8, то 2. К:f7+ (вспомним название такого удара — коневая вилка), и белые выигрывают. Однако на жертву ферзя черные могут ответить 1... Крg6.

Поэтому белые должны прорваться на большую диагональ другим, более изящным способом. Сначала с помощью двойного удара они завлекают черного ферзя на поле e5 — **1. С: e5+ Ф: e5** и лишь только теперь — **2. Фh8+.** После вынужденного **2... Кр:h8** один белый конь справляется со всеми врагами — **3. К:f7+ Крg7 4. К: e5,** и воевать черным уже бессмысленно.

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, В. И. ПОРУДОМИНСКИЙ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Р. С. СЕФ, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник А. М. ГРИШИН.
Художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

ЧИТАЙ В ИЮЛЕ:

продолжение повести Ю. Даниэля; очередные выпуски разделов «Переходный возраст» и «Клип-клуб»; итоги очередного дровссорка в «Сатирикончике».

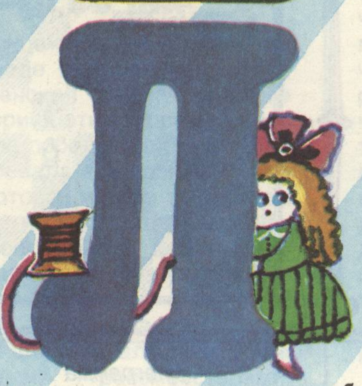
Сдано в набор 04.04.89.
Подписано к печати 19.04.89. А 08837.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 456.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Лежебока, просыпайся,— упорно расталкивал Матроскина Домовенок.— Солнце высоко, тучки далеко,— надо на речку собираться.

— И не уговаривай,— повернулся на другой бок Матроскин. — Знаю я эти походы на речку,— полдня вещи собираешь, потом по жаре и пыли их на себе тащишь, а на пляже одни камни, не сесть, не лечь... Попить захочешь — умрешь от жажды. А из речки пить ни в каком случае не стоит.

— Не ворчи, котик,— продолжал Домовенок.— Ты же у нас единственный спасатель, в тельняшке ходишь... Как же мы без тебя пойдем? А потом, знаешь, мы хорошо подготовились.

Матроскин вылез из кровати, протер глаза и увидел папу Карло, занятого весьма странным делом.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Местный полюс холода

Папа Карло выковыривал из морозилки кусочки льда и засовывал их в стеклянную банку. Когда банка наполнилась, он взял солонку и щедрой рукой солью посыпал лед. Потом обыкновенной пластмассовой крышкой плотно закрыл ледяную банку.

— Колобок, кастрюля готова? — поинтересовался папа Карло. Колобок тут же поднес большую кастрюлю, и папа Карло поставил в нее банку, после чего они вместе с Колобком закрыли кастрюлю крышкой, а крышку привязали так, чтобы она не сваливалась ни при каких обстоятельствах.

Матроскин взял кусочек льда и приложил ко лбу.

— Может, я вчера перегрелся,— сказал он,— но я не понял, чем вы тут занимались?

— Не горюй, Матроскин,— утешил его папа Карло.— Это я временный переносный холодильник сделал. Очень удобная вещь: гарантирует сохранность содержимого кастрюли в течение суток при любой жаре.

— Понял,— обрадовался Матроскин.— А что в кастрюле?

— Кефирный суп,— ответил Колобок.— Незаменимая вещь летом.

Кефирные берега

Пол-литра кефира надо хорошо размешать с полутора стаканами кипяченой воды. Мелко порезать две средние сваренные свеклы (примерно полкило), два крутых яйца, два свежих огурца, зеленый лук и укроп. Если найдется петрушка и кинза, будет еще вкуснее. Останется добавить три ложки сметаны и посолить.

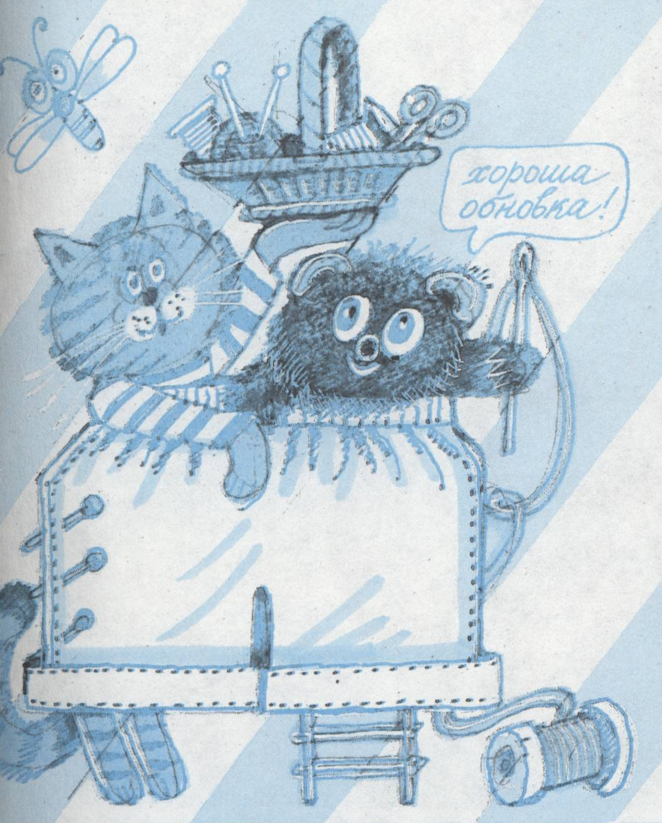
Вот и вся готовка! Кстати, очень удобно и то, что не надо в жару у плиты стоять долго... Да, чуть не забыл: вместо кефира можно использовать простоквашу и мацони. Кто хочет, пусть добавит мелко порезанный чеснок. Такой суп незаменим на пляже: он одновременно и еда, и питье.

— Попробуем твой кефирный супчик,— милостиво согласился Матроскин.— А в чем я пойду на пляж?

— Не волнуйся,— сказала ему Белоснежка.— Я даром времени не теряла. Я решила, что к твоей тельняшке подойдут брюки в полоску.

Как хорошо быть генералом!

Старые надоевшие тренировочные брюки можно превратить в красивую вещь. Надо только найти трикотаж яркого, контрастного к тону брюк цвета. Красиво смотрится белое полотно. Выкраивается широкая полоса трикотажа — сантиметров 10—12 — длиной от талии до самого низа. А из брючин аккуратно вырезается полоса сантиметров 8—10 (в зависимости от ширины нового трикотажа). Затем лампасы вшиваются внутрь, обрабатываются края. А к поясу пришивается широкая трикотажная полоса того же цвета. За счет таких добавлений у вас будет модная оригинальная вещь.

— Неплохо придумано,— заключил Матроскин, выслушав Белоснежку.— Но, пожалуй, в таких штанах жарковато...

— Тогда бери, Матроскин, шорты! — И Белоснежка показала еще один швейный сюрприз.

У спортивных белых мужских трусов делаются отвороты на лицевую сторону. Для этого нужно всего лишь подпороть шаговой шов на несколько сантиметров. Отвороты закрепляются ниткой и хорошенько отглаживаются утюгом. Можно подобрать красивый пояс и от пояса до отворота по бокам прикрепить зажимы от подтяжек.

Довольный Матроскин уже совсем было согласился идти на речку, но вдруг вспомнил:

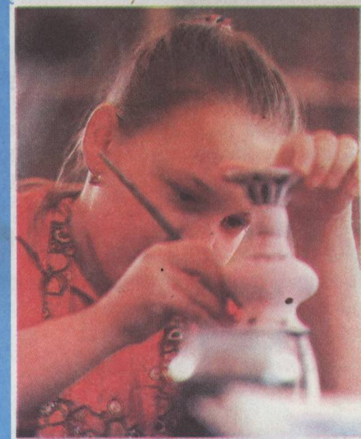
— А загорать-то я на чем буду? Мне на песке щекотно!

Матрасик для Матроскина

Такую подстилку сделать не сложно. Берете поролон. Желательно иметь три куска размером 60×60 см. Обшиваете их с двух сторон любой тканью — ситцем, сатином и т. д. С одной стороны размер чехла должен быть на 2—3 см больше, чем поролон. Затем складываете обшитые части так, чтобы они соединились именно в этих местах, и сшиваете по ткани. Получается такая трехступенчатая мягкая раскладушка. Ставите «раскладушку» и выбираете место для ручек. Ручки можно использовать старые — от какой-нибудь сумки или сетки — или сплести их из толстого шнура. Пришиваете ручки и спокойно отправляетесь с легкой сумочкой на пляж. А там сумочка превращается в мягкий матрасик...

30 коп. 26-12 Индекс 70694.

ГЖЕЛИ – 650 ЛЕТ

Далеко за пределами страны известна гжельская керамика — синяя роспись по белому фону.

От подмосковной речки Гжелки получила свое имя деревня Гжель. Впервые это поселение упоминается в грамотах 1339 года московского князя Ивана Даниловича Калиты. Но археологи утверждают, что гончарный промысел был распространен здесь и раньше.

Работы учащихся детской художественной школы, созданной при производственном объединении «Гжель», уже побывали на выставках в Чехословакии, Индии и Англии. А недавно ребячьи сувениры отправились в Пхеньян, на XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Роспись Лены АГАПОВОЙ, 11 лет.